

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

В.М. ШИРОНИН

КОГНИТИВНАЯ СРЕДА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Учебное пособие

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013**

ББК 65.012.2
Ш 64

Широнин В.М.

Ш 64 Когнитивная среда и институциональное развитие : учебное пособие / В.М. Широнин. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2013. – 264 с.

ISBN 978-5-7310-2919-3

В пособии анализируются формы общественной организации и институциональных изменений на основе достижений когнитивной науки.

Предназначено для студентов специальности «Экономическая теория» и бакалавров направления «Экономика», а также всех тех, кто интересуется проблемами институционального развития России и Запада.

ББК 65.012.2

Рецензенты: д-р экон. наук, проф. **Л.А. Миэринь**
д-р экон. наук, проф. **Е.М. Коростышевская**

ISBN 978-5-7310-2919-3

© СПбГЭУ, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Часть I. КОГНИТИВНАЯ СРЕДА И ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.....	7
Глава 1. Определение объекта	8
Понятие когнитивной среды	8
Примеры когнитивных сред.....	15
Глава 2. Когнитивная наука	37
2.1. Знаковые системы	37
Язык как конструктор.....	37
Где язык накапливает знание?	39
Знаковые системы.....	40
Примеры знаковых систем	41
Стабильность значений	47
Приложение: как формируются понятия	48
2.2. Информационные сети	55
Мозг и распределенное знание	55
«Классическая» когнитивная наука и машина Тьюринга	55
Нейронные сети и коннекционизм	57
Пример информационной сети: NETtalk.....	60
Где накапливает знание сеть?	62
Рынок: цены как «веса»	64
Глава 3. Основные свойства когнитивных сред.....	65
Общий взгляд на когнитивные среды	65
Целостное и локализуемое знание.....	68
Идеи и реальность.....	72
Рефлексия и метаязыки	78
Часть II. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ	82
Глава 4. Основные этапы институционального развития Западной Европы.....	84
Почему Запад стал богатым?	85
Западное христианство.....	90
Папская революция XI – XII веков.....	95
Военная революция XVI – XVII веков	108
Реформация и дух капитализма	112
Либеральный порядок	117
Национальное государство и массовое общество	121
Глава 5. Институциональное развитие России	127
5.1. Дореволюционная Россия.....	127

От варягов до Московского княжества	127
Московское царство и военная революция	137
Российская империя.....	141
Интеллигенция и революция.....	155
5.2. СССР	162
Противоречия НЭПа.....	164
Коллективизация.....	171
Сталинский СССР.....	177
«Социализм с человеческим лицом»	185
Гибель империи	200
5.3. Современная Россия	206
Эволюция советских институтов	206
«Гениальная власть»	212
Средний класс и его будущее	219
Часть III. «ЗАПАД» И «РОССИЯ»: МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА.....	222
Глава 6. Либеральный общественный порядок.....	224
Либеральный порядок как рефлексивная знаковая система	224
Вещи как идеи, идеи как вещи.....	231
Либеральный порядок и сети	234
Глава 7. Российский общественный порядок.....	236
Человек	236
Власть	241
Судьба знаковых систем в России	246
What is lacking in Russia?	251
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	254
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	Ошибка! Закладка не определена.

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге собраны мысли, которые накопились у автора в течение профессиональной жизни – из прочитанных текстов, наблюдений, собственных теоретических построений и дискуссий. Это знание хотелось привести в порядок и, по возможности, найти объединяющую всё общую логику. Именно эту логику, а не какие-то отдельные результаты, нужно считать основным содержанием книги. Если же говорить о более конкретных вещах, то мне показалось полезным собрать их вместе. Хотя многие приведенные здесь идеи давно известны и кажутся вполне очевидными, тем не менее, каждый день убеждаешься, что они не только отсутствуют в широком общественном сознании, но и не введены в профессиональный оборот.

К началу 1980-х годов у многих в Советском Союзе возникло ощущение кризиса и необходимости реформ. Как всегда, решение поначалу искали на поверхности – на пути улучшения методов планирования, дополнительного стимулирования предприятий. Одновременно возникло ощущение, что мы не понимаем общественную систему, в которой живем – об этом тогда открыто сказал руководитель страны Ю.В. Андропов. Несколько молодых экономистов в Москве, тогдашнем Ленинграде и Новосибирске решили подойти к этой проблеме более серьезно и все-таки постараться понять, как устроена наша жизнь. При этом большинству из них такое понимание нужно было для практической цели. Они хотели быть политиками, собирались менять страну своими руками – и сделали это как «команда Гайдара». Они нуждались не в схоластическом, а в практическом знании, ориентированном на принятие решений. Меньшинство, несколько человек, в том числе автор этой книги, политиками не были и рассматривали свою задачу как научную. Однако постоянное соприкосновение с миром практики придавало этой науке прагматический характер.

Парадоксальным образом это не противоречит тому, что содержание этой книги может показаться очень отвлеченным и далеким от реальности. Но если мы хотим разобраться с нашими вечными проблемами, придется, видимо, снять еще один пласт интеллектуальной почвы и привыкнуть, что практическое значение могут иметь вопросы, которые сегодня кажутся сугубо академическими. Мне кажется, что для этого сейчас нужны инструменты из области структуралистского и когнитивного анализа, именно они позволят понять то, как люди видят окружающий мир и как взаимодействуют с ним.

Задача этой книги как раз и состоит в том, чтобы собрать такой «ящик с инструментами», *toolkit*, из нескольких областей знания. Однако простое изложение абстрактных построений, без предметного наполнения, вряд ли может сделать их понятными. Поэтому книга написана по

большей части в жанре «коллажа» или учебного пособия, а не монографии, и ее значительная часть представляет собой краткое изложение работ, в которых основные узловые моменты рассмотрены более конкретно. Практически каждый из этих источников хорошо известен – но в основном только специалистам в своей области, а в совокупности они вряд ли представляют собой чей-то круг чтения.

Очень коротко, основные выводы этой книги состоят в следующем:

На общество стоит посмотреть, как на информационную систему. Это позволяет применить в обществоведении – и в частности, для анализа институционального развития – те методы и научные результаты, которые имеются в когнитивной науке и вообще в науках о знании. Обратная, не менее интересная задача состоит в том, чтобы понять, каким образом общественное устройство определяет априорные категории познания и основы мировоззрения людей.

При таком подходе мы видим, что Западная Европа в течение примерно двух тысячелетий выработала технику организации человеческих сообществ в виде *знаковых систем*. Это позволяет, как из детского конструктора, из имеющихся мыслительных и институциональных «деталей» легко строить бесконечное множество новых сложных отношений, поведенческих моделей и вещей. Мысленные, идеальные объекты превращаются здесь – перекодируются – в объективно существующие, «реальные». Такая техника аналогична изобретению письменности, и имеет не менее фундаментальные последствия, она позволяет отчуждать, сохранять и накапливать знание.

В отличие от этого, общественный порядок в России основан не на движении сложных ментальных конструкций, а на преобладании *сетевых структур*, где люди вступают в фундаментальные отношения, основанные на самых общих человеческих свойствах, и обмениваются достаточно простыми импульсами. Знаковые системы в нашей жизни также присутствуют, однако все они испытывают воздействие сетей и поэтому функционируют специфическим образом. Информационное развитие в нашем обществе происходит в голографическом виде – знание «размазано» по всей общественной системе.

Книга состоит из трех частей. Первые две из них идейно дополняют друг друга, но почти не связаны ни логической последовательностью, ни ссылками. Главы внутри каждой части также достаточно самостоятельны и имеют каждая свой предмет, но, тем не менее, логически соединены. Третья часть построена на фундаменте первых двух, хотя, наверно, ее можно прочитать и отдельно.

Часть I. КОГНИТИВНАЯ СРЕДА И ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

В последнее время в разговорах об общественном устройстве в России всё чаще вспоминают такой старый анекдот.

Жили-были старик со старухой. Старуха шила, а старик работал на фабрике швейных машинок. Поскольку шила она ручную, а машинки у нее не было, то старик стал потихоньку воровать с работы детали – то винтик принесет, то шестеренку. Наконец, когда все разнообразные детали, которые производились на фабрике, были в наличии, счастливые супруги приступили к сборке. Увы, получилась у них не швейная машинка, а пулемет.

Еще Чаадаев писал, что жизнь в России идет по кругу, время замерло и ничего не меняется. Какие бы реформы ни производились, в конце концов получается опять то же самое. Причем уже после Чаадаева мы успели «нарезать» еще несколько кругов. Если новый суд в середине XIX века и Государственная Дума в 1905 году могли быть источниками оптимизма, то сейчас дело обстоит наоборот. Почему так получается?

Как представляется, для ответа на этот вопрос нужно понять, из каких «запчастей» состоит человеческое поведение. Как устроены минимальные элементы поведения? Как они объединены в единый порядок? Эти же вопросы можно задать и по-другому: как, в каких терминах человек видит окружающий мир и общество? Как устроена система знания и коммуникации?

Мы видим внешний мир определенным образом, и вследствие этого наши действия тоже определенным образом структурированы. Верно и обратное, наш образ действий влияет на картину мира. Поэтому организация нашего поведения имеет когнитивную природу, т.е. она определяется тем, каким образом, в какой форме движется (производится, передается, накапливается...) знание и информация.

ког~~н~~итивный

лат. *cognitio* – поз~~н~~ание

однокоренные слова:

греч. – *γῶσις* (гноси)

англ. – *knowledge*

русс. – зн~~а~~ние

Глава 1. Определение объекта

Понятие когнитивной среды

Когнитивная среда, в которой находится данный человек, – это весь способ его взаимодействия с окружающим миром и его картина мира:

- Это те образы и понятия, которые человек способен воспринимать и передавать.
- Это то, как связаны между собой люди, с которыми он взаимодействует, и каковы их реакции.
- Наконец, это вещи, которые он может изготавливать и использовать.

Можно сказать, что когнитивная среда – это знание, если иметь в виду не только индивидуальное знание, а *систему знания и коммуникации*, созданную неким социумом и так или иначе доступную данному человеку. Можно также сказать, что когнитивная среда – это порядок, способ упорядочения отношений с миром.

Понятие когнитивной среды очень широкое, поэтому его определение может представить некоторую трудность. Мне кажется, что вопрос будет проясняться по мере того, как будет становиться понятнее цель, ради которой строится этот анализ. Эта цель, в сущности, состоит в том, чтобы «охватить единым взором» некоторый аспект жизни. Соответственно, мы сталкиваемся с теми же самыми трудностями, о которых говорил еще Фердинанд де Соссюр, впервые поставивший аналогичную задачу¹:

В чем же состоит и целостный и конкретный объект лингвистики? Вопрос этот исключительно труден... Другие науки оперируют над заранее данными объектами, которые можно рассматривать под различными углами зрения; ничего подобного нет в нашей науке.... Объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что точка зрения создает самый объект; вместе с тем ничто не предупреждает нас о том, какой из этих способов рассмотрения более истинный или более совершенный по сравнению с другими.

Конструируя понятие когнитивной среды, мы хотим объединить и те наблюдения, которые были сделаны раньше, в частности философами и экономистами. Кроме того, мы будем формировать интуитивное понимание когнитивной среды, двигаясь индуктивно и рассматривая более частные случаи когнитивных систем – языка, рынка, парадигмы, эпистемы.

¹ Курс общей лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Язык и речь

Как известно, «языком (*la langue*) Соссюр называл общий для всех говорящих набор средств, используемых при построении фраз на данном языке; речью (*la parole*) – конкретные высказывания индивидуальных носителей языка»². Вот слова из «Курса общей лингвистики»:

Но что же такое язык? По нашему мнению, понятие языка (*langue*) не совпадает с понятием речевой деятельности вообще (*langage*); язык – только определенная часть, правда, важнейшая речевой деятельности. Он, с одной стороны, социальный продукт речевой способности, с другой стороны – совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц. Взятая в целом, речевая деятельность многоформенна и разносистемна; вторгаясь в несколько областей, в области физики, физиологии и психики, она, кроме того, относится и к индивидуальной и к социальной сфере; ее нельзя отнести ни к одной из категорий явлений человеческой жизни, так как она сама по себе не представляет ничего единого. Язык, наоборот, есть замкнутое целое и дает базу для классификации. Отводя ему первое место среди всех и всяких явлений речевой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в такую область, которая иначе разграничена быть не может.

Мысль Соссюра впоследствии переформулировали и комментировали многочисленные последователи. Вот, например, как писал об этом Ролан Барт³:

Язык – это институция, абстрактный комплекс правил; *речь* – сиюминутная часть этой институции, которую индивид берет из нее и актуализирует ради нужд коммуникации; язык выделяется из массы произносимых слов, но вместе с тем каждое слово речи само черпается из языка; в истории это диалектика структуры и события, а в теории коммуникации – диалектика кода и сообщения.

Итак, язык существует только как потенциально возможное поведение, однако он обладает свойством целостности и поэтому может изучаться «в синхронии», т.е. в виде «среза» в каждый данный момент времени. Поток речи актуально разворачивается «в диахронии» и может непосредственно наблюдаться и фиксироваться.

Информационные сети

Вернемся снова к истории про детали для швейной машинки, из которых получается пулемет. Используя эту метафору, мы сказали, что за-

² Соссюр Фердинанд де // http://ru.wikipedia.org/wiki/Соссюр,_Фердинанд_де

³ Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.

дача этой книги – выявить те элементарные единицы, те детали «конструктора», из которых строится человеческое поведение. Получается, что мы занимаемся анализом языка человеческого поведения, языка взаимодействий?

Действительно, предположим, что человек едет на автомобиле. Он поворачивает руль направо или налево, тормозит или ускоряется, читает знаки дорожного движения. Все эти действия можно рассматривать как высказывания в некотором обобщенном языке, как своего рода «текст».

Но дело в том, что так происходит не всегда. Многие факты в человеческом поведении неудобно описывать в терминах «языка взаимодействий». Приведу пример. Время от времени ко мне домой приходят в гости друзья детства, с которыми я ходил в детский сад. В течение невероятно многих лет мы собираемся и пьем чай, и сейчас все абсолютно точно знают, кто где сидит за столом. Но никто никогда об этом не договаривался, а, может быть, и не задумывался. Это определилось в результате множества мелких жестов и движений.

Еще один пример. В середине 1990-х годов я занимался изданием справочников о том, как функционируют различные институты зарождавшейся тогда рыночной экономики в России. Среди прочего возникла мысль описать, как работает государственное статистическое ведомство, которое тогда называлось, кажется, Госкомстат. Оказалось, что эта задача очень трудная. Госкомстат не производил информацию, основываясь на каких-то правилах, инструкциях и формулах. Впечатление было такое, что сотрудники Госкомстата просто жили внутри него как в какой-то своеобразной «деревне», и публикуемая Госкомстатом статистика была «продуктом жизнедеятельности» этой деревни. «Маша! – звонит какая-нибудь Даша из Госкомстата коллеге в соседнюю комнату – зайди, пожалуйста. У меня тут надои по Вологодской области что-то не бьются». Маша заходит, и выясняется, что «на надоях у нас сидит Иван Вольдемарович, а у него сын заболел, да и вообще – те цифры, которые он дает, нужно всегда корректировать процентов на 20».

Аналогичные ситуации встречаются так же часто, как и примеры поведенческих «языков». Предположим – пишут в своей известной статье Энди Кларк и Аннетт Кармилофф-Смит⁴ – что большой банк, имеющий много отделений в Лондоне, в течении многих лет создал систему оценки надежности заемщиков, которая функционирует подобно тому, как и наш Госкомстат. Эта система может быть весьма эффективной, хотя суть ее может состоять в том, что банк собрал огромную базу почтовых адресов и

⁴ Clark, Andy, and Karmiloff-Smith, Annette. The Cognizer's Innards: A Psychological and Philosophical Perspective on the Development of Thought. – Mind & Language, Vol. 8, No. 4, Winter 1993.

расклассифицировал эти адреса (скажем, с помощью кластерного анализа) на различные категории, т.е. он умеет отличать «хорошие адреса» от «плохих», и соответственно принимать решения о выдаче кредитов. Можно ли считать эту базу адресов и эту классификацию знанием о том, как нужно выдавать кредиты? Видимо, можно – но с той оговоркой, что это знание неотделимо от самой банковской сети.

Все такие примеры показывают, что понятие когнитивной среды не сводится к языкам и знаковым системам. Поэтому мы будем иметь дело также с *информационными сетями*. Такие механизмы привлекают интерес исследователей в разных науках. В экономике и социальных науках это управленческие иерархии и горизонтальные сети социальных связей, в нейробиологии и когнитивной науке – нейронные сети. Полученные результаты разных исследований могут быть взаимно полезны. Один из этих результатов – то, что информация в сетях накапливается не локально, а распределяется по всей системе, т.е. имеет голографический характер.

Фотография и голограмма

В этой книге мы постоянно будем упоминать голографический способ представления информации, противопоставляя его обычной фотографии. Напомним поэтому, что голограмма обладает двумя важнейшими свойствами. Во-первых, каждая ее часть содержит информацию обо всем изображаемом объекте. Поэтому если, например, фотопленку, на которой голографическим способом изображен какой-то предмет, разрезать на несколько кусков, то *каждый* из этих кусков будет давать изображение всего предмета, хотя и менее четкое.

Второе свойство голограммы – это то, что в результате получается изображение, которое будет не плоским, а объемным, и которое можно видеть в трехмерном пространстве. Вот как, например, выглядят две фотографии одной и той же голограммы, сделанные из двух разных точек:

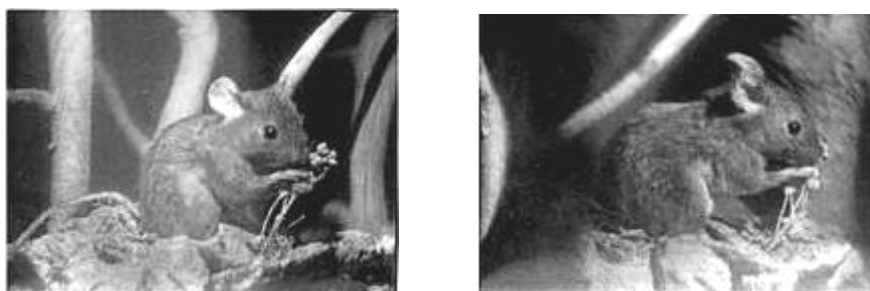

Рис. 1. Фотографии одной и той же голограммы, сделанные из разных точек⁵

⁵ Голограмма // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Голограмма>

Инерция или логика поведения?

Мы говорили о том, что, несмотря на попытки строить новые институты, элементарные единицы поведения при этом остаются прежними. Эта проблема давно известна и периодически обсуждается, но обычно она рассматривается в терминах «инерции»: речь ведут о консерватизме, традициях, привычках и т.п. Между тем нужно четко понимать, что дело тут не в «тяжелом наследии прошлого», а говорить нужно, скорее, об устойчивости системы. Приезжая в Англию, русский человек вполне способен ездить не по правой, а по левой стороне дороги. То есть дело не в том, что мы привыкли вести себя определенным образом и наш консерватизм-традиционализм не дает нам перестроиться. Переезжая за границу и встраиваясь в другую поведенческую среду, мы вполне способны приспособиться, хотя, возможно, и испытываем дискомфорт. Суть же в том, что, играя в шашки, нельзя делать ходы, как если бы ты играл в поддавки. Иначе говоря, мы ведем себя определенным образом потому, что наше поведение есть часть некоторой внеличной системы, имеющей свою логику.

Как было сказано, эта книга написана со структуралистских позиций, то есть мы будем исходить из того, что конкретные факты человеческой жизни могут быть поняты, если рассматривать их в системе – структуре – их взаимных отношений. Говорят, что такие структуры представляют собой *априори* (здесь это существительное), для человеческих поступков, мыслей, восприятий и чувств, создают для них формы, *делают их возможными*⁶.

Распределенное знание или когнитивная среда?

Когнитивная среда включает знание, которое находится в головах отдельных людей. Начиная, по крайней мере, с Адама Смита, экономисты подчеркивали значение специализации, разделения труда и распределения знания. Нельзя сказать, что эта тема попала в центр их исследований⁷, но тем не менее ключевое значение этого факта было отмечено⁸. Вводя свое понятие *распределенного знания*, Фридрих Хайек именно из него выводил принципиальную неэффективность централизованных общественных систем. Раз совокупное знание столь велико, что только различные его час-

⁶ Structuralism // <http://en.wikipedia.org/wiki/Structuralism>

⁷ О чем справедливо пишет Мартенс: Martens, Bertin. The Cognitive Mechanics of Economic Development and Institutional Change. London and New York, Routledge, 2004 (221 p.).

⁸ Hayek, F. A. The Use of Knowledge in Society. – The American Economic Review, Vol. 35, No. 4. (Sep., 1945), pp. 519-530.

тицы могут находиться в головах отдельных людей, а объединить их не реально, то общество может нормально существовать только в виде децентрализованной системы.

В сущности, идея распределенного знания – исходная для всей этой книги, но я думаю, что в анализе здесь пройдена пока только половина пути. Обычно в основе рассуждений здесь лежит то, что Шумпетер назвал *методологическим индивидуализмом*, то есть признание в качестве исходного принципа того факта, что в конце концов *всё* знание *распределено* между отдельными людьми. Мы не будем это обсуждать, но будем считать, что совокупное знание отнюдь не сводится к суммарному знанию людей, и что не меньшую роль играет и структура их взаимодействий.

Этот другой аспект иногда обозначают как институциональное поведение. Он связан с тем, что поведение человека определяется не только его уникальными знаниями, индивидуальными особенностями и состоянием в каждый данный момент. Мотивы человека, его видение ситуации и его намерения в значительной степени сформированы на внеличностном, коллективном уровне. Знаменитое определение Джона Коммонса говорит⁹:

Если мы пытаемся найти общее обстоятельство, характерное для всякого поведения, известного как институциональное, то мы можем определить институт как коллективное действие, контролирующее, освобождающее и расширяющее индивидуальное действие.

Коллективное действие охватывает весь спектр, начиная от неорганизованного обычая и вплоть до многочисленных организованных единиц таких как семья, корпорация, деловая ассоциация, профсоюз, резервная система, государство. Принцип, характерный для всех них – это бóльшая или меньшая степень контроля, освобождения и расширения индивидуального действия коллективным действием.

Мышление институционалистов (особенно так называемых «старых» – Веблена и Коммонса) также лежит в основе развиваемого в этой книге когнитивного подхода. Но здесь мы попытаемся проанализировать не только внешние формы «коллективного контроля» (будь то формально-правовые или традиционные), а и более общие структуры внеличностной организации.

Отправной точкой для нас будет язык, с которым имеют много общего другие знаковые системы. Мы постараемся убедиться, что сюда относятся и многие институциональные механизмы. В то же время мы уви-

⁹ Commons, John. Institutional Economics. – American Economic Review, vol. 21 (1931), pp. 648-657.

дим, что существуют другие когнитивные среды, не имеющие знаковой природы.

Когнитивная среда и общественное устройство

Когнитивный аспект в обществоведении проработан недостаточно. Можно найти сколько угодно рассуждений о справедливости и несправедливости распределения собственности, эффективности и неэффективности этого распределения и т.д., но не о том, что же конкретно имеют в виду даже в простейшем случае, когда говорят, что данная вещь кому-то принадлежит. Разумеется, содержание таких концепций рассматривается в юриспруденции, однако за пределами этой науки остается всё, что принято обозначать расплывчатым термином «неформальные отношения». Кроме того, задача изучения права как механизма знания только еще поставлена, но исследована совсем мало.

Внеличностная система – это неизбежно система коммуникации. Когнитивная среда задает основу, на которой строится общественный порядок. Он может формулироваться в терминах законов и прав, а может существовать как система личных отношений. Вероятно, можно сказать, что в основном общественный порядок представляет собой надстройку над когнитивной средой. Однако вряд ли целесообразно относить к когнитивной среде все подсистемы общественного порядка (например, отношения власти). Поэтому отношение этих понятий можно условно изобразить следующим образом:

Рис. 2. Когнитивная среда и общественный порядок

Примеры когнитивных сред

Не только язык, но и другие когнитивные среды были предметом анализа в различных отраслях обществоведения. В настоящем пособии изложены результаты, которые могут еще дальше прояснить наше понимание когнитивных сред.

Рынок – это способ организации обменных отношений; кроме того, это еще и информационный механизм, т.е. когнитивная среда. Этот способ – не единственно возможный. В СССР и других экономиках советского типа обменные отношения были формально организованы на плановой основе, но в реальности это была достаточно децентрализованная система – «административный рынок».

Понятия парадигмы Куна и эпистемы Фуко являются – особенно первое – наиболее близкими аналогами для общей идеи когнитивной среды. Может возникнуть даже вопрос – зачем здесь понадобилось что-то дополнительное, и не достаточно ли было бы ими воспользоваться. Всё же я считаю, что Томас Кун ввел понятие парадигмы исключительно удачно, именно как конкретный, реально созданный образец, который порождает некоторое направление деятельности. Не хотелось бы «размывать» его излишними обобщениями. Понятие эпистемы подчеркивает иерархический характер организации когнитивных сред и в этом смысле тоже универсально. Однако в работах самого Фуко оно имеет более конкретное употребление.

Классический рынок

Вот как описывает рынок Бертин Мартенс в своей книге «Когнитивные механизмы экономического развития и институциональных изменений»¹⁰:

Рынок есть инструмент информационного обмена в обществе, и этот механизм неразрывно связан с институциональным устройством, вместе с которым они образуют единое целое. Действие этих механизмов определяется способом использования ограниченных информационных возможностей человека. Человек не может знать всё, и это главная проблема, главный фактор, который определяет и экономическое, и институциональное развитие. Однако люди могут распределить знание посредством специализации, и тогда они – все в совокупности – могут знать больше.

Если люди специализируются, то возникает необходимость обмениваться знанием. Существуют разные способы передачи знания. Во-первых, это можно делать путем подражания. Однако очевидно, что не всякое знание можно передать таким образом.

Второй способ – это язык: свое знание можно пересказать. Если я знаю, как сделать автомобиль, то я могу это рассказать. Но тогда я должен

¹⁰ Martens, op. cit.

передать чудовищный объем информации – начиная с того, как добывать руду и выплавлять металл, и вплоть до изготовления последнего болта.

Поэтому самый эффективный способ передачи информации – это передача овестьствовленной информации, то есть рынок. Если я знаю, как сделать автомобиль, то я его могу изготовить и передать другому человеку. Информационная пропускная способность людей в этом случае используется наиболее экономным образом.

В то же время специализация порождает проблемы координации: если я знаю, как сделать автомобиль, и продаю его человеку, который этого не знает, то я могу его обмануть.

Что мешает людям бесконечно специализироваться? Это транзакционные издержки. Их можно разделить на транзакционные издержки *ex ante* – затраты на поиск информации и заключение договора, и транзакционные издержки *ex post* – остаточную неопределенность и моральный риск. Для того, чтобы уменьшить проблемы координации, существуют институты. Это, по Мартенсу, «придуманные людьми ограничения на поведение людей» или, подробнее, системы реакций на действия людей, которые направлены на перераспределение затрат и выгод от этих действий таким образом, что получаемый результат не совпадает с первоначальным (или естественным) результатом (каким он был бы при отсутствии социального вмешательства). Институты – это механизм насилия, принуждения, и поэтому он зависит от технологии принуждения. Поэтому, говорит Мартенс, глубина специализации и разделения труда зависит от наличных технологий принуждения.

Описанный таким образом рынок представляет собой систему, которая имеет достаточно сложную природу.

Во-первых, рыночный механизм включает специальный язык и средства коммуникации, с помощью которых обсуждаются потребности людей и формируется спрос.

Вторая подсистема, производство (под которым мы здесь будем понимать все операции, включая логистику и сбыт) занимается изготовлением вещей или предоставлением услуг, соответствующих этому спросу.

Наконец, третьей подсистемой оказывается институциональный механизм, а именно те процедуры, которые используются для того, чтобы товар или услуга обеспечивали свое предназначение.

Административный рынок, экономика торга, экономика согласований

В начале 1980-х годов советскими учеными была прочитана книга Яноша Корнаи «Экономика дефицита»¹¹, которая познакомила их с не-

¹¹ Kornai J. Economics of Shortage. – Amsterdam etc.: 1980. Русский перевод: Корнаи Я. Дефицит. – М.: Наука, 1990.

ожиданной идеей о возможности существования децентрализованных (неплановых, некомандных) экономических систем, которые в то же время не имеют ничего общего с классическим рынком. На модельном уровне Корнаи показал, что такие системы могут даже совсем не использовать деньги и денежные параметры, и в то же время быть полностью основанными на горизонтальных отношениях предприятий между собой и с потребителями.

Экономические картины, нарисованные в «Экономике дефицита» и других работах, в первую очередь тогдашних венгерских экономистов, отражали реальности реформированных восточноевропейских экономик периода «социализма с человеческим лицом», где уже существовали элементы экономической независимости, хотя общий контроль и осуществлялся в плановом порядке.

Примерно в то же время – отчасти под влиянием из-за рубежа, отчасти на основе собственных наблюдений за совершенно различными социально-экономическими объектами (от Госплана СССР до сельского района на Алтае) – возникло представление о том, что и в нашей стране фактически имеет место значительная децентрализация в принятии экономических решений. Свобода принятия управленческих решений, необходимая для организации планового воздействия сверху вниз, у органов управления чаще всего отсутствовала, и эти органы выступали в значительной степени как простые трансляторы информации о потребностях предприятий. Поэтому традиционные представления об управляемости советской экономики были на самом деле проявлениями «планового» или «личностного фетишизма», совершенно аналогичного товарному фетишизму рынка. Таким образом, в середине 1980-х годов был сформулирован тезис о том, что тогдашняя советская экономическая система представляла собой не командную экономику, а «экономику согласований», «экономику торга» или «административный рынок»¹².

Для анализа «экономики согласований» оказалось удобным использовать не новое понятие дефицита, введенное Корнаи, а традиционный профессиональный инструментарий в виде кривых спроса и предложения.

¹² Широнин В.М. Механизмы координации производственной деятельности // Сравнительный анализ хозяйственных механизмов социалистических стран: Сб. трудов / Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований. Вып. 15. – М., 1984.; Константинов В., Найшуль В. Технология планового управления: препринт. – М.: ЦЭМИ АН СССР, 1986; Кордонский С.Г. Некоторые социологические аспекты хозяйственных отношений // Теоретические проблемы совершенствования хозяйственного механизма: Сб. трудов. / Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований. – М., 1986. – Вып. 6.; Авен П.О., Широнин В.М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований // Известия СО АН СССР. Сер. экономика и прикладная социология. – 1987. – Вып. 3.

А именно, непосредственные горизонтальные взаимодействия предприятий (как при настоящем рынке) заменяются в такой системе двумя типами взаимодействий между предприятиями и органам управления: (1) орган управления требует обеспечить выпуск определенного количества продукции, обещая некоторый объем ресурсов (2) предприятие требует предоставить ему ресурсы, обещая достичь соответствующего выпуска. Таким образом, в определенной степени орган управления просто пассивно обслуживает горизонтальные отношения (обмены) между предприятиями. В то же время в какой-то степени он и сам является независимым игроком, который торгуется с предприятиями за свои интересы.

Иными словами, теория «административного рынка», в сущности, посмотрела на управленческие иерархии не как на целостные субъекты принятия осознанных решений, а как на разновидность институциональной инфраструктуры. В настоящей рыночной системе роль такой инфраструктуры играет правовая система, которая включает как юридический понятийный аппарат вместе с набором правил использования этих понятий, так и механизм принуждения, призванный обеспечивать выполнение обязательств. Любое данное юридическое лицо может в правовых терминах сформулировать свое предложение к другому юридическому лицу и затем вступить с ним в договорные отношения. Поток формируемых таким образом взаимодействий и представляют собой динамику рынка.

В системе «административного рынка» – говоря в первом приближении – вместо отношений собственности мы имеем отношения подчинения, а вместо прав – обязанности. Тем не менее, это также позволяет организовывать и координировать потоки взаимодействий, сформулированные именно таким образом.

В экономическом анализе такой взгляд на советскую экономику создавал новые возможности для перехода от традиционно преобладавшего прескриптивного подхода к эволюционному, дескриптивному и эмпирическому. Наше общество и экономику уже можно было не рассматривать как сконструированные и конструируемые органами власти (или впоследствии «реформаторами»), а скорее как спонтанно развивающиеся по своим внутренним законам – хотя и при соучастии сознательно действующих его членов. В частности, в ходе реформ 1990-х годов произошла монетизация экономики, а затем и значительное развитие в ней действительно рыночных отношений. Тем не менее, и сегодня наше общество относится скорее к системам типа «административного рынка». При этом инфраструктурой, обеспечивающей элементарные взаимодействия индивидов (людей и/или организаций) между собой, являются сети – как иерархические, так и горизонтальные.

Парадигма

Замечательная работа Томаса Куна «Структура научных революций»¹³ посвящена закономерностям изменения когнитивных сред. Конкретно в ней идет речь о науке, однако ее значение намного шире. Легко видеть, что выявленные Куном закономерности свойственны самым различным средам почти независимо от их устройства.

Введенное Куном понятие *парадигмы* характеризует состояние когнитивной среды в некоторой данной науке на определенном этапе ее развития. Это этап зрелой науки, когда все исследователи в данной области разделяют одну и ту же картину мира, они примерно одинаково понимают, какие задачи заслуживают внимания и как они могут быть решены. На *допарадигмальном* этапе такая ясность еще не достигнута, а в период *кризиса* существующая парадигма перестает казаться удовлетворительной. Кризис заканчивается *научной революцией*, означающей победу новой парадигмы.

Кун начинает книгу с нескольких замечаний *о роли истории* в понимании науки. С одной стороны, взгляд на науку как на процесс, развертывающийся во времени, очень важен. С другой – понимание науки как кумулятивного процесса, как монотонного накопления фактов и теорий вызывает всё больше сомнений:

Если науку рассматривать как совокупность фактов, теорий и методов, собранных в находящихся в обращении учебниках, то в таком случае ученые – это люди, которые более или менее успешно вносят свою лепту в создание этой совокупности. Развитие науки при таком подходе – это постепенный процесс, в котором факты, теории и методы слагаются во все возрастающий запас достижений, представляющий собой научную методологию и знание. ... Однако в последние годы некоторым историкам науки становится все более и более трудным выполнять те функции, которые им предписывает концепция развития науки через накопление. ... чем дальше продвигается исследование, тем труднее, а отнюдь не легче бывает ответить на некоторые вопросы, например о том, когда был открыт кислород или кто первый обнаружил сохранение энергии. Постепенно у некоторых из них усиливается подозрение, что такие вопросы просто неверно сформулированы и развитие науки – это, возможно, вовсе не простое накопление отдельных открытий и изобретений. В то же время этим историкам все труднее становится отличать “научное” содержание прошлых наблюдений и убеждений от того, что их предшественники с готовностью называли “ошибкой” и “предрассудком”.

Для того, чтобы выработать новый взгляд на содержание научной деятельности, Кун вводит понятие *нормальной науки и парадигмы*:

¹³ Кун Т. Структура научных революций. – М., 2009.

В данном очерке термин «нормальная наука» означает исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений – достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности. В наши дни такие достижения излагаются, хотя и редко, в их первоначальной форме, учебниками – элементарными или повышенного типа. Эти учебники разъясняют сущность принятой теории, иллюстрируют многие или все ее удачные применения и сравнивают эти применения с типичными наблюдениями и экспериментами. До того как подобные учебники стали общераспространенными, что произошло в начале XIX столетия (а для вновь формирующихся наук даже позднее), аналогичную функцию выполняли знаменитые классические труды ученых: “Физика” Аристотеля, “Альмагест” Птолемея, “Начала” и “Оптика” Ньютона, “Электричество” Франклина, “Химия” Лавуазье, “Геология” Лайеля и многие другие. Долгое время они неявно определяли правомерность проблем и методов исследования каждой области науки для последующих поколений ученых. Это было возможно благодаря двум существенным особенностям этих трудов. Их создание было в достаточной мере беспрецедентным, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований. В то же время они были достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида.

Достижения, обладающие двумя этими характеристиками, я буду называть далее “парадигмами”, термином, тесно связанным с понятием “нормальной науки”. Вводя этот термин, я имел в виду, что некоторые общепринятые примеры фактической практики научных исследований – примеры, которые включают закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование, – все в совокупности дают нам модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования. Таковы традиции, которые историки науки описывают под рубриками “астрономия Птолемея (или Коперника)”, “аристотелевская (или ньютонианская) динамика”, “корпускулярная (или волновая) оптика” и так далее. Изучение парадигм, в том числе парадигм гораздо более специализированных, чем названные мною здесь в целях иллюстрации, является тем, что главным образом и подготавливает студента к членству в том или ином научном сообществе. Поскольку он присоединяется таким образом к людям, которые изучали основы их научной области на тех же самых конкретных моделях, его последующая практика в научном исследовании не часто будет обнаруживать резкое расхождение с фундаментальными принципами. Ученые, научная деятельность которых строится на основе одинаковых парадигм, опираются на одни и те же правила и стандарты научной практики. Эта общность установок и видимая согласованность, которую они обеспечивают, представляют собой предпосылки для нормальной науки, то есть для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследования...

Возникновение новой парадигмы приводит к полной реорганизации данной науки – и в мировоззренческом, и в практическом смысле:

Когда в развитии естественной науки отдельный ученый или группа исследователей впервые создают синтетическую теорию, способную привлечь большинство представителей следующего поколения исследователей, прежние школы постепенно исчезают. Исчезновение этих школ частично обусловлено обращением их членов к новой парадигме. Но всегда остаются ученые, верные той или иной устаревшей точке зрения. Они просто выпадают из дальнейших совокупных действий представителей их профессии, которые с этого времени игнорируют все их усилия.

Новая парадигма предполагает и новое, более четкое определение области исследования... В науке ... с первым принятием парадигмы связаны создание специальных журналов, организация научных обществ, требования о выделении специального курса в академическом образовании. ...

Более четкое определение научной группы имеет и другие последствия. Когда отдельный ученый может принять парадигму без доказательства, ему не приходится в своей работе перестраивать всю область заново, начиная с исходных принципов, и оправдывать введение каждого нового понятия. Это можно предоставить авторам учебников. Однако при наличии учебника творчески мыслящий ученый может начать свое исследование там, где оно остановилось, и, таким образом, сосредоточиться исключительно на самых тонких и эзотерических явлениях природы, которые интересуют его группу...

Кун пользуется словом «парадигма» в двух смыслах: для обозначения *парадигмального исследования*, которое задает образец, и для обозначения определенного направления науки, порожденного этим парадигмальным исследованием. Парадигма как направление – это, на языке нашей книги, как раз и есть когнитивная среда. Она в данном случае не задана явно и окончательно; можно сказать, что она разворачивается в результате деятельности всех участников:

Если парадигма (парадигмальное исследование – В.Ш.) представляет собой работу, которая сделана однажды и для всех, то спрашивается, какие проблемы она оставляет для последующего решения данной группе?... (Но) в науке... парадигма редко является объектом копирования. Вместо этого, подобно принятому судом решению в рамках общего закона, она представляет собой объект для дальнейшей разработки и конкретизации в новых или более трудных условиях.

Чтобы увидеть, как это оказывается возможным, нам следует представить, насколько ограниченной и по охвату и по точности может быть иногда па-

радика в момент своего появления. Парадигмы приобретают свой статус потому, что их использование приводит к успеху скорее, чем применение конкурирующих с ними способов решения некоторых проблем, которые исследовательская группа признает в качестве наиболее остро стоящих. Однако успех измеряется не полной удачей в решении одной проблемы и не значительной продуктивностью в решении большого числа проблем. Успех парадигмы... вначале представляет собой в основном открывающуюся перспективу успеха в решении ряда проблем особого рода. Заранее неизвестно исчерпывающе, каковы будут эти проблемы. Нормальная наука состоит в реализации этой перспективы по мере расширения частично намеченного в рамках парадигмы знания о фактах. Реализация указанной перспективы достигается также благодаря все более широкому сопоставлению этих фактов с предсказаниями на основе парадигмы и благодаря дальнейшей разработке самой парадигмы.

Немногие из тех, кто фактически не принадлежит к числу исследователей в русле зрелой науки, осознают, как много будничной работы такого рода осуществляется в рамках парадигмы или какой привлекательной может оказаться такая работа. А это следовало бы понимать. Именно наведением порядка занято большинство ученых в ходе их научной деятельности. Вот это и составляет то, что я называю здесь нормальной наукой. При ближайшем рассмотрении этой деятельности (в историческом контексте или в современной лаборатории) создается впечатление, будто бы природу пытаются “втиснуть” в парадигму, как в заранее сколоченную и довольно тесную коробку. Цель нормальной науки ни в коей мере не требует предсказания новых видов явлений: явления, которые не вмещаются в эту коробку, часто, в сущности, вообще упускаются из виду. Ученые в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими. Напротив, исследование в нормальной науке направлено на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает.

Таким образом, говорит Кун, *нормальная наука – это решение головоломок*:

Возможно, что самая удивительная особенность проблем нормальной науки, с которой мы только что столкнулись, состоит в том, что они в очень малой степени ориентированы на крупные открытия, будь то открытие новых фактов или создание новой теории... Завершение проблемы нормального исследования – разработка нового способа предсказания, а она требует решения всевозможных сложных инструментальных, концептуальных и математических задач-головоломок.

Ученый, работающий в системе «нормальной науки», обычно даже не задумывается над ее основаниями. Мы имеем здесь прекрасный пример внеличностной организации знания:

Ученые исходят в своей работе из моделей, усвоенных в процессе обучения и из последующего изложения их в литературе, часто не зная и не испытывая никакой потребности знать, какие характеристики придали этим моделям статус парадигм научного сообщества. Благодаря этому ученые не нуждаются ни в какой полной системе правил... Ученые ... никогда не заучивают понятия, законы и теории абстрактно и не считают это самоцелью. Вместо этого все эти интеллектуальные средства познания с самого начала сливаются в некотором ранее сложившемся исторически и в процессе обучения единстве, которое позволяет обнаружить их в процессе их применения. Новую теорию всегда объявляют вместе с ее применениями к некоторому конкретному разряду природных явлений. ... Приложения не являются просто украшением теории и не выполняют только документальную роль. Напротив, процесс ознакомления с теорией зависит от изучения приложений, включая практику решения проблем как с карандашом и бумагой, так и с приборами в лаборатории...

Хотя многие ученые говорят уверенно и легко о собственных индивидуальных гипотезах, которые лежат в основе того или иного конкретного участка научного исследования, они характеризуют утвердившийся базис их области исследования, ее правомерные проблемы и методы лишь немногим лучше любого дилетанта. О том, что они вообще усвоили этот базис, свидетельствует главным образом их умение добиваться успеха в исследовании.

Ученый, работающий в рамках нормальной науки, развивает парадигму в ее деталях, и решает все новые возникающие задачи. При этом сама парадигма (как когнитивная среда) тоже постоянно эволюционирует и развивается:

Нормальная наука, деятельность по решению головоломок..., представляет собой в высшей степени кумулятивное предприятие, необычайно успешное в достижении своей цели, то есть в постоянном расширении пределов научного знания и в его уточнении. Во всех этих аспектах она весьма точно соответствует наиболее распространенному представлению о научной работе.

Открытие начинается с осознания аномалии, то есть с установления того факта, что природа каким-то образом нарушила навеянные парадигмой ожидания, направляющие развитие нормальной науки. Это приводит затем к более или менее расширенному исследованию области аномалии. И этот процесс завершается только тогда, когда парадигмальная теория приспособливается к новым обстоятельствам таким образом, что аномалии сами становятся ожидаемыми...

Время от времени, однако, ученым встречаются «аномалии», которые не удастся объяснить в рамках данной парадигмы. Появление все большего числа аномалий означает *кризис* в науке. Он стимулирует появление новых теорий. Можно сказать, что ученые лихорадочно пытаются залатать пробоины на своем судне:

Нормальная наука может и должна беспрестанно стремиться к приведению теории и факта в полное соответствие, а такая деятельность легко может рассматриваться как проверка или как поиски подтверждения или опровержения. ... Если оказывается, что достигнуть решения невозможно, то это дискредитирует только ученого, но не теорию. Здесь еще более справедлива ... пословица: “Плох тот плотник, который в своих неудачах винит инструменты”.

... если проблема не поддается решению, то последующие атаки на нее будут содержать более или менее значительные доработки парадигмы. ... Вследствие этого умножения расходящихся между собой разработок парадигмы (которые все чаще и чаще оказываются приспособлениями *ad hoc*) неопределенность правил нормальной науки имеет тенденцию к возрастанию. Хотя парадигма все еще сохраняется, мало исследователей полностью согласны друг с другом по вопросу о том, что она собой представляет. Даже те решения проблем, которые прежде представлялись привычными, подвергаются теперь сомнению...

В науке возрастает разнообразие подходов и одновременно уменьшается степень взаимопонимания ученых. Однако до поры до времени это не приводит к смене парадигмы:

Частичный ответ, столь же очевидный, сколь и важный, можно получить, рассмотрев сначала то, чего ученые никогда *не* делают, сталкиваясь даже с сильными и продолжительными аномалиями. Хотя они могут с этого момента постепенно терять доверие к прежним теориям и затем задумываться об альтернативах для выхода из кризиса, тем не менее они никогда не отказываются легко от парадигмы, которая ввергла их в кризис. Иными словами, они не рассматривают аномалии как контрпримеры, хотя в словаре философии науки они являются именно таковыми... (Д)остигнув однажды статуса парадигмы, научная теория объявляется недействительной только в том случае, если альтернативный вариант пригоден к тому, чтобы занять ее место. Нет еще ни одного процесса, раскрытого изучением истории научного развития, который в целом напоминал бы методологический стереотип опровержения теории посредством ее прямого сопоставления с природой. ... Решение отказаться от парадигмы всегда одновременно есть решение принять другую парадигму, а приговор, приводящий к такому решению, включает как сопоставление обеих парадигм с природой, так *и* сравнение парадигм друг с другом.

Часто новая парадигма возникает, по крайней мере в зародыше, до того, как кризис зашел слишком далеко или был явно осознан... Однако в других случаях (например, теорий Коперника, Эйнштейна и современной теории атома) проходит значительное время между первым осознанием крушения старой и возникновением новой парадигмы.

Рис. 3. Ваза Рубина¹⁴. Иллюстрация понятия гештальта (*не* из книги Куна): на рисунке можно видеть вазу или два лица.

Смена парадигм и научная революция происходит тогда, когда на фоне осознанного кризиса появляется спасительный новый взгляд на вещи. **Научная революция – это полное изменение взгляда на мир:**

Политические революции направлены на изменение политических институтов способами, которые эти институты сами по себе запрещают... (В)осприятие новой парадигмы часто вынуждает к переопределению основ соответствующей науки. Некоторые старые проблемы могут быть переданы в ведение другой пауки или объявлены совершенно “ненаучными”. ... Традиция нормальной науки, которая возникает после научной революции, не только несовместима, но часто фактически и несоизмерима с традицией, существовавшей до нее... (В)ыясняется, что каждая парадигма более или менее удовлетворяет критериям, которые она определяет сама, но не удовлетворяет некоторым критериям, определяемым ее противниками. ... (Т)ак как ни одна парадигма никогда не решает всех проблем, которые она определяет, и поскольку ни одна из двух парадигм не оставляет нерешенными одни и те же проблемы, постольку обсуждение парадигмы всегда включает вопрос: какие проблемы более важны для решения? Наподобие сходного вопроса относительно конкурирующих стандартов, этот вопрос о ценностях может получить ответ только на основе критерия, который лежит всецело вне сферы нормальной науки, и именно это обращение к внешним

¹⁴ Rubin vase // http://en.wikipedia.org/wiki/Rubin_vase

критериям с большой очевидностью делает обсуждение парадигм революционным.

Рассматривая результаты прошлых исследований с позиций современной историографии, историк науки может поддаться искушению и сказать, что, когда парадигмы меняются, вместе с ними меняется сам мир. Увлекаемые новой парадигмой ученые получают новые средства исследования и изучают новые области. Но важнее всего то, что в период революций ученые видят новое и получают иные результаты даже в тех случаях, когда используют обычные инструменты в областях, которые они исследовали до этого. Это выглядит так, как если бы профессиональное сообщество было перенесено в один момент на другую планету, где многие объекты им незнакомы, да и знакомые объекты видны в ином свете.

При этом нельзя с точностью сказать, что этот новый взгляд на мир во всех отношениях лучше прежнего. Именно это обстоятельство делает момент смены парадигм столь драматичным:

Приобретает большой смысл вопрос, какая из двух существующих и конкурирующих теорий соответствует фактам *лучше*.... Однако такая формулировка делает задачу выбора между парадигмами по видимости более легкой и привычной, чем она есть на самом деле. Если бы существовал только один ряд научных проблем, только один мир, внутри которого необходимо их решение, и только один ряд стандартов для их решения, то конкуренция парадигм могла бы регулироваться более или менее установленным порядком с помощью некоторого процесса, подобного подсчету числа проблем, решаемых каждой. Но фактически эти условия никогда не встречаются полностью. Сторонники конкурирующих парадигм всегда преследуют, по крайней мере отчасти, разные цели. Ни одна спорящая сторона не будет соглашаться со всеми неэмпирическими допущениями, которые другая сторона считает необходимыми для того, чтобы доказать свою правоту. ... Хотя каждая может надеяться приобщить другую к своему способу видения науки и ее проблем, ни одна не может рассчитывать на доказательство своей правоты. Конкуренция между парадигмами не является видом борьбы, которая может быть разрешена с помощью доводов. ... Неизбежным результатом является то, что мы должны назвать ... недопониманием между двумя конкурирующими школами.... Далее возникает вопрос, как ученые убеждаются в необходимости осуществить такую переориентацию. Частично ответ состоит в том, что очень часто они вовсе не убеждаются в этом.... Макс Планк, описывая свою собственную карьеру в “Научной автобиографии”, с грустью замечал, что “новая научная истина прокладывает дорогу к триумфу не посредством убеждения оппонентов и принуждения их видеть мир в новом свете, но скорее потому, что ее оппоненты рано или поздно умирают и вырастает новое поколение, которое привыкло к ней”.

После того, как научная революция произошла, становится невозможно представить себе, как мир выглядел до нее. Кун говорит, что *научные революции неразличимы*:

(У)чебники, будучи педагогическим средством для увековечения нормальной науки, должны переписываться целиком или частично всякий раз, когда язык, структура проблем или стандарты нормальной науки изменяются после каждой научной революции. И как только эта процедура перекраивания учебников завершается, она неизбежно маскирует не только роль, но даже существование революций, благодаря которым они увидели свет. Если человек сам не испытал в своей жизни революционного изменения научного знания, то его историческое понимание, будь он ученым или непрофессиональным читателем учебной литературы, распространяется только на итог самой последней революции, разразившейся в данной научной дисциплине.... Частью вследствие отбора материала, а частью вследствие его искажения ученые прошлого безоговорочно изображаются как ученые, работавшие над тем же самым кругом постоянных проблем и с тем же самым набором канонов, за которыми последняя революция в научной теории и методе закрепила прерогативы научности. Не удивительно, что учебники и историческая традиция, которую они содержат, должны переписываться заново после каждой научной революции. И не удивительно, что, как только они переписываются, наука в новом изложении каждый раз приобретает в значительной степени внешние признаки кумулятивности.

Легко видеть, что модель развития науки, предложенная Куном, следует эволюционной логике. Это говорит и он сам:

Процесс, описанный ... как разрешение революций, представляет собой отбор посредством конфликта внутри научного сообщества наиболее пригодного способа будущей научной деятельности. Чистым результатом осуществления такого революционного отбора, определенными периодами нормального исследования, является удивительно приспособленный набор инструментов, который мы называем современным научным знанием. Последовательные стадии в этом процессе развития знаменуются возрастанием конкретности и специализации.

Также следует обратить внимание и на связь его теории с принципом верификации и попперовской концепцией фальсификации:

При ближайшем рассмотрении (обнаруживаются) ... значительные параллели с двумя наиболее популярными современными философскими теориями верификации. Многих ... трудностей можно избежать, признав, что обе эти преобладающие и противоположные друг другу точки зрения на логику обоснования научного исследования пытаются свести два совершенно различных процесса в один. Попперовский аномальный опыт важен для науки потому, что он выявляет конкурирующие модели парадигм по отношению к существующей парадигме. Но фальсификация, хотя она, безусловно, и име-

ет место, не происходит вместе с возникновением или просто по причине возникновения аномального или фальсифицирующего примера. Напротив, вслед за этим разворачивается самостоятельный процесс, который может быть в равной степени назван верификацией, поскольку он состоит в триумфальном шествии новой парадигмы по развалинам старой.

Эпистема

Можно сказать, что Фуко в своих работах тоже анализировал различные когнитивные среды. Ракурс, который его при этом интересовал, варьировал; тем не менее можно сказать, что круг вопросов сохранялся примерно таким, как Фуко обозначил в книге «Слова и вещи»¹⁵. Фуко сначала говорит о двух типах исследований. К первому относится исследование *вещей*, для которого используется некоторый уже заданный инструментарий *слов* (понятий, представлений и т.п.). Второй тип исследований – выяснение причин, почему сами «слова» упорядочены именно таким образом:

Порядок – это то, что задается в вещах как их внутренний закон, как скрытая сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и одновременно то, что существует, лишь проходя сквозь призму взгляда, внимания, языка... Основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия,... ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться. На противоположном конце мышления научные теории или философские интерпретации объясняют общие причины возникновения любого порядка, ... а также основания, согласно которым установился именно данный порядок, а не какой-нибудь другой.

Свою задачу Фуко видит как нечто третье:

Но между этими столь удаленными друг от друга областями находится такая сфера, которая выполняет функцию посредника, не являясь при этом менее основополагающей: она менее четко очерчена, более непостижима и, пожалуй, менее доступна анализу... между уже кодифицированным взглядом на вещи и рефлексивным познанием имеется промежуточная область, раскрывающая порядок в самой его сути: именно здесь он обнаруживается, в зависимости от культур и эпох... эта "промежуточная" область, в той мере, в какой она раскрывает способы бытия порядка, может рассматриваться как наиболее основополагающая, то есть как предшествующая словам, восприятиям и жестам, предназначенным в этом случае для ее выражения с большей или меньшей точностью или успехом...; как более прочная, более архаичная, менее сомнительная и всегда более "истинная", чем теории, пы-

¹⁵ Фуко М. Слова и вещи. – СПб., 1994.

тающиеся дать им ясную форму, всестороннее применение или философскую мотивировку.

Его интересуют «исторические априори, которые создают основу знания и его дискурсов и таким образом создают условия для их возможности в определенную эпоху»¹⁶, то есть, в сущности, фактическая структура когнитивных порядков и ее историческое развитие:

Итак, в каждой культуре между использованием того, что можно было бы назвать упорядочивающими кодами, и размышлениями о порядке располагается чистая практика порядка и его способов бытия.

Эти «исторические априори» он обозначил словом *эпистема*:

... здесь знания не будут рассматриваться в их развитии к объективности...; нам бы хотелось выявить эпистемологическое поле, *эпистему*, в которой познания, рассматриваемые вне всякого критерия их рациональной ценности или объективности их форм, утверждают свою позитивность и обнаруживают, таким образом, историю, являющуюся не историей их нарастающего совершенствования, а, скорее, историей условий их возможности; то, что должно выявиться в ходе изложения, это появляющиеся в пространстве знания конфигурации, обусловившие всевозможные формы эмпирического познания¹⁷.

¹⁶ Episteme //

http://en.wikipedia.org/wiki/Episteme#The_concept_of_episteme_in_Michel_Foucault

¹⁷ Утверждалось, – например, Жаном Пиаже – что употребление Фуко слова эпистема подобно понятию парадигмы Томаса Куна. Однако здесь есть существенные различия. В то время как куновская парадигма – это всеобъемлющий набор убеждений и предположений, результатом которых является система научных картин мира и практик, эпистема Фуко не сводится только к науке, но относится к более широкому кругу дискурсов (всё в самой науке подпадает под эпистему данной эпохи). В то время, как куновские парадигмальные сдвиги представляют собой следствие ряда осознанных решений, принятых учеными для того, чтобы исследовать набор вопросов, которыми пренебрегали, эпистемы Фуко – это что-то вроде «эпистемологического бессознательного» данной эры; конфигурация знания в некоторой отдельной эпистеме основана на наборе фундаментальных предположений, которые настолько глубоко определяют эту эпистему, что не видны для людей, действующих в ней. Более того, концепция Куна, кажется, соответствует тому, что Фуко называет темой или теорией науки, но Фуко анализировал, как противоположные теории и темы могут сосуществовать в одной науке. Кун не оскла условия для возможности противоположных дискурсов в науке, но просто для относительно инвариантной доминирующей парадигмы, управляющей научным исследованием (в предположении, что одна парадигма всегда преобладает, за исключением периодов парадигмальных переходов). В отличие от этого, Фуко пытается показать конституирующие пределы дискурса, и в частности правила, обеспечивающие его продуктивность... //

http://en.wikipedia.org/wiki/Episteme#The_concept_of_episteme_in_Michel_Foucault

¹⁷ Там же.

Определяя жанр своих исследований, Фуко называл их «археологией знания». Подобно тому, как археолог вскрывает слои и под хазарской культурой находит проявления столь же целостной культуры скифов, «археолог знания» имеет дело со сменяющимися друг друга эпистемами.

В западной культуре Нового времени Фуко находит три основные эпистемы, которые он называет ренессансной, классической и современной:

... это археологическое исследование обнаруживает два крупных разрыва в *эпистеме* западной культуры: во-первых, разрыв, знаменующий начало классической эпохи (около середины XVII века), а во-вторых, тот, которым в начале XIX века обозначается порог нашей современности. Порядок, на основе которого мы мыслим, имеет иной способ бытия, чем порядок, присущий классической эпохе. Если нам и может казаться, что происходит почти непрерывное движение европейского *ratio*, начиная с Возрождения и вплоть до наших дней; если мы и можем полагать, что более или менее улучшенная классификация Линнея в целом может сохранять какую-то значимость; что теория стоимости Кондильяка частично воспроизводится в маргинализме XIX века; что Кейнс прекрасно сознавал сходство своих анализов с анализами Кантильона; что направленность *Всеобщей грамматики* (выраженная у авторов Пор-Рояля или у Бозе) не слишком далека от нашей современной лингвистики, – то, так или иначе, вся эта квазинепрерывность на уровне идей и тем, несомненно, оказывается исключительно поверхностным явлением; на археологическом же уровне выясняется, что система позитивностей изменилась во всем своем объеме на стыке XVIII и XIX веков. Дело не в предполагаемом прогрессе разума, а в том, что существенно изменился способ бытия вещей и порядка, который, распределяя их, предоставляет их знанию.

Различия между этими тремя эпистемами Фуко обсуждает в терминах соотношения *слов* и *вещей*.

Ренессансная эпистема, говорит Фуко, не различала слов и вещей, между текстом и фактом не видели разницы, к ним относились одинаково. Основным инструментом знания было понятие *сходства*. Всё могло быть похожим на что-то другое, и человек искал это сходство:

Именно (категория сходства) в значительной степени определяла толкование и интерпретацию текстов; организовывала игру символов, делая возможным познание вещей, видимых и невидимых, управляла искусством их представления. Мир замыкался на себе самом: земля повторяла небо, лица отражались в звездах, а трава скрывала в своих стеблях полезные для человека тайны. Живопись копировала пространство. И представление – будь то праздник или знание – выступало как повторение: театр жизни или зеркало мира – вот как именовался любой язык, вот как он возвещал о себе и утверждал свое право на самовыражение.

Затем, в XVII веке произошел мировоззренческий разрыв, и возникла новая эпистема. Мир слов отделился от мира вещей и стал теперь «прозрачным». Этот мир слов, язык, имеет свои закономерности, но слова ничего не значат сами по себе, они нужны только для того, чтобы говорить о вещах:

В начале XVII века, в тот период, который ошибочно или справедливо называют «барокко», мысль перестает двигаться в стихии сходства. Отныне подобие – не форма знания, а, скорее, повод совершить ошибку, опасность, угрожающая тогда, когда плохо освещенное пространство смещений вещей не исследуется...

При желании эту конфигурацию можно обозначить термином «рационализм», можно, если только в голове нет ничего, кроме уже готовых понятий, сказать, что XVII век знаменует собой исчезновение былых суеверных или магических взглядов и вступление наконец природы в научный порядок. Но нужно понять и попытаться реконструировать именно те изменения, которые сделали иным само знание, на том изначальном уровне, который делает возможными познания и способ бытия того, что надлежит знать.

Эти изменения можно резюмировать следующим образом. Прежде всего, анализ замещает аналогизирующую иерархию. В XVI веке предполагалась всеохватывающая система соответствий (земля и небо, планеты и лицо, микрокосм и макрокосм), и каждое отдельное подобие укладывалось внутри этого общего отношения. Отныне же любое сходство подчиняется испытанию сравнением, то есть оно принимается лишь в том случае, если измерение нашло общую единицу, или, более радикально, – на основе порядка тождества и серии различий...

Суждения, и только суждения, составляют науку... Тогда текст перестает входить в состав знаков и форм истины; язык больше не является ни одной из фигур мира, ни обозначением вещей, которое они несут из глубины веков. Истина находит свое проявление и свой знак в очевидном и отчетливом восприятии. Словам надлежит выражать ее, если они могут это делать: они больше не имеют права быть ее приметой. Язык удаляется из сферы форм бытия, чтобы вступить в век своей прозрачности и нейтральности.

Это отношение к Порядку в такой же мере существенно для классической эпохи, как для эпохи Возрождения – отношение к Истолкованию. И как истолкование в XVI веке ... было, по существу, познанием подобия, так и упорядочивание посредством знаков полагает все эмпирические знания как знания тождества и различия. Неопределенный и одновременно с этим замкнутый, целостный и тавтологический мир сходства распался и как бы

раскрылся посередине. На одном краю обнаруживаются знаки, ставшие инструментами анализа, приметам тождества и различия, принципами упорядочивания, ключом к созданию таксономии; на другом – эмпирическое и еле уловимое сходство вещей... становится бесконечным источником расчленений и распределений. С одной стороны – всеобщая теория знаков, разделений и классификаций; с другой – проблема непосредственных сходств, спонтанного движения воображения, повторений природы. Между ними располагаются новые знания, которые находят здесь для себя открытое пространство.

В конце XVIII века происходит новый разрыв и возникает современная эпистема. Вряд ли можно сказать, что Фуко говорит достаточно ясно, ее характеризуя. Принцип Порядка, говорит он, сменяется теперь принципом Истории:

... европейская культура изобретает такое глубинное измерение, в котором вопрос ставится уже не о тождествах, не об отличительных признаках, не об устойчивых таблицах со всеми возможными внутри них ходами, но о мощных скрытых силах, развившихся из их первозданного и недоступного ядра, о первоначале, о причинности, об истории...

Итак, – на новом этапе рассматриваемого события – знание в его позитивности меняет свою природу и форму. Было бы неправомерно – или по крайней мере недостаточно – приписывать этот сдвиг открытию дотоле неизвестных объектов (таких, например, как грамматическая система санскрита, как соотношение анатомической организации и органических функций в живом существе, как экономическое значение капитала). Было бы столь же неточно предполагать, будто всеобщая грамматика стала филологией, естественная история – биологией, а анализ богатства – политической экономией только благодаря тому, что все эти способы познания уточнили свои методы, ближе подошли к своим объектам, рационализировали свои понятия, выбрали более совершенные методы формализации, – короче говоря, будто они вышли из своей предыстории благодаря некоему самоанализу разума. На рубеже веков изменилось, подвергнувшись необратимому сдвигу, именно само знание как некий способ бытия, нераздельно предсуществующий и познающему объекту, и познаваемому объекту.

В чем же видит Фуко этот фундаментальный сдвиг? Он связан с новым положением человека в мире и в мышлении. Человек становится и мерой вещей, и вещью:

Тот способ бытия человека, который установился в современном мышлении, позволяет ему исполнять две роли: он одновременно является обоснованием всех позитивностей и вместе с тем присутствует на рядовом положении в стихии эмпирических вещей. Этот факт – речь идет здесь не о

сущности человека вообще, но просто о том историческом априори, которое с начала XIX века очевидным образом служит почвою нашей мысли...

... человек не является ни самой древней, ни самой постоянной из проблем, возникавших перед человеческим познанием.

Таков методологический аппарат Фуко, выражаемый понятием эпистемы. Он применил этот аппарат в нескольких своих работах, посвященных отдельным институтам: «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», «История безумия в классическую эпоху», «Забота о себе. История сексуальности» и др. Мы проиллюстрируем его подход на материале еще одной книги – «Рождение клиники»¹⁸. Это небольшая по объему работа, посвященная институтам болезни и врачевания, и показывающая, как происходил в этой конкретной области переход от классической эпистемы к современной в конце XVIII и начале XIX вв.

Сегодня, говорит Фуко, мы воспринимаем болезнь как состояние человека:

Для наших уже «приглядевшихся» глаз человеческое тело образует по праву природы пространство причины и распределения болезни... Точное совпадение «тела» болезни и тела больного человека, без сомнения – лишь историческая и преходящая данность.

Во времена же классической эпистемы, в XVIII веке, болезни воспринимались как некие самостоятельные «существа», как часть природы. Они подлежали классификации и определению подобно животным, растениям и минералам:

Перед тем как быть погруженной в плотность тела, болезнь получает иерархическую организацию семьи, рода и типа. ...

«Высшее Существо подчиняется законам не менее определенным, производя болезни или обстоятельно обдумывая болезнетворные соки, чем скрещивая растения или животных. Тот, кто внимательно наблюдает порядок, время, час, когда начинается переход лихорадки к фазам, феноменам озноба, жара, одним словом, всем свойственным ей симптомам, будет иметь столько же оснований верить, что эта болезнь составляет определенный вид, как он верит, что растение представляет один вид, ибо оно растет, цветет и погибает одним и тем же образом».

Для медицинской мысли эта ботаническая модель имеет двойное значение. (Во-первых), перцептивное внимание врача, который то здесь, то там что-то вновь находит и объединяет, по полному праву сообщается с онтологическим порядком, организующим изнутри и задолго до всех проявлений мир болезни. С другой стороны, порядок болезни есть не

¹⁸ Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.

что иное, как отпечаток жизненного мира: здесь и там царят одни и те же структуры, те же формы деления на классы и тот же порядок. Рациональность жизни идентична рациональности того, что ей угрожает. Одна по отношению к другой не являются чем-то вроде природы и контрприроды, но в общем для них природном законе они пересекаются и входят друг в друга. В болезни жизнь узнают, так как именно закон жизни основывает помимо всего и познание болезни

Такая общая установка означает, что болезнь и человек живут каждый как бы самостоятельной независимой жизнью:

В классификационной медицине органные проявления не являются абсолютно необходимыми для определения болезни: последняя может быть перемещена из одной точки в другую, задевать другие телесные поверхности, оставаясь полностью идентичной своей природе. Пространство тела и пространство болезни обладают свободой скольжения относительно друг друга. Одно и то же спазматическое расстройство может располагаться внизу живота, где оно вызывает диспепсию, закупорку внутренних органов, задержку менструальных или геморроидальных выделений. В груди же – сопровождаться удушьем, сердцебиением, ощущением комка в горле, приступами кашля и, наконец, достигая головы, вызывать эпилептические судороги, припадки и коматозные состояния.

Причем эта установка касается не только форм восприятия и знания, но имеет и абсолютно осязаемые организационные последствия:

Отсюда его парадоксальная позиция. Кто хочет знать болезнь, о которой идет речь, должен удалить индивида в его неповторимых качествах. "Творец, – говорит Циммерман, – определил течение большинства болезней непреложными законами, которые скорее открываются, если течение болезни не прерывается или не затемняется самим больным". На этом уровне больной – лишь негативный элемент, но болезнь никогда не может проявиться вне темперамента, его свойств, его живости или его тяжести, и, даже если бы она сохраняла свой общий вид, ее черты в их деталях всегда получают особенную окраску....

Следуя типологической медицине, болезнь по праву рождения обладает формами и периодами, чуждыми общественному пространству. Существует «дикая» природа болезни, которая одновременно является ее истинной природой и наиболее мудрым течением: одинокая, свободная от вмешательства медицинских уловок, она дает проявиться упорядоченному и почти растительному рисунку ее сущности.

Больница как цивилизация является искусственным местом, внедряясь в которое болезнь рискует утратить свое истинное лицо. Она сразу же

встречает форму осложнений, которую врачи называют тюремной или больничной лихорадкой: мышечная астения, сухой обложенный язык, свинцовый цвет лица, липкая кожа, понос, бледная моча, стеснение дыхательных путей, смерть от восьмого до одиннадцатого дня или несколько позднее, на тринадцатый.

Поэтому, пишет Фуко, критика больниц является в XVIII веке общим местом анализа. Тем временем происходит смена эпистем. В данной области это означает формирование *клинического взгляда* на болезнь и лечение. По-видимому, суть его можно выразить следующим образом. Болезнь больше не воспринимается как некоторая отдельная сущность. Теперь это – нежелательное отклонение в состоянии человека, которое может проявляться в виде анатомических, физиологических, психологических и прочих симптомов. Соответственно, в качестве реально существующего объекта выступает человек в его целостности, а болезнь – это не больше, чем набор симптомов. Симптомы ничего не значат сами по себе подобно тому, как ничего не значат звуки, образующие слово. Значение слова – или совокупности симптомов – вот, что важно. Понять это значение можно только, наблюдая больного или изучая его тело. «Вскройте несколько трупов!» – называется одна из глав книги Фуко.

Установить эти знаки, искусственные или натуральные, – это значит набросить на живое тело всю сеть патоанатомических ориентиров: очертить и наметить будущую аутопсию. Проблема, таким образом, состоит в том, чтобы вывести на поверхность то, что располагалось в глубине; семиология не будет более чтением, но совокупностью техник, которые позволяют обосновать проективную патологическую анатомию.

Речь идет именно о том же способе восприятия, что был заимствован клиникой у философии Кондильяка: выделение элементарного, которое есть в то же самое время универсальное, и методический разбор, который, обзревая формы расщепления, описывает законы сочетания... болезнь есть не пассивный и смутный объект... Если болезнь анализируется, то ... мыслительное разложение может быть только ничем иным, как повторением в сознании врача того, что в теле определяет болезнь.

Опять же, новый взгляд на болезнь и лечение вызвал и крупные институциональные перемены:

Чтобы клинический опыт стал возможным как форма познания, была необходима полная реорганизация больничной сферы, новое определение статуса больного в обществе и установление определенного отношения между содействием и опытом, между помощью и знанием. Необходимо было поместить болезнь в коллективное и однородное пространство.

Клиническое наблюдение предполагает организацию двух сопряженных между собой областей: больничной и педагогической. Больничная область есть область, где патологический факт появляется в своей единичности события и окружающей его серии... С того момента, когда медицинское знание определяет себя в терминах частоты, оно нуждается не в естественной среде, но в нейтральной, то есть во всех своих отделах гомогенной, чтобы сравнение было возможным, и в открытой, без принципа отбора или исключения любых патологических событий, области.

И как общий результат возникает профессиональное распределенное знание:

...нет различия в природе между клиникой как наукой и клиникой как педагогикой. Так образуется группа, создаваемая учителем и учеником, где акт познания и усилия для знания свершаются в одном и том же движении. Медицинский опыт в своей структуре и в своих двух аспектах проявления и усвоения располагает теперь коллективным субъектом.

Глава 2. Когнитивная наука

В книге М. Досона¹⁹ приводится несколько определений того, что такое когнитивная наука. Например, Университет Торонто считает, что

Когнитивная наука – это название поля академических исследований, приобретшего популярность с конца 1950-х годов. Предметом этих исследований является то, каким образом люди приобретают, представляют и передают знание; то есть, в целом, как возникает разумное поведение. Это включает различные аспекты восприятия, памяти и коммуникаций. Это связано с представлением знания в различных формах, включая буквальное и метафорическое представление. Рассматриваются отношения между механическими вычислениями и человеческим познанием и решением проблем. Обсуждаются картины мира робота, человека и животных. Это исследовательское поле по своей сути междисциплинарное, оно включает отдельные разделы из философии, психологии, информатики и лингвистики. В несколько меньшей степени участвуют также нейробиология и антропология.

Вместе с тем, когнитивная наука – это не просто набор заимствований из других областей знания. Подход, который объединяет всё в единое целое, состоит в том, что когнитивная наука рассматривает познание как переработку информации. «Человеческий мозг – это сложная система, которая получает, сохраняет, извлекает из памяти, преобразует и передает информацию»²⁰.

2.1. Знаковые системы

Язык как конструктор

Язык – это конструктор. Имеется в виду – «детский конструктор», лего, по-английски – construction set. Он представляет собой набор деталей, из которых можно собирать различные комбинации.

В языке из звуков собираются морфемы, из морфем – слова, из слов – предложения, из них – тексты. Иначе говоря, язык представляет собой иерархическую систему, в которой единицы более высокого уровня состоят из единиц более низкого уровня.

¹⁹ Dawson, Michael R.W. Understanding Cognitive Science. – Blackwell Publishers, 1998.

²⁰ Strillings *et al.*, цит. по Досон.

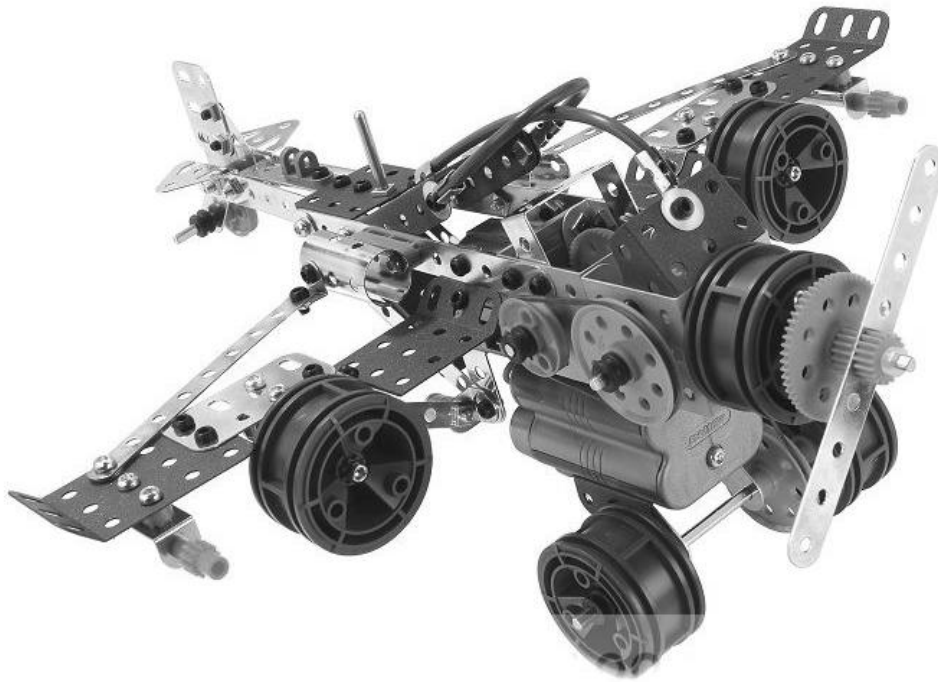

Рис. 4. Модель, собранная из детского конструктора²¹

Грамматика

«Сборка» единиц более высокого уровня из единиц более низкого уровня происходит в соответствии с правилами грамматики. В одних случаях эти правила могут быть жесткими и однозначными, как, например, правило согласования прилагательного и существительного. В других случаях, применительно к языковым единицам более высокого уровня, эти правила могут допускать вариации. Обычно в таких случаях эти правила и не называются грамматическими, а относятся к культурным нормам, законам жанра или оцениваются как проявление хорошего или дурного вкуса.

Отсылка к реальности

Все перечисленные единицы языка являются *знаками* (символами). Соответственно, язык представляет собой *знаковую (символическую) систему*. Мы будем понимать это следующим образом.

Все единицы языка имеют двойственную природу. С одной стороны, они могут быть использованы, как «детали конструктора», для «сборки» единиц более высокого уровня. Как сказано выше, это происходит в соответствии с правилами грамматики.

²¹ Foto // <http://www.jedynysklep.pl>

С другой стороны, каждая единица языка отсылает нас к *реальности*. Мы не будем ни здесь, ни в дальнейшем пытаться уточнить понятие реальности. В обычной жизни о такой отсылке к реальности мы говорим, что слова *имеют значение*, предложение *выражает мысль*, а текст *имеет содержание*. Дальше для однообразия будем здесь пользоваться словом *содержание*.

Обратим внимание на следующий момент, вполне очевидный в жизни, но очень существенный для понимания функционирования языка. Когда мы конструируем языковую единицу более высокого уровня N из единиц более низкого уровня $p_1, p_2, \dots$, то содержание единицы N в определенной степени складывается из содержаний единиц $p_1, p_2, \dots$, **но не сводится к ним**. Единица N как целое имеет некоторую дополнительную отсылку к реальности. Это общее правило, и имеющиеся исключения его подтверждают.

Возьмем простой пример. Фраза «Мама мыла раму», взятая из букваря, – это как раз то исключение, когда содержание предложения в точности складывается из содержаний входящих в него слов. Но в данном случае мы имеем дело не с сообщением, а с предложением-игрушкой, которое предназначено для того, чтобы научить ребенка писать. Это предложение не несет никакой коммуникативной нагрузки.

Предположим теперь, что эта фраза сказана в какой-то реальной ситуации. В этом случае конкретное значение слов «мама» и «рама» нельзя узнать из словаря, оно приобретает дополнительный индивидуальный смысл. И для говорящего, и для слушающего – в контексте их жизни – тот факт, что мама вымыла раму, несет информационную нагрузку, которую они не могут почерпнуть у Даля²².

Второе, что тут произошло – когда говорящий и слушающий вложили в эту фразу свой индивидуальный смысл, то они внесли уточнение и в универсальное словарное значение слов «мама» и «рама» – пусть и на бесконечно малую величину.

Где язык накапливает знание?

Язык накапливает знание по-разному. Во-первых, это происходит в форме *словаря*. Имеется в виду не только – и даже не столько – буквально составление словарей, энциклопедий и справочников в бумажном или электронном виде. Прежде всего это – выработка значений слов (и других

²² В сущности, обсуждаемый здесь вопрос близок к так называемой проблеме об *аксиоматической полноте*, т.е. возможности или невозможности такой системы аксиом, из которой можно вывести любое правильное утверждение. Как известно, Курт Гёдель решил эту проблему в отрицательном смысле.

единиц языка – скажем, приставок, суффиксов), которая происходит ежеминутно в деятельности и общении всех носителей языка в процессе его использования. Можно сказать, что эти значения находятся везде и нигде. Они не очень понятным образом «записаны» в головах людей (и каждый понимает их чуть-чуть по-своему). Но в то же время значения понятий существуют и на внеличностном уровне, они могут быть реконструированы из совокупности текстов и даже в какой-то степени из общей структуры языка.

Далее, знание накапливается *в виде текстов* – физически существующих в той или иной форме, а также как отпечаток в головах людей текстов, ими услышанных и прочитанных. Тезис о том, что содержание языковой единицы более высокого уровня не равно «сумме» содержаний образующих ее единиц более низкого уровня, означает, что каждый прочитанный (услышанный, сказанный) текст принес с собой дополнительную информацию.

Наконец, язык несет знание в виде своей *грамматики*. Грамматика распределяет единицы языка на крупные концептуальные категории и говорит о том, как эти категории соотносятся между собой. Грамматика естественных языков имеет дело с наиболее глубинными, фундаментальными категориями – места, времени, существования. Когда ниже речь пойдет об обобщениях понятия языка – о других знаковых системах, мы увидим, что грамматика может нести информацию и гораздо более конкретного характера.

Знаковые системы

Обобщением языка являются знаковые системы. Русская Википедия определяет знак следующим образом²³:

Знак представляет собой соглашение (явное или неявное) о приписывании чему-либо (означающему) какого-либо определённого смысла (означаемого).

Это не расходится с тем нашим определением языка, которое приведено выше. Поэтому можно сказать, что:

Все единицы знаковой системы имеют двойственную природу. С одной стороны, они могут быть использованы, в соответствии с правилами грамматики, для «сборки» единиц более высокого уровня. С другой стороны, каждая единица языка отсылает нас к реальности.

²³ Знак // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Знак>

Отсылка к реальности – это способ упорядочения этой реальности. Об этом говорил Эрнст Кассирер, который

обобщил понятие символа и отнес к «символическим формам» широкий класс культурных явлений, таких как язык, миф, религия, искусство и наука, посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос. Ранее еще Кант доказывал, что искусство, будучи интуитивным способом представления, носит символический характер²⁴.

Упорядочивать «окружающий нас хаос» можно и другими способами, а не только посредством знаковых систем. Собственно, обсуждение этого вопроса и составляет предмет данной книги.

Что такое «отсылка к реальности»?

В естественном языке знак отсылает нас к реальности, он имеет *значение*. Но это не единственная возможность такой отсылки. Элемент знаковой системы может иметь не значение, а *назначение* или *предназначение*. Как раз таковы части той знаковой системы, которую мы с самого начала использовали, как метафору – детского конструктора. Каждая деталь конструктора может быть как-то использована. Различных возможностей использования тут много, но, тем не менее, гайки и болты в основном нужны как крепежный материал, колеса – чтобы на них ездить и т.д. Хотя, как это видно на рисунке выше, колесико из набора может использоваться и не по прямому назначению, а в качестве просто круглого предмета изображать двигатель самолета. «Грамматика сборки» позволяет соединять элементарные детали конструктора и получать неограниченное разнообразие изделий.

Примеры знаковых систем

Детали машин

Кажется, что конструирование реальных механизмов не так уж принципиально отличается от собирания игрушек из деталей детского конструктора. Во многом это действительно так, тем не менее есть и существенные различия.

То, что мы можем вообще считать конструирование знаковой системой, достаточно очевидно:

²⁴ Символ // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Символ>

- Разнообразные детали машин, собранные из них узлы, готовые механизмы, и системы машин образуют иерархию элементов.
- Они сочетаются между собой не произвольно, а по некоторым законам «механической грамматики».
- Все они имеют определенное назначение – и в этом смысле отсылку к реальности.

Применительно к данной знаковой системе, обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, система деталей машин не существует изолированно. Она неразрывно связана с системой мер и весов, с научными теориями, образованием, с существующими возможностями по добыче и переработке ресурсов и многими другими областями жизни.

Во-вторых, хотелось бы обратить внимание на то, каким образом в данном случае организована отсылка к реальности для элементов этой системы. Как мы говорили, отдельные детали (болт, шестеренка) имеют назначение, функцию. Точнее, каждая из них имеет некоторый спектр возможных применений, причем возможности новых применений могут быть сначала неизвестны, а потом они могут возникать.

Собирая из деталей узел или машину, люди преследуют определенную цель. Они хотят, чтобы эта машина тоже выполняла некоторую функцию. Функция машины в основном определяется функциями составляющих ее деталей, но, как правило, она несводима к ним. Поэтому требуются специальные усилия для того, чтобы организовать «отсылку к реальности» уже всего агрегата или машины в целом. Для этого этапа есть специальные названия – изготовление опытного образца, доводка, тестирование и т.д. Далее начинается этап встраивания нашей машины в более широкую реальность – сначала технологическую (изготовление небольшой партии изделий), а потом и экономическую (логистика, маркетинг, сбыт). В конце же концов может оказаться, что новая машина вписывается в реальность совершенно не так, как это было первоначально задумано ее конструкторами, а возможно, она неузнаваемо изменяет и саму реальность.

Обучение: военное дело и рынок труда

Переход от рыцарского войска к армии Нового времени произошел не столько из-за изобретения пороха, сколько путем превращения армии в знаковую систему. Солдат стали учить выполнять стандартные команды, после этого люди превратились в элементы системы. Из отдельных солдат стало возможно формировать подразделения и полки, которыми стало можно управлять и маневрировать.

Опять же, обратим внимание на то, что обучение приходится вести не только на индивидуальном уровне, но требуется обучать также и подразделения, т.е. организовать «доводку», отсылку к реальности для элементов более высокого уровня.

Создание армии как знаковой системы затем сразу же привело к развитию военной науки – тактики, стратегии, военной организации и прочего.

Совершенно то же самое можно сказать о рынке труда и возникновении системы стандартизованного образования. Как известно, эти два сюжета неразрывно связаны. Согласно популярному высказыванию Бисмарка, «войны выигрывают не генералы, войны выигрывают школьные учителя и приходские священники».

Право

С одной стороны, понять, как функционирует правовая система, несложно. Право – это всего лишь специальный язык, предназначенный для того, чтобы форматировать отношения между людьми. Этот язык пользуется специальным словарем, но в остальном он достаточно похож на обычный, «естественный» язык.

Язык права вырабатывается с помощью нескольких механизмов, которые сочетаются по-разному в различных правовых системах. Выше мы говорили про систему англо-американского общего права (Common Law), в которой понятийный аппарат в большой степени формируется судами в ходе рассмотрения конкретных дел. То есть это происходит очень похоже на то, как формируются понятия в обычной жизни (те же понятия у ребенка, о которых говорил Выготский). Можно также сказать, что суд общего права действует как исследователь, пытающийся решить определенную задачу и при этом при необходимости усовершенствующий свой научный инструментарий.

Большую роль в формировании правового языка сыграли и играют академические юристы, которые имеют дело не с конкретными делами или исками, а занимаются развитием права как непротиворечивой системы, как целостного организма, имеющего свою собственную логику развития.

Наконец, спецификой права является то, что оно должно исходить не только из своей внутренней логики и абстрактных понятий о справедливости, но оно должно отражать ценности и предпочтения того общества, где оно живет. Эту функцию реализуют тоже по-разному, в частности через парламентское законотворчество и через участие присяжных в работе суда.

Говоря о специфике, заметим, что правовые концепции – собственность, обязательство, договор и т.д. – кажутся легко понятными, однако они не самоочевидны. Однажды мне довелось присутствовать при споре двух моих внуков, тогда лет 8-9. В это время они увлекались коллекционированием каких-то пластиковых кружочков, похожих на монеты. Оказалось, что накануне один из них подарил другому несколько кружочков. Теперь он одумался и требовал их назад. Аргументация была следующая:

- Это были мои кружочки.
- У тебя их и так много.

Я попытался перевести этот разговор на стандартные основы гражданского права. Я сказал, что:

- То, что было вчера, значения не имеет, а сегодня это уже *его* кружочки.
- Много у него кружочков или мало, тоже не имеет отношения к делу.

Не могу сказать, что такой подход показался им убедительным. Вообще нужно вспомнить, что те этические представления, на которых строится современное западное общество и рыночная экономика, отнюдь не казались очевидными и безусловно верными, когда они возникли в XVII-XVIII веках. Тот тезис, что убить соседа нельзя, а разорить его и таким образом довести до голодной смерти можно, представляется по крайней мере неочевидным. Не случайно для обоснования этой новой тогда этической системы были написаны такие выдающиеся работы, как «Богатство народов» Адама Смита, задачей которого, по моей догадке, было не создание науки экономики, а разъяснение экономических выгод новой морали.

Формальные знаковые системы: геометрия Евклида и механика Ньютона

Можно сказать, что аксиоматические системы представляет собой вырожденный случай знаковой системы. Они не содержат знаков, отсылающих к реальности, а представляет собой грамматику в чистом виде.

Рассмотрим два школьных примера – геометрию Евклида и механику Ньютона. Обе они включают грамматические категории «частей речи». Относительно этих единиц 1-го уровня могут быть построены утверждения, которые можно рассматривать как единицы 2-го уровня. Это делается с помощью грамматических правил – аксиом.

Геометрия Евклида (планиметрия)		Механика Ньютона	
Понятия	Употребления	Понятия	Употребления
Точка Прямая Плоскость		Тело Движение (траектория)	
Лежать Пересекаться, Ограничивать (делить) Иметь длину Иметь площадь	Точка лежит на прямой Прямые могут пересекаться Точка делит прямую на две части Между двумя точками есть длина Квадрат имеет площадь	Иметь расстояние Иметь массу Иметь длительность Быть объектом приложения силы Притягиваться	Между двумя телами есть расстояние Тело имеет массу Движение имеет длительность (время) Сила может быть приложена к телу Между двумя телами есть сила притяжения

Для того, чтобы воспользоваться результатами геометрии или механики, скажем, для инженерных расчетов, эту грамматику «надевают» на некоторые материальные объекты. В результате этой операции знаковая система становится полной, поскольку теперь в системе присутствует реальность, с которой соотносятся знаки. Далее, как правило, возникает задача, как предсказать поведение более сложных объектов – т.е. их «значение», соотношение их с реальностью, – исходя из «значения» конституирующих их более простых объектов. И сила Евклидовой или Ньютоновой грамматики как раз и заключается в том, что это можно сделать с большой точностью.

Пример ньютоновской механики представляется очень важным и интересным еще и по следующей причине. Если интерпретировать законы Ньютона в позитивистском смысле, то есть видеть в них не грамматические свойства знаковой системы, которую мы «надеваем» на окружающий нас мир, а считать их свойствами самого этого мира, то возникают трудные вопросы. В частности, возникает так называемая проблема *дальнодействия*:

Согласно концепции дальнодействия, тела действуют друг на друга без материальных посредников, через пустоту, на любом расстоянии. Такое взаимодействие осуществляется с бесконечно большой скоростью (но подчиняется определённым законам). Примером силы, считавшейся одним из примеров непосредственного действия на расстоянии, можно считать силу всемирного тяготения в классической теории гравитации Ньютона.

Согласно концепции короткодействия (близкодействия), взаимодействия передаются с помощью особых материальных посредников и с конечной скоростью. Например, в случае электромагнитных взаимодействий таким посредником является электромагнитное поле²⁵.

Взгляд на ньютоновскую механику как на чистую грамматику снимает этот вопрос. Образно говоря, закон всемирного тяготения действует примерно так же, как закон согласования падежей существительного и прилагательного.

Неформальные знаковые системы: мода

Посмотреть на моду как на знаковую систему – задача соблазнительная. Это интересная и эмоционально окрашенная область жизни, а полученные в ней научные результаты наверняка могут быть полезны не только сами по себе, но и с точки зрения исследования закономерностей возникновения и распространения инноваций.

Если говорить о моде применительно к одежде, мы видим, что люди используют набор предметов туалета, их фасон, материал, манеру их носить и т.д. для того, чтобы обозначить – и в глазах других, и для самих себя – ряд важных вещей. Это принадлежность к возрастной группе, социальный и профессиональный статус, уровень дохода – плюс желание всё это подчеркнуть либо затушевать. Манера одеваться отражает также и очень общие психологические установки человека – степень его конформизма, склонности к новому, агрессивности.

Однако пытаясь понять знаковую систему моды, мы сталкиваемся со значительной неопределенностью по всем трем пунктам определения. Во-первых, хотя речь идет о совершенно конкретных предметах одежды, считываемыми знаками являются не они, а некоторые их свойства. Эти свойства можно идентифицировать путем анализа текстов – скажем, модных журналов²⁶, а также с помощью социологической техники – интервью, фокус-групп.

Исследование по второй позиции – грамматике моды – также требует гибкого подхода к понятию грамматики. Выше мы уже говорили, что в естественных языках грамматические жесткие правила, действующие на нижнем уровне – внутри слова, в предложении – сильно смягчаются, когда речь идет о текстах. Поэтому грамматика моды – это ее стилевые закономерности.

Но, конечно, самое интересное и трудное – это понять ту реальность, к которой отсылает мода. Это и социальная и культурная принадлежность, и доступные источники информации, разделяемые ценности и многое другое.

²⁵ Дальнодействие // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дальнодействие>

²⁶ Барт, op. cit.

Стабильность значений

Как мы все время подчеркиваем, значение предложения не сводится к значениям слов. В более общей знаковой системе, значение единицы уровня N не сводится к значениям входящих в нее единиц уровня $<N$. Однако оно в значительной степени выводимо из них. Мы пользуемся знаковыми системами именно потому, что они позволяют создавать новое из старых деталей. И мы придумываем различные способы для того, чтобы и значение самой этой единицы уровня N тоже не теряло определенности. Подумать только, если каждый будет понимать все слова по-своему и каждый день по-новому! Поэтому язык – во всяком случае, естественный язык – очень консервативен. Корни наших слов насчитывают тысячелетнюю историю.

Проблема, однако, в том, что «играть» значением слов почти всегда выгодно. В институциональной экономике для такого поведения существует специальный термин – оппортунизм. Суть его в том, что, скажем, любую договоренность, выраженную словами, можно интерпретировать хотя бы немного в пользу одной из сторон. И часто такое оппортунистическое поведение – а особенно цепочка последовательных оппортунистических действий нескольких контрагентов – приводит к серьезным сбоям.

Более того, очень часто возникает ситуация, когда изменение значения понятий или других знаковых конструкций выгодно *всем* сторонам. Казалось бы, здесь нет проблемы. Однако такие действия могут подрывать единство и стабильность системы в целом. Предположим, например, что при производстве болтов и гаек стандарты не выдерживаются. Конкретному владельцу данной бракованной гайки это может быть выгодно, поскольку это дает ему шанс найти подходящий болт. Но систему в целом это делает очень неэффективной.

Существуют различные способы сохранения значений и поддержания стабильных контекстов. В частности, таким механизмом является институт «профессий», сложившийся в Западной Европе начиная примерно с XI века, сначала в рамках католической церкви. Сюда относятся священники, юристы, врачи, ученые. Эти институты отделяют «посвященных» от «непосвященных» и в социальном смысле организованы таким образом, чтобы направить мотивацию «посвященных» на поддержание и развитие соответствующей знаковой системы, а не на достижение «мирских» целей. В результате возникает специальная деятельность, направленная на консервацию знаковых систем, обеспечение единообразной интерпретации понятий и пресечение отклонений. Сюда относится не только составление словарей, технических стандартов, инструкций и т.п. Речь идет об огромной системе, включающей подготовку специалистов и научные исследования, цель которых – развитие соответствующей знаковой системы как огромного целостного организма.

Приложение: как формируются понятия

Мне кажется, что здесь нужно дать некоторые примеры того, каким образом может обогащаться словарный запас обычного или специального языка. Это позволит создать у читателя более или менее осязаемое представление о том, как языки и другие знаковые системы накапливают информацию. Один пример – анализ формирования понятий у ребенка из классической книги Л.С.Выготского «Мышление и речь»²⁷. Второй – описание процесса возникновения научных понятий из книги С.Г. Кордонского «Циклы деятельности и идеальные объекты»²⁸. Третий – механизм английского общего права (Common Law).

Формирование понятий у ребенка

Вот как описывает Выготский формирование понятий у ребенка:

Процесс образования понятий не сводим к ассоциациям, вниманию, представлению, суждению, детерминирующим тенденциям, хотя все эти функции являются неперенными участниками того сложного синтеза, каким на деле является процесс образования понятий. Центральным для этого процесса, как показывает исследование, является функциональное употребление знака или слова в качестве средства, с помощью которого подросток подчиняет своей власти свои собственные психологические операции, с помощью которых он овладевает течением собственных психологических процессов и направляет их деятельность на разрешение стоящей перед ним задачи.

В книге «Мышление и речь» он выделяет следующие стадии формирования понятий. Сначала это то, что можно назвать «куча предметов»:

Образование неоформленного и неупорядоченного множества, выделение кучи каких-либо предметов тогда, когда он стоит перед задачей, которую мы, взрослые, разрешаем обычно с помощью образования нового понятия. Эта выделяемая ребенком куча предметов, объединяемая без достаточного внутреннего основания, без достаточного внутреннего родства и отношения между образующими ее частями, предполагает диффузное, ненаправленное распространение значения слова или заменяющего его знака на ряд внешне связанных во впечатлении ребенка, но внутренне не объединенных между собой элементов.

Затем ребенок переходит к стадии мышления в комплексах:

Обобщения, создаваемые с помощью этого способа мышления, представляют по своему строению комплексы отдельных конкретных предметов,

²⁷ Выготский Л.С. Мышление и речь. – 1-е изд. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. – 323 с.

²⁸ Кордонский С.Г. Циклы деятельности и идеальные объекты. – М.: ПАНТОРИ, 2001.

или вещей, объединенных уже не на основании только субъективных связей, устанавливаемых во впечатлении ребенка, но на основе объективных связей, действительно существующих между этими предметами.

... ребенок начинает объединять однородные предметы в общую группу, комплексировать их уже по законам объективных связей, открываемых им в вещах.

Ребенок, переходящий к этому типу мышления, преодолевает уже в известной степени свой эгоцентризм.

Следующая стадия развития, которую Выготский считал непосредственно предшествующей мышлению в настоящих понятиях – это выработка псевдопонятий. Псевдопонятие

...напоминает по своему внешнему виду понятия, которыми пользуется в своей интеллектуальной деятельности взрослый человек, но которое вместе с тем по своей сущности, по своей психологической природе представляет собой нечто совершенно иное, чем понятие в собственном смысле этого слова.

Например, ребенок к заданному образцу – треугольнику – подбирает все имеющиеся в экспериментальном материале треугольники. Такая группа могла бы возникнуть и на основе отвлеченного мышления (в основе этого обобщения могло бы лежать понятие или идея треугольника). Но на деле, как показывает исследование... ребенок объединил предметы на основе их конкретных, фактических наглядных связей, на основе простого ассоциирования.

Описание и анализ в науке

Кордонский в своей книге выделяет два вида научной деятельности – описание и анализ. По его мнению, описание – это полноценный вид научной работы, каким он признавался со времен Линнея, хотя постепенно к описательной деятельности стали относиться как к чему-то не вполне научному. Суть описания состоит в том, что человек классифицирует те объекты, которые он видит, с которыми он сталкивается. Он дает им названия и затем каким-то образом объясняет, почему он их различает. Он фиксирует признаки этих объектов, которые позволяют ему их различать.

Классический пример свода описательной информации – это определитель растений, который обычно устроен по принципу дихотомии. Для того, чтобы определить название растения, нужно последовательно отвечать на ряд вопросов. Например, – это кустарник или травянистое растение? – это цветковое растение или злак? И т.д. В результате этой процеду-

ры можно получить название растения. Речь здесь не идет о том, чтобы выяснить происхождение растения или его строение. Определитель – это просто способ ориентироваться, способ называть и узнавать названия.

В отличие от этого, анализ начинается с того, что исследователь предлагает метафору. Например, он принимает, что вещество состоит из маленьких частичек, атомов, и начинает их искать. Анализ, таким образом, исходит из некоторой априорной картины, он предполагает, что в этой картине есть какие-то элементы, которые можно наблюдать при определенных условиях. Создание таких условий называется постановкой эксперимента. Создавая определенные условия, мы действительно видим, что атомы – которые мы, в сущности, придумали – проявляют свое существование.

Например, мы берем расческу, проводим по волосам и после этого она притягивает кусочки бумаги. Мы говорим – там находится электричество. После этого мы начинаем уточнять – сколько этого электричества? Как измерить его количество? Как сделать, чтобы его было больше, меньше? Как сделать, чтобы оно с расчески куда-то перешло?

В рамках аналитической деятельности мы имеем дело уже с объектами, которые мы придумали (здесь это атомы или электричество). Мы также придумали, что нужно сделать, чтобы их увидеть – или увидеть косвенные признаки их существования. Это отличает эмпирические объекты от аналитических²⁹.

Common Law

Система права является основой общественного порядка, сложившегося в средние века и в Новое время в Западной Европе. Поэтому мы будем возвращаться к этой теме и подробно обсуждать когнитивные механизмы права. Здесь мы рассмотрим на примере английского общего

²⁹ Создание условий для того, чтобы получить аналитические объекты, называется экспериментом. Воспроизведение условий эксперимента в большом масштабе – это промышленность. Например, мы можем ставить эксперимент для того, чтобы из нефти получился бензин. Предположим, мы вычислили путем логического рассуждения, что если эту жидкость, которую мы называем нефть, поместить в определенные условия – нагреть, создать давление, добавить катализатор и т.д. – то из нее получается другая жидкость с другими свойствами, которую мы называем бензин. Мы попробовали несколько раз и уточнили, как это делать эффективным образом. После этого мы сказали – давайте теперь сделаем это не в колбе, а в бочке, и у нас будет много бензина. И это уже называется нефтяная промышленность.

Сказанное – это также и комментарий на тему, что такое ресурсы. Ресурсы – это ровно то, что мы можем использовать, как ресурсы. Ресурсы – это аналитические объекты, которые мы умеем создавать.

права (Common Law), как судебная система вырабатывает новые правовые понятия.

Общее право – это процедура разрешения споров, основанная на исках. Истец предъявляет конкретную претензию ответчику, и суд должен решить вопрос, кто из них прав. Теоретически суд не ограничен никакими внешними рамками, и может принять любое решение. Однако правила и этика профессионального поведения судей требуют, чтобы это решение было обоснованным.

Природе права и его роли в организации западного общества посвящена замечательная книга Гарольда Бермана³⁰. Как пишет Берман,

(М)ыслительный процесс общего права может и должен быть понят как результат потребностей и привычек в юридической профессии, организованной в виде гильдии, и сохраняющей структуру и власть средневековой профессиональной корпорации. Современная континентальная система была создана в университетах учеными-юристами для использования чиновниками. Английское право сложилось в виде набора правил гильдии, которыми могли пользоваться и руководствоваться ее члены и подмастерья в судебных палатах. По политическим причинам, вследствие неудач абсолютной монархии в Англии, аристократического характера политического класса в 18 веке, отправление правосудия осталось в руках гильдий юристов. Несколько преувеличивая, можно сказать что перспективы юридической науки в континентальном смысле были закрыты из-за революции 1688 года, а не вследствие отказа «принять» римское право....

Общее право было создано той частью юридической профессии, чей главный интерес касался тяжбы. Это был (еще в 19 веке) набор правил поведения для практикующих адвокатов, всесторонний ответ на вопрос: как мне вести себя в суде? Это был сборник практических и технических «правил ремесла», передававшихся от мастера к подмастерью, и придуманных для того, чтобы научить адвоката искусству выдвижения и отстаивания исков. Этим в основном объясняется «эмпирический», казуистический метод – в противоположность континентальному логическому и систематическому методу. Ремесленник задает вопрос: «как это – или что-то похожее – делалось раньше?» Его не слишком заботит вопрос, может ли ответ быть встроен в некоторую абстрактную систему.

В действии суда общего права можно увидеть следующие основные принципы:

- Суд должен обязательно разрешить спор, который он рассматривает.
- Он может разрешить только то конкретное дело, которое он рассматривает.

³⁰ Berman, Harold. The Nature and Functions of Law (1954), 6th ed. – NY: Foundation Press, 2004. – 877 p.

- Всё – важное или незначительное, – что судья выскажет в своем заключении, будет пониматься и интерпретироваться исключительно с учетом обстоятельств данного конкретного дела.
- Суд может разрешить данный конкретный спор только на основе некоторого общего правила, которое относится к некоторому классу подобных дел.

Относительно этого последнего принципа Берман поясняет:

Если к праву относиться как к чему-то, установленному Богом, или же как к чему-то, корнящемуся в самой природе вещей, то судья должен рассматриваться как выразитель, а не создатель; причем выразитель какого-то общего правила, которое он проясняет через применение к конкретному случаю. В противном случае он нарушает клятву, он действует по произволу, он пристрастен и нечестен. Более того, справедливость требует, во всех тех случаях, когда найдено некоторое правило, чтобы с похожими друг на друга людьми обращались одинаково в сходных обстоятельствах... Это требует единообразного применения общих правил.

Это приводит нас к системе, основанной на сопоставлении случаев. Ибо суть дела настолько проста и очевидна, что студенты ее постоянно не замечают. *Ни один случай не имеет смысла сам по себе!* Рассмотренный изолированно, он не дает нам никакого ориентира. Он не может показать нам, насколько его можно обобщить и насколько надежны окажутся впоследствии формулировки. Что имеет значение, что может дать нам ориентиры – это фон, составленный из других случаев, в отношении к которым нужно понимать данный случай.

Приведем здесь изложение одного из разделов книги Бермана, где речь идет о том, как в результате нескольких судебных решений было введено понятие «неустранимо опасного предмета», а затем отшлифовывалось содержание этого понятия и связанные с ним нормы ответственности. Все эти дела рассматривались судами США. Интересно отметить, однако, что вынося свое решение, один из этих судов опирался на *английский* прецедент. Иначе говоря, для суда была важна содержательная сторона дела, а не формальная обязательная сила. Можно сказать, что суды действовали как математики, занятые решением серии примерно одинаковых проблем всё возрастающей сложности. Каждый из них опирался на опыт предшественников и вносил в общую «копилку» что-то новое.

В 1852 году в США аптекарь Гильберт, поставщик лекарств, перепродал другому аптекарю Винчестеру ядовитое лекарство и по ошибке написал на пузырьке «сок одуванчика». Второй аптекарь продал это некоему человеку по фамилии Томас для его жены, которая в результате серьезно заболела.

Томасы обратились в суд и потребовали, чтобы Винчестер был за это привлечен к ответственности. Рассматривая этот иск, суд обратился как к прецеденту к делу, суть которого состояла в том, что лошадь, которую подковал некий кузнец – и подковал небрежно – хозяин лошади сдал в аренду какому-то третьему человеку. Этот третий человек из-за плохой подковы упал с лошади, получил травму и обратился в суд с иском к кузнецу. Однако суд решил, что поскольку кузнец был в сделке об аренде лошади «третьим лицом», а не стороной в договоре, то он (кузнец) ответственности не несет: хозяин лошади должен был проверить, хорошо ли сидит подкова прежде, чем отдавать ее в аренду.

Однако кроме этого аспекта дела суд обратил внимание также на то, что в данном случае (с ядовитой белладонной, которую продали вместо сока одуванчика) имеют место дополнительные обстоятельства. А именно, тот, кто продавал лекарства, торговал ядовитыми веществами. В связи с этим были рассмотрены совершенно другие аналогии, уже не имеющие отношения к вопросу об ответственности «третьего лица». Если бы жена Томаса умерла, то Гильберта обвинили бы согласно тогдашним нормам уже не гражданского, а уголовного права. Суд проанализировал три более ранних дела, где рассматривались такого рода ситуации, и решил ввести новое понятие *imminently dangerous object*, что можно перевести, как «предмет, несущий в себе неустранимую опасность». Суд рассуждал следующим образом. Предположим, что человек положил без присмотра заряженное ружье и, скажем, ребенок стал им играть, оно выстрелило и попало в ребенка. Отвечает ли этот человек? – очевидно, да. Суд обратился к другим случаям, которые были связаны с понятием неустранимой опасности предмета, и ввел этот аргумент в разбирательство спора об ответственности перед третьим лицом.

С этого момента дело «Томас против Винчестера» стало краеугольным камнем, на котором строились все дальнейшие аналогичные дела. В различных судах при рассмотрении нескольких дел происходила шлифовка введенного понятия – что следует считать неустранимо опасным предметом, а что нет:

- Следующее такого рода дело рассматривалось в 1870 году и было посвящено случаю, когда некто, изготовивший циркулярную пилу, про которую с самого начала было известно, что она не вполне исправная, продал ее кому-то по дешевке, предупредив о дефекте. Купивший, зная об этом, пользовался пилой несколько лет, а потом отдал ее на время какому-то третьему человеку, которого пилой убило. Иск об ответственности изготовителя пилы рассматривался со ссылкой на дело «Томас против Винчестера» и выяснялся вопрос, следует ли считать данную пилу, некачественную с самого начала, неустранимо опасным предметом. Суд решил, что не следует. Объясняя это, суд перечислил, что неустранимо опасными следует считать яд, порох, также как и заряженное ружье, поскольку все эти пред-

меты изначально предназначены для нанесения вреда. Пила к этой категории не относится.

- Еще в одном деле, рассмотренном в 1882 году, фигурировали строительные леса. Художник взялся расписать церковь и нанял в связи с этим специалиста по строительству лесов. При этом сам художник ничего в изготовлении лесов не понимал. Один из помогавших художнику рабочих забрался наверх, одна из досок сломалась, он упал и разбился насмерть. Вопрос состоял в том, отвечает ли художник перед наследниками этого рабочего или же отвечать должен изготовитель лесов. Суд решил, что художник перед наследниками рабочего не отвечает, и что они должны предъявить иск строителю лесов. Иначе говоря, суд в принципе признал, что хотя леса и не являются предметом, специально созданным для нанесения вреда, но тем не менее, что это вещь, связанная с неустранимой опасностью.

- В деле о взорвавшемся сифоне с газированной водой служанка поставила сифон в тазик со льдом, и была ранена. Несмотря на то, что производитель сифонов проводил испытания и специально написал в инструкции, что их нельзя ставить в лед, суд тем не менее признал, что такой сифон относится к категории неустранимо опасных предметов.

- Последнее дело из этой серии, о котором говорится в книге Бермана, состояло в том, что человек, купивший автомобиль, получил травму в результате поломки колеса. Суд рассматривал вопрос, отвечает ли за это происшествие изготовитель машины Бьюик и отвечает ли изготовитель колеса и решил, что машина и колесо сами по себе не являются опасными предметами.

Итак, суды в ходе рассмотрения этих дел ввели и совершенствовали понятие «неустранимо опасного предмета». При этом, как замечает Берман, не только уточнялось понимание справедливости и те концепции, которые использовались для того, чтобы принимать решение в данной конкретной ситуации. Менялось также и настроение в обществе: к моменту рассмотрения последнего дела автомобиль уже не рассматривался как источник повышенной опасности, его уже приняли как нормальную вещь. Процесс развития права отражает не только какое-то «постоянное», «абсолютное» понятие о справедливости, но и те установки, которые есть в обществе в данный момент.

Эти примеры показывают, что, в общем и целом, суд Common Law действует примерно так же, как действует наука с тем различием, что его задачей является не поиск истины, а поиск справедливости. Будучи инструментом для выяснения справедливости, суд занят разработкой соответствующих критериев, а не применением заранее заданных правил. Как и наука, он выдвигает гипотезы — в данном случае в виде споров, тяжб, конфликтов, которые он должен разрешить. Затем он проверяет эти гипотезы и ищет ответ, как нужно поступить в данном конкретном случае.

2.2. Информационные сети

Мозг и распределенное знание

Исходно, когнитивная наука имела задачей создание искусственных вычислительных систем, получивших впоследствии название компьютеров. При этом источником идей для построения компьютеров было знание о естественном устройстве переработки информации, человеческом мозге. Отсюда – не только «компьютероцентричность» когнитивной науки, но и ее «мозгоцентричность». До сегодняшнего дня когнитивная наука гораздо ближе к тем областям знания, которые ориентированы на изучение процессов познания отдельного человека (как психология или нейробиология), чем на обществоведение.

При этом мысль о том, что мозг человека – это *extended mind*³¹, что он в своем познании вписан в окружающий мир и опирается на взаимодействие с другими людьми и вещной реальностью – эта мысль, безусловно, в исследованиях присутствует. Однако такая внешняя среда рассматривается прежде всего именно как расширение индивидуального мозга, как поддерживающая его инфраструктура.

В общественных науках фокус размышлений размещается иначе. Как уже говорилось, начиная с Адама Смита, экономисты подчеркивали значение специализации и распределения знания между людьми. Таким образом, исследование информационных сетей в когнитивной науке ориентировано на несколько иные проблемы, чем эта книга. Тем не менее, полученные там результаты будут нам в высшей степени полезны.

«Классическая» когнитивная наука и машина Тьюринга

В когнитивной науке выделяют два направления. Одно из них принято называть «классическим», другое – коннекционистским (*connectionist* – от слова *connection*, соединение).

Классическое направление имеет дело с переработкой информации в символической форме. В сущности, мы говорили об этом, рассматривая знаковые системы. Всё же понятие знаковой системы традиционно не является исходным. Введение в когнитивную науку обычно начинают с описания алгоритма и машины Тьюринга. Нам это понятие тоже будет полезно немного позже.

Машина Тьюринга – абстрактный исполнитель (абстрактная вычислительная машина). Была предложена Аланом Тьюрингом в 1936 году для формализации понятия алгоритма.

³¹ Clark, Andy, and Chalmers David J. (1998). The extended mind. *Analysis* 58: 7-19.

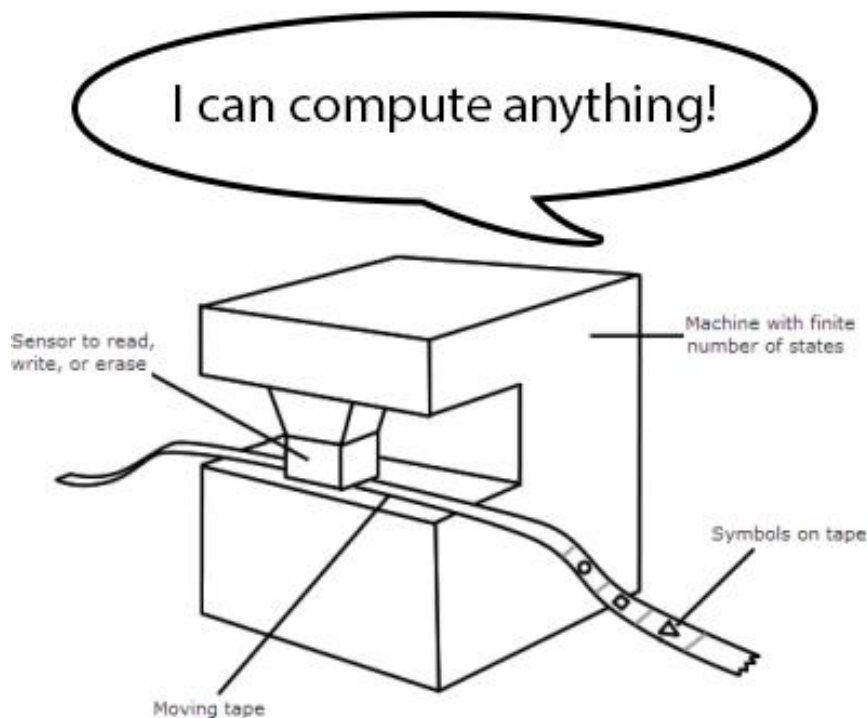

Рис. 5. Машина Тьюринга³²

В состав машины Тьюринга входит бесконечная в обе стороны лента (возможны машины Тьюринга, которые имеют несколько бесконечных лент), разделённая на ячейки, и управляющее устройство, способное находиться в одном из множества состояний. Число возможных состояний управляющего устройства конечно и точно задано.

Управляющее устройство может перемещаться влево и вправо по ленте, читать и записывать в ячейки символы некоторого конечного алфавита. Выделяется особый пустой символ, заполняющий все клетки ленты, кроме тех из них (конечного числа), на которых записаны входные данные.

Управляющее устройство работает согласно правилам перехода, которые представляют алгоритм, реализуемый данной машиной Тьюринга. Каждое правило перехода предписывает машине, в зависимости от текущего состояния и наблюдаемого в текущей клетке символа, записать в эту клетку новый символ, перейти в новое состояние и переместиться на одну клетку влево или вправо. Некоторые состояния машины Тьюринга могут быть помечены как терминальные, и переход в любое из них означает конец работы, остановку алгоритма³³.

³² The Turing Machine and Non-Computability // http://ipod.org.uk/reality/reality_universe_computer.asp

³³ Машина Тьюринга // http://ru.wikipedia.org/wiki/Машина_Тьюринга

Так называемый *тезис Чёрча* гласит, что любой алгоритм, т.е. заранее заданную точную инструкцию для выполнения определенных действий, можно реализовать в виде некоторой машины Тьюринга. Например, таким образом можно реализовать правило для вычисления числа π с определенным количеством знаков. Более того, известно, как можно сконструировать *универсальную* машину Тьюринга, которая будет выполнять любой алгоритм – для этого нужно только «вставить» в нее соответствующую программу.

Пределы вычислимости

Тезис Черча невозможно проверить, это некоторое философское обобщение, основанное на том, что пока что не было ни одного случая, когда какой-то алгоритм было невозможно представить в виде машины Тьюринга. Но тогда возникает следующий вопрос: можно ли алгоритмизировать *всё знание*? В частности, можно ли сконструировать такую машину Тьюринга, которая будет отвечать на любой вопрос, заданный «на ее языке»? Например, сможет ли она распознавать все справедливые математические теоремы и отбраковывать неверные утверждения? Этот вопрос активно обсуждался в период между мировыми войнами, и тогда же на него был дан отрицательный ответ в виде упоминавшейся теоремы Гёделя.

Нейронные сети и коннекционизм

Таким образом, алгоритмические способы переработки информации даже теоретически оказываются недостаточными для моделирования процессов познания. Но это было не единственной причиной, почему когнитивная наука обратилась к понятию информационных сетей. Дело в том, что строение человеческого мозга не имеет ничего общего с машиной Тьюринга, а представляет собой сеть нейронов. При этом нейронные сети во многих случаях оказываются очень эффективным средством переработки информации.

Примерами задач, которые нейронные сети выполняют гораздо быстрее, чем даже самый совершенный компьютер, могут служить как раз самые простые функции организма – зрение, слух, координация движений. Для того, чтобы просчитать эти действия в цифровом (символическом) виде, компьютеру понадобилось бы несколько часов. Организм выполняет их за доли секунды.

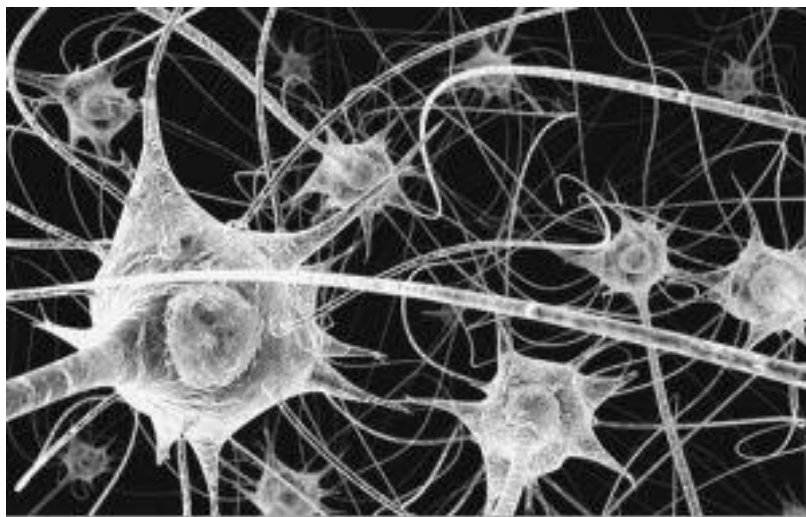

Рис. 6. Нейроны мозга³⁴

В связи с этим в когнитивной науке возникло другое направление, занимающееся изучением информационных сетей, которые обычно представляют собой сети из абстрактных (или искусственных) нейронов. Это направление называется коннекционистским (от connection, соединение).

Исследования по искусственным нейронным сетям (далее – нейронные сети) связаны с тем, что способ обработки информации человеческим мозгом в корне отличается от методов, применяемых обычными цифровыми компьютерами. Мозг представляет собой чрезвычайно *сложный, нелинейный, параллельный* компьютер (систему обработки информации). Он обладает способностью организовывать свои структурные компоненты, называемые *нейронами* (neuron), так, чтобы они могли выполнять конкретные задачи (такие, как распознавание образов, обработку сигналов органов чувств, моторные функции) во много раз быстрее, чем могут позволить самые быстрые современные компьютеры³⁵.

Коннекционизм (и нейронные сети) – это практически синоним понятия *параллельной распределенной переработки* информации, в оригинале – *Parallel Distributed Processing, PDP*³⁶.

Искусственные нейронные сети представляют собой систему соединённых и взаимодействующих между собой простых элементов (искусственных нейронов). Каждый элемент сети имеет дело только с сигналами,

³⁴ Neurons // <http://britishsciencefestival.files.wordpress.com/2012/08/neurons.jpg>

³⁵ Хайкин С. Нейронные сети. Полный курс. – Второе издание. – М.-СПб.-Киев: Изд. Дом «Вильямс», 2006. – 1104 с.

³⁶ McClelland, James L., Rumelhart David E. and the PDP Research Group. Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition – Volume 1 (foundations) and Volume 2 (Psychological and Biological Models). – Cambridge, MA: MIT Press, 1986. Эту книгу иногда называют «библией коннекционизма».

которые он периодически получает, и сигналами, которые он периодически посылает другим элементам.

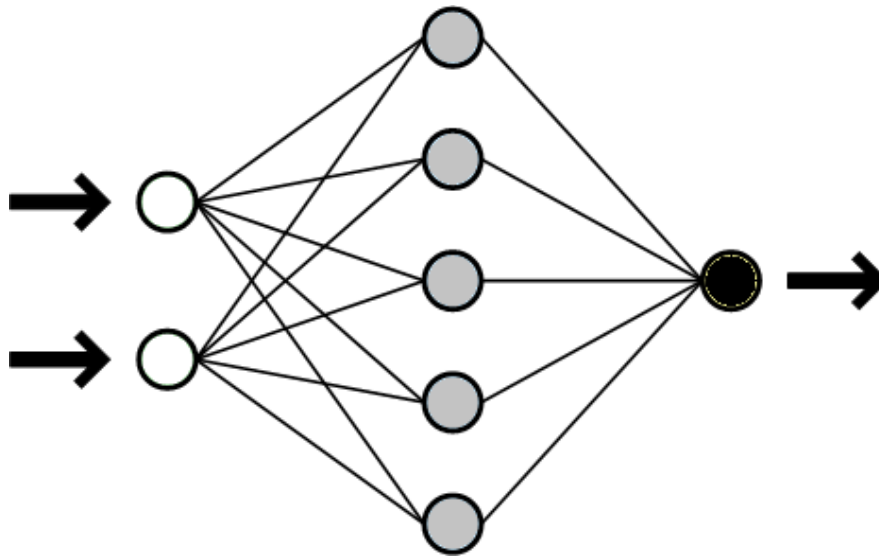

Рис. 7. Схема простой нейронной сети. Белым цветом обозначены *входные* нейроны, серым *скрытые* нейроны, черным – *выходной* нейрон³⁷

Искусственная нейронная сеть имеет следующие характеристики:

- *Функцию активации*: каждый нейрон, входящий в сеть, в ответ на сумму импульсов, поступивших к нему, выдает некоторый свой импульс.
- Набор *синапсов*³⁸, т.е. связей, передающих импульс от данного нейрона к другим (обозначены на рисунке) стрелками.
- *Вес*: импульс, идущий от данного нейрона i к нейрону j усиливается или ослабляется; для этого величина этого импульса умножается на вес w_{ij} .

Для данной сети функция активации и набор связей остаются постоянными, а набор весов изменяется. Именно так сеть настраивается для решения какой-либо задачи. Нейронные сети не программируются как компьютер, они обучаются. Для этого используется какое-либо правило, корректирующее веса w_{ij} с таким расчетом, чтобы результат функционирования сети постепенно приближался к желаемому.

И функции активации, и применяемые правила корректировки весов обычно очень простые. Тем не менее оказывается, что такие сети из про-

³⁷ Искусственная нейронная сеть //

http://ru.wikipedia.org/wiki/Искусственная_нейронная_сеть

³⁸ У естественного (биологического) нейрона синапсом называется место присоединения отростка (дендрита), идущего от данного нейрона к другому нейрону.

стейших элементов можно путем многократной «тренировки» научить выполнять достаточно сложные действия.

Пример информационной сети: NETtalk

Известный весьма впечатляющий эксперимент с сетью искусственных нейронов был проведен Теренсом Сейновски и Чарльзом Розенбергом в 1987 году³⁹. Они построили сеть из 309 нейронов и научили ее читать вслух английские слова. Описание этого эксперимента дает нам возможность понять, как работают информационные сети.

Сеть, получившая название NETtalk, была смоделирована на компьютере следующим образом:

- 1) Буквы, составляющие какое-либо слово подавались на 203 входных нейрона
- 2) Под воздействием этих сигналов входные нейроны генерировали импульсы, которые передавались на 80 скрытых нейронов.
- 3) В свою очередь скрытые нейроны генерировали импульсы, которые передавались на 26 выходных нейрона
- 4) Импульсы, генерируемые выходными нейронами, соответствовали фонетической транскрипции, т.е. произношению слова. К выходным нейронам мог быть присоединен синтезатор, который преобразовывал сигнал в звук.

Функция активации, т.е. реакция нейронов на сумму получаемых ими импульсов была примерно такая:

Рис. 8. Реакция нейрона

³⁹ Sejnowski, Terrence J., Rosenberg, Charles R. Parallel Networks that Learn to Pronounce English Text. – Complex Systems 1 (1987), 145-168.

То есть нейроны почти не реагировали на входящие отрицательные («тормозящие») сигналы, а в ответ на положительные сигналы посылали дальше свой импульс.

К этому описанию сети следует добавить описание процедуры ее обучения. Для этого была сделана магнитофонная запись речи ребенка, которую перевели в знаки звуковой транскрипции. Было использовано 1024 слова, причем иногда произношение одного и того же слова различалось. Затем была многократно повторена следующая операция:

- («Прямой ход») Слова в письменной форме подавались на входные нейроны.
- Импульсы, генерируемые входными нейронами, передавались – усиленные или ослабленные весами w_{ij} на скрытые нейроны.
- В свою очередь, импульсы, генерированные скрытыми нейронами, передавались – с поправкой на w_{ij} – на нейроны выхода.
- Результирующие импульсы нейронов выхода сравнивались с фонетической транскрипцией слова; для этого вычислялось среднее квадратичное отклонение.
- («Обратный ход») На этой основе по стандартной формуле корректировались веса, соответствующие связям выходящих и скрытых нейронов.
- В свою очередь исходя из этого корректировались веса, относящиеся к связям скрытых нейронов и нейронов входа⁴⁰.

Результаты обучения авторы описывают следующим образом:

Процент правильных фонем быстро рос вначале, а затем продолжал расти более медленным темпом, достигнув 95% после 50 повторения корпуса (т.е. всех 1024 слов – *В.Ш.*). Ударения и деление на слоги были освоены очень быстро для всех слов и стали почти идеальными после 5 повторений. Когда кривые обучения были представлены на двойной логарифмической шкале, они выглядели примерно как прямые, т.е. обучение соответствовало степенному закону, который характерен для обучения человека некоторому навыку. Различение между гласными и согласными произошло рано, однако сеть заменяла все гласные одним и тем же, и все согласные одним согласным, она «бубнила». Вторая стадия началась, когда сеть стала распознавать границы слов, и тогда на выходе стали появляться «псевдослова». Но после всего нескольких «прогонов» многие слова стали различимы, а после 10 повторений текст стал понятным.

Если сеть делала ошибки, это часто состояло в том, что она путала фонемы, звучащие похоже. Например, обычной ошибкой была путаница между звуками *th* в словах *thesis* и *these*, где различие сводится только к звонко-

⁴⁰ Мы не будем приводить здесь формулу корректировки весов; достаточно сказать, что она очень простая.

сти или глухоте согласного. После достаточной тренировки было очень немного таких ошибок, когда смешивались гласные и согласные. Некоторые ошибки представляли собой на самом деле исправления тех нестыковок, которые были в тренировочном корпусе. В целом, разборчивость речи оказалась вполне хорошей.

То есть во многих отношениях сеть воспроизводит поведение человека:

NETtalk может служить иллюстрацией в миниатюре для многих аспектов обучения. Во-первых, когда сеть начинает работать, у нее отсутствует какое-либо априорное знание, которое могло бы быть заложено экспериментаторами в саму форму представления информации на входе или выходе. У нее нет знания именно об английском языке – сеть можно было бы научить любому языку с тем же набором букв и фонем. Во-вторых, сеть приобрела свои навыки из практики, она прошла несколько отдельных стадий и достигла значительного уровня мастерства.

Где накапливает знание сеть?

Для целей нашей книги эксперимент с сетью NETtalk интересен еще и в том отношении, что он помогает понять, каким образом размещается полученное сетью знание. Как оказалось, информация не локализуется, а распределяется по всей сети. Вот как описывала эти результаты газета Нью-Йорк Таймс после интервью с Теренсом Сейновски⁴¹:

Он обнаружил, что выбранные наугад 10 нейронов могут быть использованы как «зерно», чтобы воспроизвести всю систему кодирования. В этом смысле сеть похожа на голограмму. Если одно из таких созданных лазером изображений разрезать на две, четыре, восемь или шестнадцать частей, то каждый кусок содержит всё изображение, хотя его резкость будет последовательно ухудшаться.

Используя математический анализ, он начинает раскрывать это скрытое знание. «Оно оказывается очень логичным, – говорит он. – Гласные представлены не так, как согласные. То, что звучит похоже, сгруппировано вместе». Буква «р» расположена рядом с «b», а «a» и «e» имеют каждая свою территорию.

А вот как сами авторы описывают результаты исследования, которое они предприняли для того, чтобы понять, какую роль играют отдельные нейроны и связи между ними в процессе обучения сети:

⁴¹ Learning then talking // <http://www.nytimes.com/1988/08/16/science/learning-then-talking.html>

Стандартная сеть, использованная для анализа, имела 7 групп входных нейронов и 80 скрытых единиц; она была натренирована до уровня 95% точности на массиве в 1000 слов из словаря. Для каждого из этих слов был измерен уровень активации скрытых единиц. В среднем оказалось, что около 20% скрытых единиц имели высокий уровень активации для любого данного слова на входе, а у остальных скрытых единиц активация была небольшой или отсутствовала. Таким образом, систему кодирования информации нельзя описать ни как локальное представление, ни как «голографическое», в котором все скрытые единицы участвовали бы до некоторой степени. Было очевидно даже без применения статистической техники, что многие скрытые единицы были сильно активированы только для некоторых букв, или звуков, или соответствий буква-звук. Некоторым из скрытых единиц можно было дать однозначные характеристики, как, например, одной из них, которая «отвечала» только на гласные; но большинство единиц участвовали более, чем в одной регулярности.

Чтобы проверить гипотезу о том, что первичной организующей переменной является соотношение буква-звук, мы вычислили средние уровни активации каждой скрытой единицы для каждого соотношения буква-звук в тренировочном словарном корпусе. Результат состоял из 79 векторов с 80 компонентами каждый, один вектор для каждого соответствия буква-звук. Методом многоуровневого кластерного анализа векторы соответствий буква-звук были сгруппированы в пространстве скрытых единиц, имеющем размерность 80. Общая картина оказалась поразительной: наиболее важным различием было полное разделение согласных и гласных. Однако внутри этих двух групп кластеры имели другое строение. Для гласных следующим по значимости фактором была буква, в то время как согласные группировались по смешанному правилу, которое основывалось больше на сходстве их звучания. Такая же процедура построения кластеров была повторена для трех сетей, начальные состояния которых были выбраны случайным образом. (Получившиеся после обучения сети) распределения весов были совершенно различными, но кластерный анализ обнаружил примерно одни и те же иерархии для всех трех сетей, с небольшими различиями в деталях.

Такое более или менее равномерное распределение информации по всей сети приводит к тому, что сеть оказывается очень устойчивой к повреждениям:

Мы исследовали работу хорошо обученной сети после внесения случайных изменений различной величины в систему весов. ... (С)лучайные возмущения весов, единообразно распределенные в интервале $[-0,5, 0,5]$ оказывали слабое воздействие на работу сети, и ухудшение происходило постепенно по мере усиления повреждений. Это повреждение в среднем изменило каждый вес на 0,25; это примерно та ошибка, которую можно терпеть прежде чем работа сети начинает ухудшаться; ее можно использовать, чтобы оце-

нить точность, с которой нужно задавать каждый вес. Веса в среднем имели величину 0,8, и почти все они не превышали 2.

(И)нформация оказалась распределенной в сети таким образом, что ни один какой-то элемент или отдельная связь не является существенной. Как следствие, сеть устойчива к ошибкам, и качество ее работы уменьшается медленно при увеличении повреждений. Более того, восстановление сети после повреждения происходит намного быстрее, чем первоначальное обучение.

Рынок: цены как «веса»

В упоминавшейся статье⁴² Хайек говорил о том, что информации, содержащейся в ценах, достаточно для того, чтобы организовать взаимодействие между обособленными участниками рынка. В статье это было одной из основных мыслей, однако она никак не обосновывалась. Между тем изложенные результаты экспериментов с нейронными сетями дают дополнительное подкрепление тезису Хайека поскольку цены на рынке играют ту же роль, что и веса, модифицирующие сигналы в синапсах.

⁴² Hayek, F. A. The Use of Knowledge in Society. – The American Economic Review, Vol. 35, No. 4. (Sep., 1945), pp. 519-530.

Глава 3. Основные свойства когнитивных сред

Основываясь на изложенных выше более или менее известных фактах и моделях, мы попробуем теперь предложить несколько новых соображений и понятий, с помощью которых можно анализировать свойства когнитивных сред. Во-первых, мы попробуем соединить идеи знаковой системы и информационной сети и нарисовать объединяющую их более общую модель. Мы обратим внимание на различия между знанием, которое можно разбить на автономные «кусочки» – т.е. знанием локализуемым, атомизируемым – и знанием целостным. Затем мы обсудим вопросы, связанные с отношением между идеями и реальностью: как возникают идеальные объекты, как они устроены, и как можно их перекодировать, т.е. менять их способ «физического» существования. Наконец, мы обсудим еще одно важнейшее свойство когнитивных сред – их способность к рефлексивности, т.е. к самоорганизации.

Общий взгляд на когнитивные среды

Предположим, что человек придумывает *идею*. Затем он может самостоятельно осуществить ее, превращая идею в *реальность*. Он может социализовать свою идею, передавая ее другим людям через какой-то акт *коммуникации*. Назовем все это *базовой триадой*.

Три перечисленные действия могут происходить в разной форме и в различной последовательности. Дальше мы будем обсуждать либеральный общественный порядок, при котором индивид сначала самостоятельно реализует свою идею, используя принадлежащие ему ресурсы и превращая ее в продукт. После этого индивид социализует идею, получая одобрение других; это происходит обычно путем продажи и покупки. Вне системы «либерального порядка» эта последовательность действий может иметь другой вид. В коллективистской модели («при социализме») вторым шагом является социализация идеи: человек должен убедить коллектив (или его представителей) в необходимости реализации своей идеи. Сама же реализация осуществляется на третьем этапе – как общее дело всего коллектива.

Обобщенная машина Тьюринга

Для того, чтобы дальше обсуждать возникающие здесь варианты, представим человеческую когнитивную среду в виде обобщенной модели машины Тьюринга:

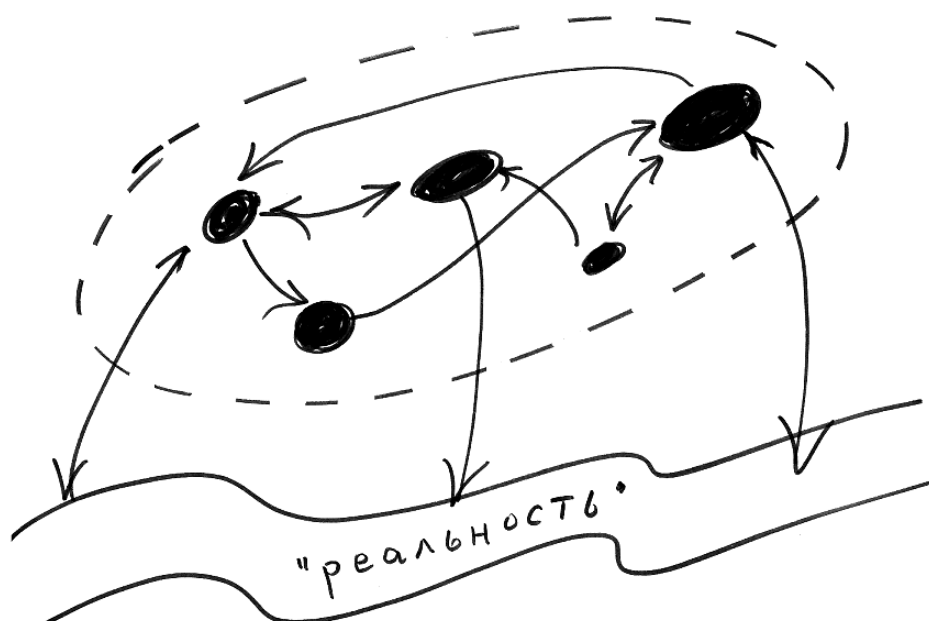

Рис. 9. Обобщенная машина Тьюринга

Понятия самой машины, ее внутренних состояний, входа-выхода и ленты внешней памяти мы будем трактовать следующим образом.

В качестве самой машины мы будем рассматривать социум – некоторым образом организованную совокупность людей. Если их взаимодействия между собой не затрагивают внешний мир («реальность»), то мы можем рассматривать такие взаимодействия как изменения во внутреннем состоянии машины.

Вход и выход обобщенной машины – это как раз ее связи с «реальностью». Они могут быть устроены очень по-разному. Вход и выход в «реальность» может монопольно принадлежать какому-то одному или нескольким элементам машины (как это было, скажем, в сети NETtalk). Или же, напротив, все элементы машины могут иметь одинаковую возможность взаимодействовать с «реальностью» без какого бы то ни было ограничения. Наконец, возможна конфигурация, когда каждому человеку или группе людей из данного социума может быть выделена некоторая часть «реальности» – их «территория» – взаимодействовать с которой позволено только им.

«Реальность» как внешняя память

Для обычной машины Тьюринга способ взаимодействия с «реальностью» – это внесение изменений на ленте внешней памяти. Для нашей обобщенной машины это может происходить в виде любого изменения «реальности» – как написание текстов, изготовление инструментов и других материальных объектов, заключение договоров – одним словом, создание любых артефактов.

«Социальная реальность наполнена объективированными отношениями между людьми – вещами и веществами, ценностными системами и политическими реалиями, законами науки и законами юридическими, которые подчиняют себе людей, оформляют их деятельности, объединяют и разделяют. Люди поколениями превращали и превращают отношения между собой во внешние объекты, начинающие жить самостоятельной – для последующих поколений – жизнью»⁴³.

Знаковые системы и сети

И сети, и знаковые системы могут рассматриваться как частные случаи нашей обобщенной машины Тьюринга.

Сеть – это обобщенная машина, у которой а) вход и выход монополизированы несколькими элементами, б) информационный обмен происходит в достаточно простой форме, и в) входящие в систему элементы могут накапливать информацию о своих «смежниках».

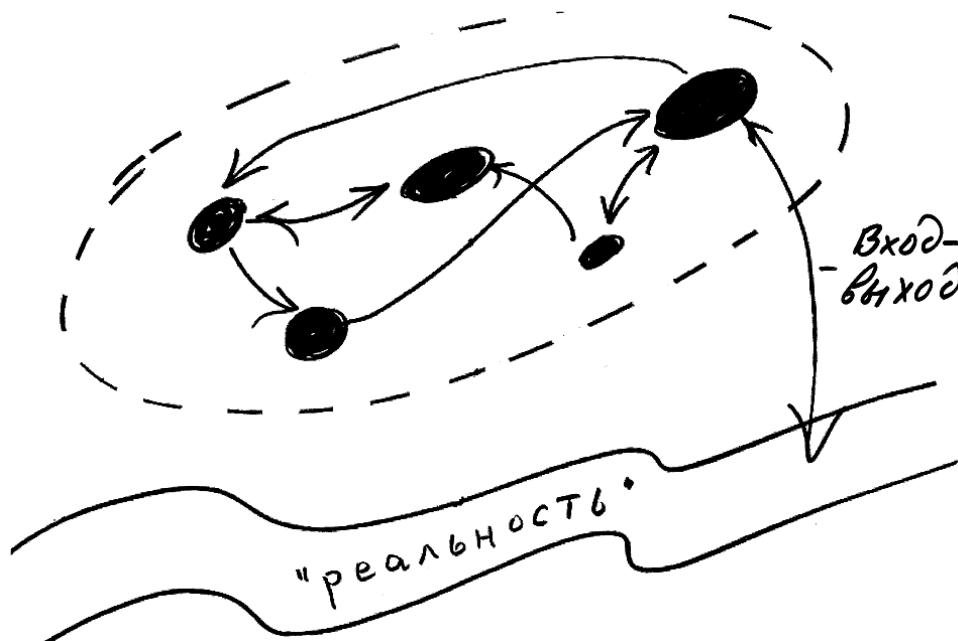

Рис. 10. Обобщенная машина Тьюринга: информационная сеть

В отличие от этого, знаковая система основана, во-первых, на «привязке» каждого ее элемента к некоторому определенному «куску реальности», который и называется значением этого элемента. Напомню примеры таких отношений знак-значение:

- Значение слова и предложения
- Функция детали машины
- Юридические права на определенную часть «реальности»

⁴³ Кордонский С. Циклы деятельности и идеальные объекты. – М.: ПАНТОРИ, 2001.

Во-вторых, знаковая система основана на некоторых грамматических правилах, определяющих, каким образом знаки могут вступать во взаимодействие друг с другом.

Условно все это можно изобразить так:

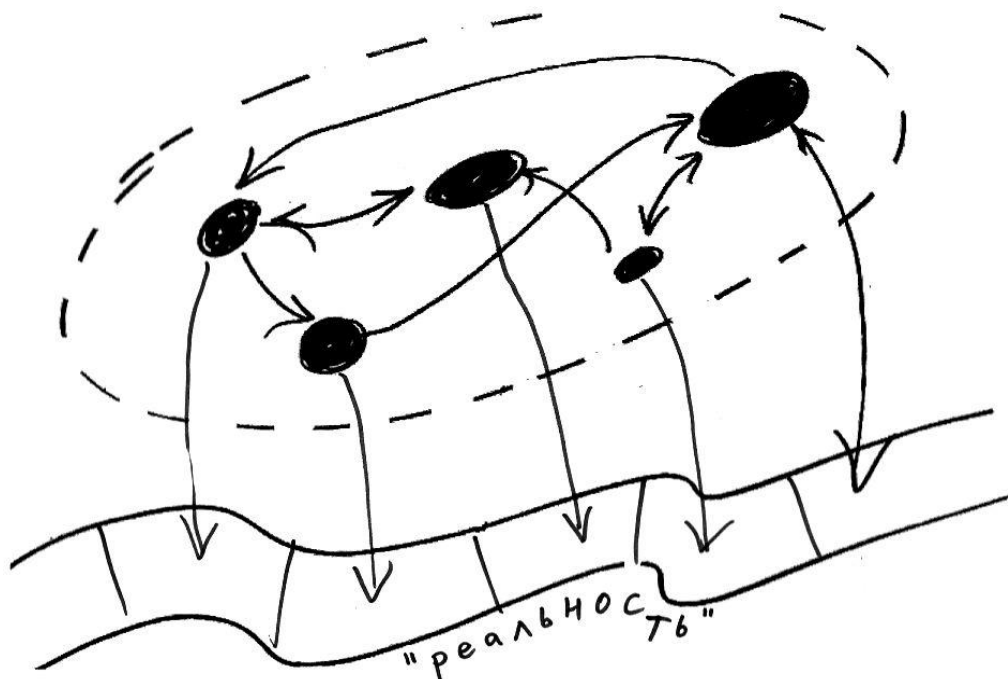

Рис. 11. Обобщенная машина Тьюринга: знаковая система

Целостное и локализуемое знание

Главное исходное утверждение в этой книге состоит в том, что знание имеет коллективный, целостный характер: *при любом способе организации, знание, содержащееся в системе в целом, несводимо к сумме «локальных знаний»*; более того, некоторые аспекты знания вообще не локализуемы, они «холистичны».

Каким образом когнитивные системы работают с целостным знанием? Можно отметить следующие три подхода:

- Голографическое распределение знания по всей системе.
- Выработку общих понятий.
- Знание, воплощенное в грамматике.

Как уже многократно упоминалось, любой кусок голографического изображения содержит информацию обо всем изображении в целом, хотя полученное с помощью этого куска изображение будет менее четким, чем если бы использовали всю голограмму. Как мы видели, таково знание в

сетях, оно «размазано» по всей системе и накапливается в виде знания элементов сети друг о друге.

Языки и другие знаковые системы обладают свойством *сепарабельности*, они позволяют отделять локализуемое знание от нелокализуемого. Именно с этим связана их эффективность. Как правило, слово представляет собой более или менее «локализованное» знание, а холистическое знание в знаковых системах сконцентрировано в грамматике.

Содержание слова, т.е. смысл, который оно передает, представляет собой некоторую обособленную частицу – корпускулу – нашего мира, отдельный кусок реальности. Оно выделяет из окружающего мира некоторую «территорию» и дает ей название. При этом в одних случаях информационное наполнение данного слова не имеет отношения к информации, содержащейся в другом слове. Например, слово «птица» мы понимаем совершенно независимо от того, как мы понимаем слово «дым» или слово «ходить».

В других случаях «территории» значения различных слов могут пересекаться. В качестве примера тут можно привести те же слова «птица» и «дым» и слово «белый». Относительно этого слова «белый» тоже можно сказать, что оно выделяет некоторую «территорию» в реальности, однако эта «территория» пересекается с другими, это слово передает общее, диффузное понятие. Ребенок осваивает такое слово по-другому, сравнивая белые и небелые предметы, т.е. способ, которым это слово отсылает нас к реальности, представляет собой несколько иной поведенческий механизм.

Хорошо известно, что значения слов (и других языковых единиц) определяется через два отношения – через отношение данного слова к реальности, и через отношения слов между собой. Тем не менее представляется, что о «территориальной» природе словарной информации говорить можно. Знание в этом случае имеет более или менее *локализованный, корпускулярный* характер.

Совершенно иной пример дает нам знание, заключенное в грамматических формах. Тот факт, что в полном русском предложении должны присутствовать подлежащее и сказуемое, не говорит нам ничего конкретного. Это общее утверждение о свойствах мироздания, в котором существуют *вещи*, а во времени происходят *события*. Для того, чтобы извлечь грамматическое знание из языка, нужны очень небольшие фрагменты устной или письменной речи. Скажем, фонетический состав древнего языка может быть восстановлен по очень небольшому фрагменту текста.

Знание словарного и грамматического типа представляют собой два крайних примера почти чисто корпускулярной и чисто холистической информации, содержащейся в языке. Но выше я говорил о том, что существуют и многочисленные промежуточные формы – сюжет, жанр, стиль, направление, парадигма и т.п. Всё это, так или иначе – информация целост-

ного типа, рассказывающая о картине мира автора сообщения или текста. Она может быть извлечена путем анализа относительно небольших кусков текста. Именно так, например, построена известная книга «Мимесис» Эриха Ауэрбаха, который писал о ней:

Метод современных писателей можно сравнить с техникой некоторых современных филологов, которые полагают, что посредством истолкования нескольких мест «Гамлета», «Федры» или «Фауста» можно узнать больше существенного о Шекспире, Расине или Гёте и об их времени, чем из целых курсов лекций, в которых жизнь их и творчество рассматриваются систематически и в хронологической последовательности; можно привести в пример и настоящее исследование⁴⁴.

Грамматика естественных языков несет в себе информацию настолько общую, что она может казаться почти тривиальной. Мы видим, однако, что дело обстоит иначе применительно к специальным языкам или к языковым знаковым системам. Подчеркнем еще, что знаковые системы позволяют локализовать не только «предметный смысл» понятий, но другие отношения. Они локализуют логику и факты – или, правильнее сказать, создают их. Из всевозможных взаимодействий в системе они выбирают некоторые, которые должны рассматриваться как *причины* или *следствия* некоторого события.

Достоевский: голографичность в литературе

Вспомним, как технически устроена голограмма. На объект, изображение которого хотят получить, направляют луч света (обычно от лазера) и фиксируют картину взаимодействия этого луча и света, отраженного объектом⁴⁵:

Когда записывают голограмму, в определённой области пространства складывают две волны света: одна из них идёт непосредственно от источника (опорная волна), а другая отражается от объекта записи (объектная волна). В этой же области размещают фотопластинку (или иной регистрирующий материал), в результате на этой пластинке возникает сложная картина полос потемнения, которые соответствуют распределению электромагнитной энергии (картине интерференции) в этой области пространства. Если теперь эту пластинку осветить волной, близкой к опорной, то она преобразует эту волну в волну, близкую к объектной. Таким образом, мы будем видеть (с той или иной степенью точности) такой же свет, какой отражался бы от объекта записи.

⁴⁴ Ауэрбах Э. Мимесис. – М.: Прогресс, 1976. – 556 с.

⁴⁵ Голограмма // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Голограмма>

В результате получается изображение, которое будет не плоским, а объемным, и которое можно видеть в трехмерном пространстве. Оказывается, что аналогичным образом можно получать «объемные» картины не только в буквальном смысле слова, но и добиваться особой выразительности в литературных произведениях. Сравним описанную технику голографии с анализом писательской техники Достоевского в замечательной книге М.М. Бахтина⁴⁶:

Герой интересует Достоевского не как явление действительности, обладающее определенными и твердыми социально-типическими и индивидуально-характерологическими признаками, не как определенный облик, слагающийся из черт односмысленных и объективных, в своей совокупности отвечающих на вопрос «кто он?». Нет, герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого.

Это очень важная и принципиальная особенность восприятия героя. Герой как точка зрения, как взгляд на мир и на себя самого требует совершенно особых методов раскрытия и художественной характеристики. Ведь то, что должно быть раскрыто и охарактеризовано, является не определенным бытием героя, не его твердым образом, но последним итогом его сознания и самосознания, в конце концов последним словом героя о себе самом и о своем мире.

Бахтин противопоставляет технику Достоевского тому, что он называет *монологичностью*:

В монологическом замысле герой закрыт, и его смысловые границы строго очерчены: он действует, переживает, мыслит и сознает в пределах того, что он есть, то есть в пределах своего как действительность определенного образа; он не может перестать быть самим собою, то есть выйти за пределы своего характера, своей типичности, своего темперамента, не нарушая при этом монологического авторского замысла о нем. Такой образ строится в объективном по отношению к сознанию героя авторском мире; построение этого мира — с его точками зрения и завершающими определениями — предполагает устойчивую позицию вовне, устойчивый авторский кругозор. Самосознание героя включено в недоступную ему изнутри твердую оправу определяющего и изображающего его авторского сознания и дано на твердом фоне внешнего мира.

⁴⁶ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. — М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002. — 800 с.

В нашем примере, приведенном выше, монологичность соответствует плоской фотографии. Достоевский же не фотографирует своих героев, он рисует их объемно в отраженном свете их взаимодействия с внешним миром, друг с другом. Это именно то, что Бахтин называет *диалогичностью* Достоевского. «Светом», падающим на фигуру героя, здесь служит личность другого героя:

Человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А. По художественной мысли Достоевского, подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, "заочно". Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя.

Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, то есть заочная правда, становится унижающей и умерщвляющей его ложью, если касается его «святая святых», то есть «человека в человеке».

Пример творчества Достоевского и анализ Бахтина представляются мне исключительно важными для понимания особенностей когнитивных сред, не имеющих знаковой природы, но, в то же время, и не действующих, как простая нейронная сеть. Вместо этого представим себе сеть, в которой элементы передают друг другу сложные векторы сигналов, вызывающие в ответ также сложную реакцию принимающего элемента. Знание в такой сети будет накапливаться в виде голографических «картинок», характеризующих взаимодействия каждой пары элементов. В то же время эти частные голограммы будут сливаться в единую общую картину, также не «плоскую», а «объемную». Именно так, по-видимому, работает русская культура.

Идеи и реальность

Люди и группы в социуме могут обмениваться совсем простыми сигналами. При этом, как мы видели на примере сети NETtalk, сама сеть в целом способна выполнять очень сложные действия. Информация в этом случае накапливается в виде знания о том, как каждый элемент сети должен реагировать на сигналы, приходящие от смежных элементов. Она распределена по сети и неотделима от нее.

Другой способ взаимодействия – это движение идеальных объектов, имеющих более сложную структуру и несущих информацию *в себе*.

В этом случае возникает ряд «вечных» вопросов: Откуда берутся идеи и идеальные объекты? Как они изменяются? Как устроены? Каковы формы их существования? Как они превращаются в реальность?

По сути дела, людям все это до сих пор не слишком понятно. Мы видим, что идеальные объекты появляются от соприкосновения с «реальностью»⁴⁷ путем *рефлексии*. Также легко заметить, что они, подобно объектам биологическим, способны к *эволюционному развитию*.

Прослеживая новую историю западной цивилизации, Мишель Фуко выделил три наиболее общих этапа в соотношении «слов» и «вещей»⁴⁸. На первом из них «слова» воспринимались так же, как и «вещи»: мнение Птолемея означало точно то же, что и данные астрономических наблюдений⁴⁹. На следующем этапе «слова» воспринимались как «прозрачные»: понятия, теории, законы считались не более, чем отражением «мира реальности». И, скажем, законы Ньютона считались не его «выдумкой» — хотя бы и спровоцированной «реальным миром», — а воспринимались как объективно существующие и просто им «открытые».

После Канта, и особенно в наше время «постпозитивизма», взаимоотношение «слов» и «вещей» рассматривается, как более сложный процесс. Считается, что «факты теоретически нагружены». То, как человек видит мир (и что он считает фактом), в значительной степени зависит от того, какие априорные мыслительные конструкции он использует. И то, как он понимает ту или иную ситуацию (явление, факт) зависит от того, какую метафору он использует для анализа.

Как пример, сошлемся тут на методы оценки гипотез в математической статистике. Как известно, никакая гипотеза не может быть ни однозначно принята, ни отброшена на основе имеющихся наблюдений. Единственное, что можно сделать — это оценить вероятность ее истинности.

Такой подход означает, что в любой момент времени каждый человек соприкасается с двумя потоками — «реальности» и «идей» (или идеальных объектов)⁵⁰.

⁴⁷ Время от времени уместно вспоминать, что понятие реальности очень условно. Скажем, грань между способом существования, с одной стороны, моды, а с другой — производственных мощностей, ориентированных именно на производство данной модной одежды, хотя и безусловно имеется, однако отнюдь не является четкой и очевидной.

⁴⁸ Фуко М. Слова и вещи. — СПб., 1994.

⁴⁹ Конечно, это было связано и с тем, что Запад тогда только осваивал более высокую культуру античности и Востока.

⁵⁰ Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983.

Эволюция идеальных объектов: биологическая метафора

Еще один ответ на вопрос, откуда берутся идеи и идеальные объекты, состоит в том, что они, как и живое, «не возникают ниоткуда», а могут быть только продолжением и развитием предшествующих идей. Динамика идей (идеальных объектов), их поток может быть описан с помощью эволюционной – или популяционной – модели. Применительно к науке (научным идеям, теориям и т.д.) это было сделано Томасом Куном⁵¹. В его модели, с одной стороны, подчеркивается преемственность идей, поскольку каждая инновация является продолжением и развитием в рамках некоторой «школы мысли». С другой стороны, периодически происходят революции и возникают принципиально новые «школы». Такое описание аналогично популяционной картине в биологии. Разные «школы мысли» соответствуют различным биологическим видам. Представители разных «школ мысли» так же не способны понимать друг друга, как представители разных видов не способны скрещиваться. С другой стороны, соотношение идей, возникших в рамках одной школы, аналогично мутациям (изменчивости) внутри одного вида.

Популяционная модель позволяет также интерпретировать процедуры верификации и фальсификации. Верификация некоторой идеи (гипотезы) представляет собой акт «поедания» гипотезой подтверждающего ее факта. Куном было замечено, что (1) ни одна теория не объясняет *всех* фактов, и (2) старые теории выходят из оборота и заменяются новыми не потому, что противоречат фактам. Процесс замещения старых теорий (идеальных объектов) новыми выглядит аналогично вытеснению одних популяций живых существ другими. При этом полное исчезновение популяции происходит только если эта популяция *ни в каком отношении* не имеет преимуществ по сравнению с вытесняющей ее (известный «закон Гаузе»). В противном случае (т.е. почти всегда) каждая из «школ» сохраняет некоторую свою нишу.

Попперовская идея фальсифицируемости как критерия научности тоже имеет аналогию в биологии – она соответствует смертности всего живого. На дарвиновском языке, только это делает возможным естественный отбор и прогресс.

Аналогия мира идей и популяционной биологии, т.е. целесообразность использования соответствующих моделей (метафор) достаточно очевидна, и она периодически «переоткрывается» различными исследователями⁵². Такая метафора также естественно возникает у исследователей,

⁵¹ Кун Т. Структура научных революций. – М., 2009.

⁵² Пожалуй, одним из наиболее известных является Richard Dawkins.

занятых изучением массового сознания (моды, потребительских и политических предпочтений и т.п.)⁵³.

Как «устроены» идеи: лингвистическая метафора

Мир идеальных объектов (идей) может быть описан не только с помощью эволюционной модели. Другая метафора – это язык, а источник концептуальных инструментов – лингвистика. В частности, здесь может быть применен аппарат структурной лингвистики. Идеальный объект можно представить в виде текста (или конструкта, т.е. действия), состоящего из высказываний (предложений), в свою очередь состоящих из понятий (слов), сочетающихся по законам грамматики. Этот текст принадлежит определенному жанру (или в более общих терминах – парадигме), т.е. отражает то, как принято говорить на данную тему или действовать в данной ситуации.

Излишне пояснять, что слово «текст» здесь понимается в обобщенном смысле. Например, это может быть последовательность действий, где каждая элементарная составляющая представляет собой часто повторяющийся и общепонятный момент, а «сцепление» таких моментов между собой определяется также общепринятой и общепонятной грамматикой поведения. В целом же такая последовательность действий не является повторяющейся, однако она соответствует принятой парадигме. Так, переезд из точки А в точку В может происходить по-разному, однако в любом случае этот «текст» формулируется «на языке правил дорожного движения» (разумеется, включая их девиантную часть).

Лингвистический (структуралистский) взгляд предполагает разложение идеального объекта (будь то текст в буквальном или обобщенном смысле) на компоненты, каждый из которых принадлежит к некоторому множеству взаимозаменяемых альтернатив. Такая комбинаторика позволяет из ограниченного набора элементарных «кирпичиков» строить нужные цепочки. При этом имеет место иерархичность структур. Так, комбинируя по-разному одни и те же понятия и слова, мы можем сказать и что «земля стоит на трех китах», и что «земля не стоит на трех китах», а также задать вопрос, на скольких китах она стоит. Все эти комбинации – при том, что смысл их может быть противоположен – тем не менее соответствуют одной и той же парадигме.

Как правило, всякая данная парадигма «вложена» в некоторую – или некоторые – более общие парадигмы. В данном примере «невооруженным глазом» можно увидеть по крайней мере их две – (а) предполагается существование таких объектов, как земля и киты, а также утверждается, что

⁵³ Ослон А. Мир теорий в эпоху «охвата» // Социальная реальность. – 2006. – № 1.

земля может стоять, (б) все рассмотренные фразы относятся к парадигме, называемой «русский язык».

Перекодировка и модус существования идей

В компьютере информация хранится на различных носителях, она перекодируется и обрабатывается. Аналогичные трансформации происходят в когнитивных средах с идеальными объектами.

Способ существования идеи (идеального объекта) – это «вечная» проблематика, которую разрабатывали еще древние греки, не говоря о средневековых схоластах. Превращение идеального объекта в реальный – скажем, проекта в машину – это самый распространенный и самый понятный пример смены модальности. Гораздо сложнее философская проблема открытия – «узнавания» идеи, заключенной (согласно некоторой системе взглядов) в окружающей нас действительности. В наше время эта тема также является предметом исследования, и не только философов.

Эта тема занимает центральное место в современном концептуальном искусстве. Наиболее прямым примером тут, конечно, может быть знаменитая инсталляция «Один и три стула» Джозефа Кошута, выставившего три предмета – стул, фотографию этого же стула и статью «стул» из энциклопедии⁵⁴.

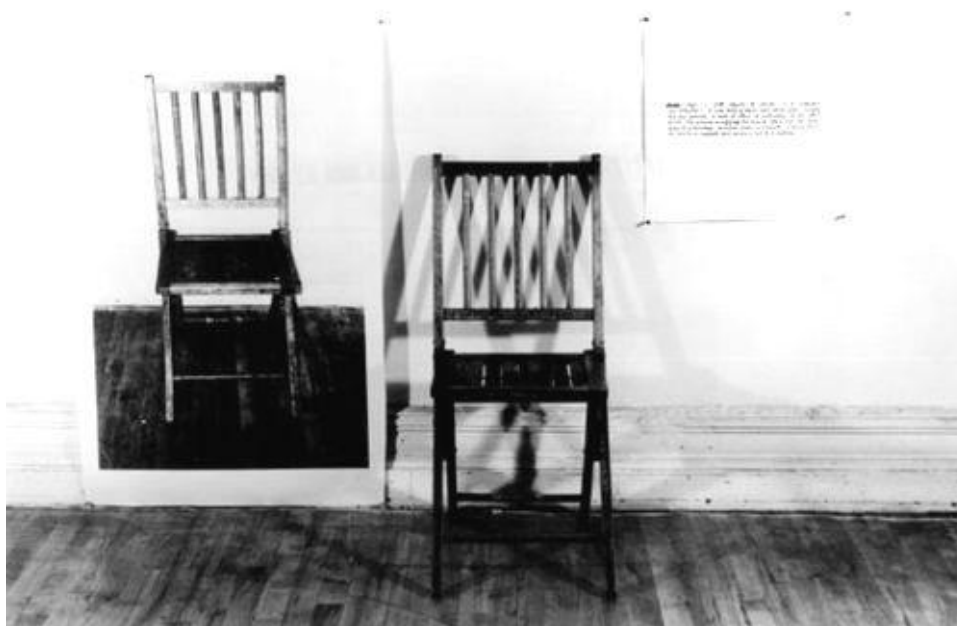

Рис. 12. Инсталляция Дж. Кошута «Один и три стула»

⁵⁴ One and Three Chairs // http://en.wikipedia.org/wiki/One_and_Three_Chairs

Представляется очень полезным ввести в наш анализ понятия *модуса существования* (модальности) идеального объекта (идеи), и анализировать когнитивные среды под углом зрения трансформации модальностей. Очевидно, что одним и важнейших аспектов развития человеческого общества является процесс возникновения и изменения идей (идеальных объектов), который неразрывно связан с изменением их модуса существования. Кроме того, имеющиеся в данном обществе и данной культуре инструменты для «работы» с идеальными объектами и для изменения их модальности представляют собой важнейший параметр, определяющий траекторию развития этого общества.

Понятие модальности в грамматике также имеет сюда прямое отношение. В русской грамматике вместо слова модальность используется термин наклонение: изъявительное, сослагательное, вопросительное: «я иду» – это модальность факта, «я пошел бы» – это не факт, а пожелание или условие и т.д. Кроме того, как известно, в грамматике нет границы между наклонением и модальностью времени: «я шел» – модальность факта в прошлом, «я пойду» – намерение, ожидание.

Программируемость

Вернемся еще раз к первобытным людям, сбивающим бананы палкой. Вообразим, что в племени образовалась наука «палковедения» и кружок людей, которые не только сами не собирают бананы, но даже и не мастерят палки, а только рассуждают на эту тему. Предположим далее, что они сконструировали исключительно удобную палку. Спрашивается, как довести это изобретение до практики, как реализовать идею? Ведь если передать ее мастерам-«палкоделам», то они вряд ли захотят вносить изменения в привычные приемы своей работы, или же они поймут изобретение по-своему, а, возможно, попробуют – в меру своего понимая – внести в него еще и дополнительные усовершенствования. В результате получится, как шутят американцы, «лошадь, спроектированная комиссией – верблюд».

Вопрос о когнитивной и институциональной инфраструктуре, позволяющей систематически внедрять, овеществлять идеи, исключительно важен. Понятно, что в более общей постановке, это вопрос о практических способах перекодировки идей, и он опять касается модуса существования идеальных объектов. Такая инфраструктура возникла относительно недавно, по историческим меркам – почти в наши дни. Если, как уже говорилось, рефлексивные системы – риторика, философия, грамматика – появились еще у древних греков, то для изобретения механизмов внедрения потребовалось еще почти две тысячи лет – в сущности, это стало содер-

жанием Нового времени и произошло только в Европе к середине прошлого тысячелетия. Стоит ввести специальный термин и назвать *программируемостью* системы то ее свойство, которое заключается в возможности реализации идей, их овеществления без искажений в том виде, в котором они были спроектированы авторами.

В Части III мы будем подробнее говорить о конкретных механизмах, которые обеспечивают это свойство в современной европейской институциональной среде. Забегая вперед, отметим два момента. Во-первых, это принцип разделения властей. Этот принцип полностью аналогичен современному подходу в построении компьютеров, где программное обеспечение – «софт» – отделяется от аппаратной части – «железа». За счет этого обеспечивается реализация запланированных действий без искажений. Исполнительная и судебная власть обеспечивает применение закона так, как он был принят властью законодательной, и не внося в это ничего от себя. Точно так же обеспечивается и выполнение обязательств, возникающих из частных отношений граждан: суд, рассматривая гражданский спор, озабочен только выяснением того, что имели в виду стороны, заключая договор, и какие действия из этого должны следовать.

Второй момент связан с разработкой в Новое время того, что можно назвать методами самостоятельного принятия индивидуальных решений. Это всё то, что относится к понятию «природа», к методам ее исследования и «покорения» и выражается словами «знание – сила». Они освобождают индивида от необходимости координировать с другими свои действия по распоряжению своей «территорией реальности».

Историческое «запаздывание» в возникновении свойства программируемости по сравнению с рефлексивностью, по-видимому, связано с тем, что для его возникновения потребовался новый уровень развития социальных знаковых систем. Знаком стал сам человек, а значениями – его действия. Тем самым был замкнут круг положительной обратной связи от реальности к миру идей и обратно. «Джинн прогресса» был выпущен из бутылки.

Рефлексия и метаязыки

Человек начал создавать инструменты и знаковые системы, как только он перестал быть обезьяной – собственно, в этом и было их различие. Это случилось еще до каменного века, когда он взял в руку палку, *предназначенную* для того, чтобы сбить с ветки банан. Потом появились мастера, которые не сбивали бананы, а занимались изготовлением палок, и даже эксперты, которые давали советы мастерам. В конце концов, возникли люди, которые не делали даже этого, а только думали и обсуждали,

каким способом лучше сбивать банан. Это было не менее принципиальное изобретение, которое появилось гораздо позже: возникли *рефлексивные* системы – знаковые системы второго уровня, предназначенные для того, чтобы работать с исходными знаковыми системами как с *объектами*.

При этом важно отметить, что речь идет именно о рефлексивных *системах*, обладающих своими внутренними закономерностями. Мы не говорим здесь просто об эволюционном развитии инструментов – от случайно найденной к специально подобранной палке, затем к каменному топору и т.д., где каждый следующий шаг происходит путем случайной «мутации» и закрепления положительного опыта. В отличие от этого, рефлексивная система предполагает наличие знания, накопленного *в ней самой*, и, опираясь на которое, человек может вводить инновации. Такого рода *метаязык* (термин, введенный польско-американским математиком Альфредом Тарским) или *метасистема* – это опять-таки конструктор, предназначенный для сборки языков и знаковых систем. С другой стороны, он же является и ограничителем творчества, ставя его в определенные рамки.

Изобретение знаковых систем второго уровня происходило медленно и неравномерно. Среди самых ранних были риторика, философия и языкознание, которые возникли в древности. Затем в средние века были созданы юриспруденция, теология, современная наука и т.д. (а к числу самых поздних относятся, скажем, рынок капитала и финансовые инструменты). Что важнее всего – были созданы технологии порождения *derivативов* – новых рефлексивных этажей для любых знаковых систем, и их количество стало неограниченно расти.

Как мы увидим в Части II, это стало возможно потому, что примерно с XII века возник новый способ общественной организации, который постепенно превратил в знаки и значения *самих людей и их действия*. Он включал не только право как свод правил поведения, но и механизм рефлексии по поводу права, что происходило, в частности, в университетах. В результате право стало рассматриваться как самостоятельный организм, живущий и развивающийся по своим внутренним законам, и именно право стало играть роль главного метаязыка.

Результатом этого стало возникновение специальных правовых систем (городское право, коммерческое и т.д.), корпораций и мировоззренческих парадигм. Мы говорим в следующей части книги, что и реформация (протестантизм) и военная революция Нового времени стали использовать эту новую форму общественной организации. В первом случае суть заключалась в том, что церковь как «физически существующая» социальная организация уступила место безличной рефлексивной системе – протестантскому Богу, для которого человек служил простым инструментом. Позднее, в XVIII веке, возникла еще более радикальная идея, и религия

была вытеснена тем, что было названо *природой*, существующей на основе своих *естественных законов*.

В военной области в XV – XVII веках создание новой армии в виде единообразно обученных солдат, т.е. знаковой системы давало возможность построить и рефлексию – науку о военной стратегии. Со временем это повлекло за собой создание массового общества, в котором возникли единые контексты, обеспечившие единообразное понимание тех элементов, из которых сложена жизнь. Инструментом для этого служила рефлексивная система образования, науки и культуры.

Сопоставим это с процитированной выше мыслью Выготского о том, что знак и слово используются человеком в качестве средства, с помощью которого он подчиняет своей власти свои собственные психологические операции и направляет их деятельность на разрешение стоящей перед ним задачи. Эту же роль играют в обществе рефлексивные системы, позволяя ему самоорганизовываться.

Теория метаязыков возникла примерно в середине XX века. В частности, Дуглас Хофштадтер показал⁵⁵, что в одних случаях метаязык является неотъемлемой частью породившего его обычного языка, а в других метаязыки существуют отдельно и могут состоять между собой в различных отношениях. В социальных знаковых системах это соответствует тому, что деятельность по поддержанию системы и отслеживанию правил поведения может осуществляться всеми без исключения, либо для этого может быть выделена особая группа людей.

Примером первого рода может служить ситуация, взятая нами из книги Ксении Касьяновой, и подробно описанная в разделе «Человек» Главы 7. Кратко, ее суть состоит в иллюстрации того, что люди часто совершают поступки, которые им лично в данный момент не нужны и даже невыгодны. Сама автор интерпретирует это как проявление «диффузных ценностей», которые по ее мнению свойственны русской культуре. Возможно, это и правильно. Здесь же я хотел бы обратить внимание на другую сторону – а именно, истолковать такое поведение как пример встроенной метадеятельности, цель которой состоит в поддержание целостности данной социальной и поведенческой системы.

Примерами, когда метадеятельность выделена в особую подсистему являются профессиональные сообщества⁵⁶ (священнослужителей, юристов, ученых, врачей и т.п.), которые имеют монопольное право на обслуживание соответствующих знаковых систем, не допуская к этому «непо-

⁵⁵ Hofstadter, Douglas R. (1999) [1979], Gödel, Escher, Bach: An Eternal Golden Braid, Basic Books, ISBN 0-465-02656-7.

⁵⁶ Freidson, Eliot. Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. – Chicago: University of Chicago Press, 1970.

священных». Члены таких профессиональных сообществ проходят свой специальный и, как правило, долгий путь социализации (университет, разного рода интернатуры и т.п.), привыкая разделять специфические ценности и придерживаться особых правил поведения. В результате деятельность этих «посвященных» изымается из обычных общественных отношений как то купля-продажа или административное подчинение. И, например, у математика не может возникнуть даже мысли о том, что истинность или ложность теоремы может быть установлена приказом начальника или же в результате рыночной сделки.

Вопрос о рефлексивности и многоуровневых системах относится не только к знаковым системам. Мы видели, что анализируя эксперименты с сетью NETtalk, авторы смотрели на нее как бы «сверху» и использовали статистические методы. В этом случае роль рефлектирующего субъекта выполнял экспериментатор. Другой пример дает человеческий мозг, где (в первом приближении) рефлексия основана на взаимодействии полушарий. К сожалению, уровень понимания механизмов рефлексивности как для знаковых, так и для прочих информационных систем пока недостаточен для того, чтобы включить эту тему в книгу; это должно быть, пожалуй, самой главной темой последующей работы.

Часть II. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ

Эту часть книги⁵⁷ можно было бы назвать «стилизованной историей» институционального развития Западной Европы и России, хотя такое выражение редко употребляется по-русски. Википедия переводит его как «общие факты», имея в виду «упрощенное обобщение эмпирических результатов». Мне, тем не менее, кажется, что это выражение хорошо передает нужный смысл. Определяя жанр этой части книги, следует сказать, что я не рассказываю историю, и если такое впечатление будет складываться, то оно не совсем правильное. Речь пойдет о моделях, которые будут излагаться в исторической последовательности их предполагаемых прототипов. Это то, как мы или как авторы цитируемых книг представляют себе общественное, институциональное устройство в прошлом. Кроме слова «модели» мы можем употреблять термин Макса Вебера «идеальный тип» или – с некоторой натяжкой – слово «парадигма». Итак, наша цель здесь не историческая, она состоит в том, чтобы обосновать и проиллюстрировать теоретические построения и в конечном итоге понять, что происходит в обществе сейчас.

Институт – слово, заимствованное из юриспруденции, которое означает «установление». Вот что говорит Википедия:

Институт – это социальная структура или порядок общественного устройства, определяющий поведение некоторого множества индивидов, того или иного сообщества.

Конечно, это слово знакомо всем, но, тем не менее, существует очень большой разницей в его употреблении. Здесь, в этой части книги, мы не будем добиваться большой ясности по этому поводу и понадеемся, что смысл будет достаточно ясен из контекста.

Заметим также, что возможны несколько линий рассуждения об институтах. Одна из них историческая, когда институты рассматриваются в общем контексте жизни в какой-то момент. В этом случае объект исследования – это модели поведения, которые испытывают всевозможные влияния – географического, экономического или какого-то другого характера, и сами, в свою очередь, влияют на экономическую ситуацию, политику и т.д. Так, например, Новая экономическая политика (НЭП) в 1920-е годы была результатом определенных событий, и в то же время она была институтом. Обсуждая институты в этом ключе, мы будем говорить на бы-

⁵⁷ Эта часть базируется на стенограммах лекций, прочитанных в 2012 г. в Санкт-Петербургском государственном университете экономики и финансов, и отчасти сохраняет первоначальную стилистику.

товом языке, т.е. в тех терминах, которые люди реально употребляли в соответствующие времена. Другой способ обсуждения можно назвать чисто логическим, и он полностью концентрируется на вопросе о том, каково внутреннее устройство институтов. В этом случае мы вынуждены отвлекаться от конкретных обстоятельств времени и в какой-то степени подстраивать факты под логику. Наконец, возможна и третья задача, состоящая в том, чтобы попытаться интегрировать то множество интересных вещей в разных науках – лингвистике, философии науки, психологии – которые помогают думать на тему институтов. Этому посвящена первая часть книги. Таким образом, есть три ракурса, которые мы здесь попробуем соединить, чтобы посмотреть на тему институтов с разных сторон.

Как уже сказано в предисловии, книга – и особенно эта ее часть – сделана в виде коллажа. Здесь пересказаны и даны в виде небольших выдержек около двух дюжин работ, которые в совокупности, на мой взгляд, создают очень выпуклую картину институционального развития Западной Европы и России. Большинство этих работ весьма известны, некоторые знамениты, и все без исключения очень интересны. При этом цитируемые авторы – это не историки, которые работают с первоисточниками и с первичной информацией. Мы будем иметь дело, как говорят экономисты, с продуктом второго или третьего «передела», т.е. с уже обобщенной информацией, с картинами, написанными «крупными мазками». Разумеется, по ходу изложения будут напрашиваться некоторые комментарии, однако все же нужно иметь в виду, что по большому счету обсуждением материала этой части книги являются ее другие части.

Глава 4. Основные этапы институционального развития Западной Европы

На протяжении всей истории в России всегда присутствовало ощущение близости к Западной Европе, также как всегда имелось некоторое представление о том, как она устроена. Начиная с призвания варягов, всегда имели место заимствования, в том числе институциональные. Не только христианство и марксизм, но и многие другие идеологические и научные системы проникали в Россию и становились руководством к действию. Разумеется, люди делились на тех, кто такие заимствования поддерживал или осуществлял, и на их противников, тем не менее, сам факт имел место. К XIX и XX веку сопоставление своей жизни с образом жизни в Европе стало важнейшей темой для весьма широкого круга людей – как вообще всех образованных людей, так и в частности для разночинной интеллигенции. Однако воспринимать идеи с Запада люди могли только сквозь фильтр своей культуры, только так, как они были способны и как хотели их интерпретировать. Никогда не был лишним вопрос – а что такое Запад на самом деле? Даже для человека, который живет в России сейчас и имеет возможность ездить за границу, встречаться там с людьми, своими глазами видеть различия – все равно для него понимать другую жизнь очень непросто. Самые глубокие, базовые основания культуры и поведения расположены в подсознании людей. Мы без слов предполагаем одно, в то время, как люди другой культуры неосознанно предполагают что-то совершенно другое, и обсуждать эти различия в коллективном бессознательном чрезвычайно трудно.

В 1983 году в конце своей замечательной книги *Law and Revolution*⁵⁸, в приложении, озаглавленном «За пределами Маркса, за пределами Вебера», ее автор Гарольд Берман писал:

Отдельные части материала, изложенного в этой книге, хорошо известны специалистам в различных областях истории и права. Однако повествование как целое крайне необычно и во многих отношениях противоречит традиционным, устоявшимся представлениям. Оно противоречит обычной периодизации истории Запада. Оно рассматривает историю западной цивилизации как целое, а не как историю отдельных наций. Оно усматривает современные черты в том, что в общем считается досовременной эпохой.

Не думаю, что за прошедшие 30 лет дело сильно изменилось, поэтому всё сказанное в еще большей мере можно отнести и к этой книге.

⁵⁸ В русском переводе – Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с. Эта книга подробно обсуждается далее в настоящей главе.

Здесь сделана попытка еще больше расширить круг ассоциаций и проследить еще более отдаленные взаимосвязи. В обсуждениях присутствует не только исторический, а и богословский аспект. Более того, цель этих обсуждений – подготовить почву для анализа в терминах когнитивной науки, которому посвящены другие части книги. В довершение всего следует признать, что автор, в отличие от знаменитого своей эрудицией Гарольда Бермана, не является специалистом ни в одной из этих областей.

Почему Запад стал богатым?

Nathan Rosenberg, L.E. Birdzell Jr. How The West Grew Rich: The Economic Transformation Of The Industrial World⁵⁹.

Натан Розенберг родился в 1927 году, он специалист по истории техники. Книга, написанная в соавторстве с Л.Бердзеллом, вышла в 1986 году⁶⁰.

Книга Розенберга и Бердзелла интересна не столько потому, что помогает понять структурную логику западного институционального устройства. Ее достоинство скорее в том, что на достаточно простом и привычном языке она говорит об уникальности этого устройства и его особом историческом значении. В некотором роде это будет здесь «эпиграфом» для дальнейшего.

Авторы начинают с того, что обращают внимание на следующий факт: на протяжении почти всей истории и во всех странах, практически без исключений, все общества существовали на уровне прожиточного минимума. Так продолжалось до конца средних веков, до начала Нового времени, т.е. ориентировочно до XV-XVI века, но потом Запад вырвался вперед. В чем же была причина?

⁵⁹ Rosenberg, Nathan, Birdzell, L.E. Jr. How The West Grew Rich: The Economic Transformation Of The Industrial World. – Basic Books, 1986. – 353 p.

⁶⁰ В этой части книги я буду по большей части рассказывать о работах людей, которые старше меня на одно поколение. В отдельных случаях это 2-3 поколения, но в основном это люди поколения моих родителей. Соответственно, от поколения нынешних студентов эти авторы отстоят на 3 поколения и больше. И можно только сожалеть, что их результаты все еще не входят в стандартные университетские курсы – потому что так, безусловно, должно было бы быть.

Этот вопрос не новый, он был задан давно, и по этому поводу многими людьми были высказаны различные идеи, которые можно систематизировать так:

Как объясняли процветание Запада:

- Научные достижения и изобретения
- Природные ресурсы
- Психологические объяснения
- Случайное стечение обстоятельств
- Неравенство в доходах и распределении богатства
- Эксплуатация
- Колониализм и империализм
- Рабовладение

Может быть, такой прогресс Западной Европы был связан с научными достижениями? Может быть, с доступностью природных ресурсов? Могут быть какие-то психологические причины. Или Западу просто повезло. Может быть, он оказался более терпим к неравенству доходов, и это помогло ему обогатиться. Или же европейские страны выкачивали ресурсы из колоний или эксплуатировали кого-то еще, вплоть до рабовладения?

Однако имеются контраргументы, почему ни один из этих ответов не может быть полным объяснением. Действительно, каждое из этих объяснений более или менее верно, и соответствующие факты имели место, но ни одно не является полностью убедительным. Возьмем, например, вопрос о научных достижениях. Но ведь известно, что в средневековом и даже древнем Китае было сделано много открытий, почему же тогда средневековый Китай не стал богатым? Если говорить, что Европа выиграла за счет природных ресурсов, то как объяснить историю Швейцарии или той же Голландии, которая искусственно построена, в которой чуть ли не вся земля отвоевана людьми у моря? Психологические факторы – погоня за прибылью, стремление обогатиться – действовали во многих странах, но там нет капитализма. Везение – об этом можно было бы говорить, если бы Европе повезло один раз. Но на самом деле в течение Нового времени там произошли фактически четыре научно-технические и экономические революции: возникновение капитализма в XVI веке, промышленная революции XVIII, еще одна революция XIX века, связанная с изобретением двигателя внутреннего сгорания, с электрификацией

и т.д., и в наше время – революция информационная. Что касается допустимости неравенства, то, видимо, это реальный фактор, который играет свою роль. Вероятно, это необходимое условие для развития, но вряд ли оно также и достаточное. Эксплуатацией тоже нельзя объяснить всё, потому что наличие возможностей для применения капитала и вообще активное умение находить эти возможности не связано с эксплуатацией: если у тебя есть деньги, но ты не знаешь, куда их приложить, то ничего не получится. К примеру, русское дворянство продемонстрировало в XIX и начале XX века, что одного наличия ресурсов недостаточно. Также нужно учесть, что реальные средние зарплаты растут на Западе уже в течение 200 лет, поэтому об эксплуатации надо говорить тоже с оговорками. Колониализм: эмпирика прямо не подтверждает, что колониализм и империализм объясняют развитие западных стран. И если мы вспомним, что колониями были Соединенные Штаты, Канада, Австралия и другие, ныне вполне развитые страны, то нельзя утверждать, что их использовали для обогащения Европы. Что же касается работорговли, то оказывается, как ни странно, что, во-первых, прибыль от работорговли была не очень большой, а во-вторых, рабский труд использовался в очень ограниченном числе отраслей.

Итак – в чем же дело? И главный тезис книги Розенберга и Бердзелла состоит в том, что Запад стал богатым потому, что его институциональная система поощряет инновации. Она, во-первых, терпима к инновациям. Она позволяет менять способы жизни, способы работы, она не «наказывает» за это. А, во-вторых, она инновации даже стимулирует. В результате постоянно возникают инновации – сначала в торговле, потом в технологии, потом в организации – в сочетании с накоплением все больших объемов капитала.

Не менее важно и то, что на Западе постепенно произошло разделение экономики и политики, и предприятия получили возможность и право принимать решения, которые в других местах – в том числе, например, у нас в стране сейчас – не относятся исключительно к сфере деятельности предприятий. На Западе произошло размежевание политики и экономики и стало возможно создавать предприятия без вмешательства властей. Предприятия смогли торговать без ограничений – и при этом разоряться или обогащаться. Предприятие могло само выбирать сферу деятельности. Ставки налогов были заранее известны. Ресурсы нельзя было экспроприировать. Иначе сказать, предприятия получили право принимать основные решения для проведения экспериментов и для внедрения инноваций. В результате возникла автономная сфера экономической деятельности и класс предпринимателей. Возникли новые виды деятельности, открылись новые ресурсы, были найдены новые способы производства, уменьшения произ-

водственных издержек, новые товары и т.д. Новые методы и институты, свободный рынок капитала позволили децентрализовать решения о капиталовложениях.

Добавлю от себя: в России мы постоянно слышим разговоры о том, что в нашей стране много ресурсов. Но ведь на самом деле ресурсы – это то, *что может быть использовано, как ресурсы*. Это каждый раз в истории – вещь, возможность применения которой изобретается людьми, заметившими, что то, что не было ресурсом, можно использовать. Для этого нужны инновации, нужен всегда новый подход.

Вот основные этапы развития Запада по Розенбергу и Бердзеллу:

Основные этапы развития Западной Европы:

- X-XV вв. – экономика и политика не разделены (манор, гильдии, города), но существует политический плюрализм и « в трещинах политической системы» зарождаются образцы новаторского поведения (крестовые походы, освоение новых территорий, путешествия купцов).
- XVI-XVIII вв. – возникают основные институты капитализма (коммерческое право и коммерческие суды, банки и вексельный оборот, страхование, налогообложение вместо конфискации, предприятия, двойная бухгалтерия, новая капиталистическая этика).
- XVIII-XIX вв. – промышленная революция, инновации и технический прогресс стали основой экономики: рынки стали свободными; промышленность, торговля, политика, наука, искусство и т.д. превратились в отдельные занятия; образовался резерв рабочей силы; формы экономической организации стали гибкими; производство и предпринимательство разделились.
- Конец XIX-первая треть XX в. – изобретение акционерного общества и развитие рынков капитала; вторая промышленная революция; прямое использование научных достижений.

Я не буду здесь с этим ни полностью соглашаться, ни спорить, дальше мы будем на эту тему говорить подробнее. Тем не менее, мы знаем, что феодальная система была плюралистичной. Феодалы и другие средневековые образования (как монастыри или города) жили достаточно независимо друг от друга, всегда существовала возможность маневра между ними, были эти трещины системы, появлялись – можно сказать, заводились – купцы. И новые образцы деятельности, инновации были не только торгового, экономического характера, но они были и политические – как, скажем, крестовые походы или освоение новых территорий (чем занимались монахи цистерцианского ордена).

Дальше с XVI и до XVIII века возникают основные институты капитализма – коммерческое право, коммерческие суды, банки, векселя, страхование и так далее. Возникает новая капиталистическая этика. Здесь, собственно говоря, подразумевается широко известный взгляд Макса Вебера о происхождении капитализма, о котором дальше мы тоже будем говорить.

Затем произошла промышленная революция в XVIII-XIX веках, и инновации стали основой развития, рынки стали свободными, возникли отдельные профессии промышленника, торговца, предпринимателя, банкира, самостоятельные профессии в науке и в искусстве.

Совсем другой пример добавлю от себя: вот что произошло в этот период с искусством. В XVIII веке не было ни музеев, ни критиков, ни соответствующих журналов. Профессия художника существовала, но это был человек, которого нанимали, чтобы он выполнил работу непосредственно для заказчика. Вся социальная жизнь, которая происходит сегодня вокруг художника и потребителя его искусства, тогда отсутствовала. Если сравнить это с немного более поздним временем, скажем, временем импрессионистов, то мы увидим, что их профессиональная жизнь проходила в среде критиков, там были искусствоведы, выставки, музеи, галереи, меценаты. Аналогичные изменения произошли в XVIII, XIX веке во всех сферах жизни.

В конце XIX – первой трети XX были изобретены акционерные общества. Деловая среда – и жизнь вообще – еще раз изменилась. Произошла децентрализация ответственности за принятие решений, за вложение капитала.

Разумеется, мы все знаем эту фактуру, но стоит серьезно отнестись к ее интерпретации. История богатства Запада показывает, что политическая сфера в долгосрочной перспективе выигрывает от того, что она не вмешивается в сферу экономическую. Хотя каждый раз тем, кто имеет власть, хочется вмешаться в экономику, но в долгосрочной перспективе они от этого не выигрывают:

Мы много раз ссылались на тот очевидный факт, что экономический рост – это одна из форм изменений, поэтому путь Запада к богатству включал в себя и требовал, чтобы общество было готово терпеть и принимать социальные и политические изменения, гораздо более масштабные, чем любые прежние революции

Действительно, те изменения, которые произошли особенно за последние 200 лет, были очень болезненными и серьезными. И общество, если оно хочет иметь такой результат, должно быть готово это терпеть.

Западное христианство

Общественная жизнь строится на основе некоторых самых общих представлений, которые либо прямо задаются религией, либо чаще всего унаследованы от мировоззренческой системы какого-либо вероучения. На Западе всё это отличается от того, что мы имеем у нас в России. Это отличие имеет очень давнее происхождение, и в первую очередь оно проявляется в различиях между западным и православным христианством. В данном случае я пытаюсь говорить в богословских терминах, но на самом деле речь идет об общем взгляде на мир.

Что такое христианство?⁶¹ Конечно, почти нелепо пытаться дать на это ответ в нескольких словах. Все же необходимо это сделать, «невзирая на то, что эти страницы нашего исследования будут для не склонного к богословию читателя столь же затруднительными, сколь поверхностными и легковесными они покажутся образованному теологу»⁶².

Можно сказать, что христианство утверждает, что есть единый Бог и он троичен, это Троица. Он создал мир и им распоряжается. Человек создан по образу и подобию Бога. Христос умер за людей. Переведем это на простой язык: иначе говоря, утверждается, что мир един и развивается закономерно. Мир соразмерен человеку. Трудно пояснить конкретно, что это означает – это не значит, например, что мы, люди, понимаем мир. Но, тем не менее, мир не другой, человек и мир не чужие друг другу. И каждый человек является бессмертной личностью.

Такова самая общая доктрина христианства. Для сравнения вспомним, что представляли собой греческие боги: когда читаешь Илиаду, то возникает ощущение, что боги – это хулиганы, которые выбегают из подворотни и нападают на каких-нибудь врагов-троянцев. Боги болеют то за греков, то за троянцев, помогают им, из-за угла прицеливаются из рогатки кому-нибудь в пятку. Это совершенно другая картина.

Эти самые общие тезисы христианства потом всё время уточнялись, трактовались по-разному, и на этом люди расходились, причем расходились очень жестко и жестоко. Каждая ветка здесь – а их даже гораздо больше – это гражданские войны, кровь, это серьезная борьба:

⁶¹ В качестве основных источников по этому разделу можно назвать книги: Лосский В.Н. Догматическое богословие. – Богословские труды. – 1972. – № 8. – С. 131-183; Шмеман А.Д. Исторический путь православия. 1-е изд. – Нью-Йорк, 1954.; Мейендорф И.Ф. Введение в святоотеческое богословие. 1-е изд. – Нью-Йорк, 1985. Интерпретация – на совести автора этой книги.

⁶² Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 805 с.

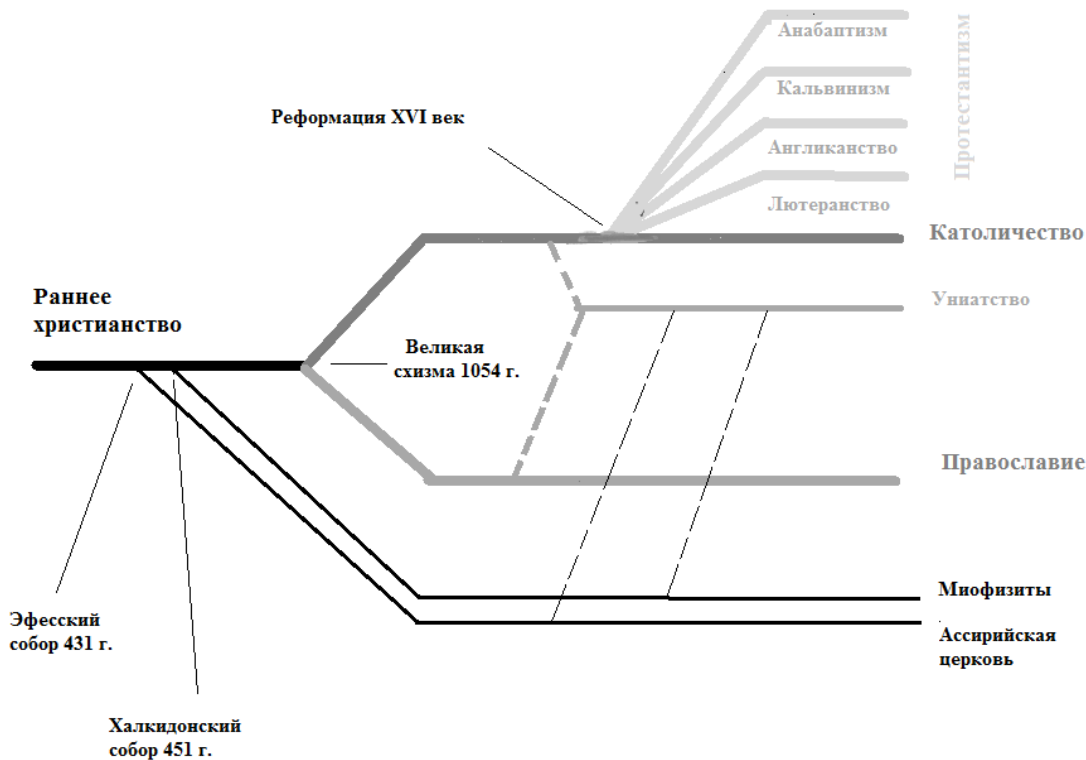

Рис. 13. Основные конфессии и учения в христианстве⁶³

Вот IV век и V век, разработка учения о Троице – в результате отделились восточные церкви, а как косвенный результат – возник ислам. Потом XI век – «великая схизма» – разделение восточной православной и западной католической церквей. На самом деле XI век – это был момент, когда церкви проклинали друг друга, разделяться же они стали намного раньше – если иметь в виду интеллектуальное мировоззренческое разделение, а не организационную сторону. XVI век – «реформация» – еще одно большое разделение, возникновение протестантизма.

Здесь мы будем говорить про точку 1054 года, разделение православия и католицизма, их мировоззренческие отличия. Христианство впитало наследие древних греков, которые представляли, что за видимыми вещами, которые они считали «второго сорта», есть невидимые идеи. Как, например, за видимым столом есть идея прямоугольника. Это обычно называется *платоновским миром* или миром идей. Во-вторых, христианство, которое поначалу было еврейской, иудейской сектой, тем не менее отличается от иудаизма, где Бог невидим и непредставим, где он присутствует повсюду, но его нельзя изображать, это нечто недоступное. Христианство же считает, что Бог превратился в человека, стал человеком для того, чтобы соединиться с нами.

⁶³File:ChristianityBranches-strip.svg // <http://en.wikipedia.org/wiki/File:ChristianityBranches-strip.svg>

В первые лет 300 существования христианства вырабатывалось учение о Троице. Более или менее точно это можно интерпретировать как вопрос об отношении идеального и реального. Что главнее в Христе – Бог или человек, или же они присутствуют по отдельности и т.д. Каждый раз такой спор приводил к отделению какой-то церкви, как видно на этом рисунке. В конце концов решили – будущие католики, православные и протестанты, которые тогда еще не разделялись, а были единой церковью – что Христос это не полубог и не полугерой, а что он на 100% Бог и на 100% человек. Иными словами, такая христианская точка зрения на мир состоит в том, что мир не злой, и он не отделен от человека⁶⁴.

В чем же разница между западным христианством и нашим православным? Она до сих пор очень сильно определяет наше поведение и наше мышление по трем пунктам: 1) каким образом Бог присутствует в мире, то есть, в сущности, что собой представляет мир; 2) что собой представляет человек, как мы это понимаем, как мы относимся к людям вообще; 3) в чем состоит роль церкви – и, более широко, каков характер общественного устройства.

Западная церковь считает, что Бога можно познавать по его проявлениям. То есть, изучая материальный или духовный, психический мир, мы тем самым познаем Бога. Мир может быть понят *эмпирически*.

Во-вторых, западная церковь считает, что человек изначально *греховен*. Поскольку Адам повел себя неправильно в раю, то этот первозданный, первородный грех постоянно присутствует в каждом человеке. При этом грех обладает свойствами, делающими его похожим на материальный объект. Его можно иметь больше или меньше, можно отдать или компенсировать. Человек должен и может расплачиваться за свои грехи. Вопрос рассматривается в терминах обмена: человек что-то делает и в результате становится более грешным или менее грешным. Конечно, здесь я сильно утрирую, огрубляю и упрощаю, но, тем не менее, дело выглядит как некое перемещение материального объекта.

В противоположность греху существует благодать. Она послана Святым Духом апостолам. Христос воскрес, вознесся, после этого апостолы собрались, и на них снизошла благодать, которую они стали передавать следующим поколениям. Собственно говоря, епископы – это те, кому передана благодать – и по католической, и по православной традиции. Для католиков она передается некоторым магическим образом – путем возложения рук. То есть, опять-таки, благодать передается как материальный

⁶⁴ Замечу, что идею Троицы нелегко себе представить, она кажется противоречивой и поэтому обычно считается, что в нее нужно просто верить. Между тем возможна очень простая иллюстрация: три лица Троицы можно сравнить с гранями куба. Куб – это одно целое, и грани не существуют отдельно от него. Соответственно, Троица – это не три бога, а один.

объект. И благодать можно использовать для компенсации грехов, это как бы «грех с противоположным знаком». Мы знаем про индульгенции, и их суть была именно в том, что благодать собиралась в копилку, а потом ее можно было раздавать или продавать.

Точка зрения православной церкви совершенно не такая. Во-первых, определение Бога в православии называется *апофатическим*. Можно сказать, чем он *не* является, но нельзя сказать, чем является. Соответственно, все определения звучат, как отрицания: «Бог это не...». Он – это то, что останется, Он непознаваем. А в то же время человек подобен и постоянно «подключен» к Богу, человек находится с Богом в личном контакте, каждый из нас. Ему не нужны посредники. Возможно, человеку нужна помощь, но это не отменяет того, что он непосредственно причастен Богу. И спасение – это не результат того, что ему что-то дали или отняли, что он больше или меньше греховен, а это результат того, что делает он сам. У него свободная воля, он все решает и делает сам. Но в то же время этого недостаточно. Одновременно творит Бог. В другой части этой книги говорится о понятии синергии, совместного действия Бога и человека. Первоначально оно возникло в православии.

В православии церковь есть сообщество христиан, это вообще все христиане. Они принципиально не подразделяются на хороших и плохих, грешников и праведников, на священников и мирян. В католицизме же церковь – это корпорация священников, их гильдия. Как пример: сейчас происходит много острых дебатов по поводу различных событий, связанных с Русской православной церковью – дело Pussy Riot и многое другое. В этой связи ссылаются на то, что патриарх что-то сказал или сделал. На что другие верующие отвечают, что патриарх – это просто церковный чиновник. Там, у католиков, не так. В католической церкви папа римский непогрешим, и этот догмат есть завершение того принципа, что католическая церковь имеет монополию на истину. У православных же церковь обладает благодатью именно как сообщество всех христиан. Нет никакой индивидуальной магии, этого дробления чего угодно на элементарные частицы и их передачи как материальных объектов.

Сказанное ни в коем случае не следует понимать так, что в нашей культуре защита какая-то неспособность следовать юридическим или другим формальным процедурам. Однако в нашей культуре очень глубоко заложено некоторое мировоззрение, отличное от западного. Мы ощущаем, образно говоря, что обладаем бессмертной душой, и каждый из нас сопричастен всему на свете. Это ощущение для нас на самом деле очень дорого. И часто, когда надо этим пожертвовать и повести себя механически, мы этого делать не хотим. Например, мы не хотим «каждый день зарабатывать свой шиллинг»⁶⁵. Поскольку же мы этого не хотим делать хотя и

⁶⁵ См. слова Франклина в разделе о Максе Вебере.

по мелочи, но каждый день – то юридические и прочие формальные системы у нас всегда расшатываются.

Суммируя, приведу удивительно точные слова С.С.Аверинцева⁶⁶:

Вежливость, которая уже не есть архаическое вежество, которая имеет специфический смысл, от эпохи к эпохе проясняемый западной культурой, – это отмеренная дистанция между индивидами в пространстве внеличного закона. То есть, разумеется, для верующего западного христианина источник закона – личный Бог, но сам по себе закон внеличен, нейтрален по отношению к индивидам, которых он объемлет как нейтральное по отношению к телам ньютоновское пространство. Здесь позволительна аналогия пространственным построениям прямой линейной перспективы. Индивиды – «падшие», грешные, и потому их надо защитить друг от друга; вокруг каждого должна быть зона дистанции, создаваемая вежливостью, а их отношения регулируются договором. Когда читаешь католические книги по моральной теологии, поражаешься, как подробно там оговариваются границы права ближнего на свои личные секреты, не подлежащие разглашению под страхом греха, и тому подобные загородочки вокруг территорий индивидуального бытия, – и насколько часто там употребляется одно важнейшее, привычное для нас отнюдь не в сакральных контекстах слово: «договор», по-латыни – «контракт».

Ведь даже идея «общественного договора» как источника полномочий власти, сыгравшая памятную всем роль у Руссо и в идеологии Великой французской революции, восходит, как известно, к трактатам отцов-иезуитов XVI—XVII веков – оппонентов учения о божественном праве королей. Далеко не случайно Достоевский ненавидел самый дух морали контракта, в котором угадывал суть западного мироощущения, считал его безнадежно несовместимым с христианской братской любовью и даже поминал в связи с ним весы в руке третьего апокалипсического всадника – образ скаредной меры, отмеривающей ровно столько и не больше. (Уже за пределами православия можно вспомнить типично русские издевки Цветаевой над Западом–Гаммельном: «мера и сантиметр...», «только не передать...»). Но католическая теология со времен схоластов зрелого Средневековья неуклонно учила, что «закон справедливости», он же «естественный закон», описанный еще Аристотелем и стоиками, – это необходимый по условиям грешного мира нижний этаж для верхнего этажа «закона любви»: как без договора, без контракта, имеющего санкцию в Боге, защитить падшего индивида от чужой и собственной греховности? Таково то многократно упоминавшееся в русской полемической литературе свойство католицизма, которое принято называть его юридическим духом. Юридический дух и здесь, как везде, требует, чтобы ради ограждения одного личного бытия от другого субъекты воли (какими для него прежде всего иного являются

⁶⁶ Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. – 1988. – № 7, 9.

личности) были, подобно физическим телам, разведены в «ньютоновском» моральном пространстве, где их отношения регулируются двуединой нормой учтивости и контракта, не допускающей ни эксцессов суровости, ни эксцессов ласковости. Конечно, это – только один уровень, уровень поверхности. И у западной духовности – иначе она вовсе не была бы духовностью – имеется другой уровень, более глубокий и более существенный: тот уровень, на котором субъект воли отрекается от своей воли, на котором держатель прав добровольно жертвует ими, на котором отношения между учителем аскезы и его учеником настолько серьезны, что наличие или отсутствие вежливости со стороны учителя перестает иметь какое-либо значение. Если брать этот уровень изолированно, абстрагируясь от всего иного, западная и восточная духовность будут представлять больше всего черт сходства. Но на Западе глубинный уровень выступает со времен Фомы Аквината и тем более со времен Франциска Сальского в систематически проводимом и теоретически узакониваемом опосредовании поверхностным уровнем учтивости и контракта. На Востоке опосредования несравнимо меньше, и когда оно имеется, оно не систематично и не узаконено. Теория его не признает и не делает ему уступок; на практике же здесь усматривается проявление немощи человеческой.

Папская революция XI – XII веков

Берман Гарольд. Западная традиция права: эпоха формирования⁶⁷.

Берман Гарольд (1918 – 2007) в течение многих лет был профессором Гарвардского университета, специалистом по сравнительному правоведению и праву СССР. Он считался широким эрудитом почти ренессансного типа, работавшим во многих отраслях науки.

Принято считать, что капитализм возник в XV-XVII веках. Но спрашивается – а что было до и после этого? Действительно ли, как сказал Макс Вебер, главным моментом была реформация и возникновение протестантизма, или же тут были еще другие причины? Безусловно, они были, и, более того, именно о них нужно больше говорить. Во-первых, потому, что книга Вебера и излагаемая в ней точка зрения хорошо известна, гораздо лучше, чем какие-либо дополняющие или противоречащие ей работы. Во-вторых, как мне кажется, наши российские проблемы связаны с

⁶⁷ Berman, Harold J. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition. – Harvard University Press, 1983.

более глубокими особенностями и с теми мировоззренческими и институциональными различиями между нами и Западом, которые появились раньше. В предыдущем разделе мы говорили о различиях в понимании христианства, т.е. в конечном счете, о картинах мира. Здесь речь пойдет о праве.

Книга Бермана – о том, как возникло западное право. При этом следует сделать две оговорки. С одной стороны, рассматриваемые в ней вопросы выходят далеко за границы собственно юридической области, если понимать ее в буквальном смысле. С другой стороны, нужно еще раз повторить, что для Запада право – это совсем не то, что этим словом обозначают у нас, право – это основа Запада, основа западных институтов. Поэтому книга Бермана, по сути дела – о том, как возник современный Запад.

Основной тезис Бермана следующий: в XI-XII веках (ориентиром может быть, скажем, 1077 год, унижение императора Генриха IV в Каноссе) произошла Папская революция – фундаментальное изменение, обозначившее появление нынешней западной цивилизации. Это изменение проявлялось по-разному. В первую очередь возникла единая католическая церковь, но также возникли и другие новые институты – феодальные отношения, города, университеты. Вообще всё то, как мы себе представляем Средние века, возникло после XI-XII веков. Рыцари в латах, крестовые походы, гильдии, купцы – это всё появилось после этого времени и, в сущности, в результате событий Папской революции. А ту жизнь, которая была раньше этого времени, мы себе вообще почти никак не представляем. Это могло бы быть предметом отдельного интересного разговора, но, конечно, это было совсем другое общественное устройство.

Произошедшие в этот период перемены не сводились даже только к институциональным изменениям, они сопровождались еще более фундаментальными явлениями – демографическими, политическими, резким ростом производительности труда, доходов, расцветом культуры. Это всё изменило саму жизнь, и скажу от себя – хотя это, по сути, переформулирование того, что пишет Берман – всё это означало изобретение нового способа общественной организации, и было результатами этого изобретения. После этого люди стали строить свою жизнь на других основах.

Вот фактические данные о том, что произошло. За 100 лет население Европы выросло в 1,5 или 2 раза. Поразительно: в начале этого периода было всего два города с населением 10 тысяч человек – Лондон и Венеция. Еще примерно 20 имели размер большой деревни – 2 тысячи жителей. То есть к XI веку Западная Европа была редко населенной сельской местностью. Короли или их представители переезжали из деревни в де-

ревню, собирали дань и там же на месте всё это потребляли. А уже к концу этого периода таких десятитысячных городов были сотни, были десятки более крупных, и были совсем крупные города. Уже в XI веке произошли крестовые походы, колонизация севера, немцы основали ордена и захватили Прибалтику. Возникли университеты, наука, литература, архитектура. Ускорился технологический прогресс.

Предыстория и предпосылки реформ

- Особенности общественной организации германцев
- Распространение христианского мировоззрения
- Латинская традиция и особенности мировоззрения западной церкви
- Ключническое движение
- Переход от племенной организации к королевской власти
- Личность: Гильдебранд – папа Григорий VII

Предыстория революции XI – XII веков складывалась из двух традиций – германской и римско-христианской. В середине первого тысячелетия Европу заселили пришедшие германские племена – франки, алеманы, готы, бургунды, лангобарды, англосаксы, вандалы, и др. Это были люди, жившие общинами, и достаточно привыкшие к самоуправлению. Каково было мировоззрение древних германцев, как они представляли себе мир? Прежде всего, они считали, что отношения между людьми должны соответствовать принятым нормам, традиционным установлениям. Но как при этом они понимали логику отношений, в каких терминах эти отношения строились? Они считали, что если кто-то убил кого-то, то убивший как бы приобрел «честь». Произошло «перемещение» чести и судьбы: у убитого улучшилась судьба и увеличилась честь, а род или семья убитого, соответственно, честь потеряли. Поэтому санкцией за убийство было не наказание, а расплата, вира – так же, как говорила об этом Русская правда, которую принесли на Русь варяги. Вира была компенсацией за то, что захватили. Она означала встречное перемещение чести, денег или чего-то еще. Чтобы получить эту компенсацию, надо было или договориться, или идти судиться на народное собрание. В тех же случаях, когда было непонятно – кто прав, а кто виноват – устраивался Божий суд. С этим мировоззрением германцев хорошо сочеталась латинская традиция и особенности мировоззрения Западной церкви, о которой говорилось в предыдущем разделе.

Второй предпосылкой Папской революции было распространение христианства. Христианство – это вера не в какие-то враждебные силы, а в

единого Бога, который, во-первых, создал мир и, следовательно, обеспечил единство мира. Во-вторых, он послал своего сына, чтобы спасти человека; для христианства в принципе характерно доброжелательное отношение мира к человеку. Кроме того, для христианства все люди одинаковы в принципе, и они должны друг к другу хорошо относиться. Христианству свойствен идеал мира. Это не было только благим пожеланием: в XI-XII веке и даже немного раньше в Европе возникло движение за мир, стали устанавливать «мирные» дни, когда нельзя было воевать. Каждую неделю на несколько дней военные действия прекращались, и за выполнением этого правила следила церковь. Кроме того, священники и монахи умели читать и способствовали распространению грамотности. Поскольку новые языки были еще не развиты, священники и монахи всех стран общались на латыни. Например (хотя это было гораздо позже), Эразм Роттердамский из нынешней Голландии поехал в Кембридж и спокойно там жил, поскольку все вокруг говорили на той же латыни. Все остальные люди, не священники, говорили, конечно, кто по-франкски, кто по-бургундски, но письменность поначалу была только латинская.

Мы уже говорили о мировоззренческих особенностях западного христианства. Начиная с самого начала, с III – IV века, когда еще не было вообще никакой речи о разделении церквей на католиков и православных, все-таки существовала тенденция – римская традиция – мыслить в терминах греха, суда и искупления. То же, что говорилось об отношении германцев к судьбе и чести, здесь применялось к понятию греха: если человек согрешил, значит на нем, *как какая-то вещь*, есть грех. А тот факт, согрешил ли он или нет, устанавливается процедурой, похожей на судебную. После чего человек должен был *искупить* грех, он что-то должен был сделать, чтобы грех *снять*. Это очень глубокая мировоззренческая установка.

Говоря теперь об организационных особенностях западного христианства, нужно помнить, что примерно до того периода, о котором идет речь, западное христианство и восточное православие отличались в этом смысле очень незначительно. На Западе были почти такие же священники, как в Византии, которые, может быть, были еще больше привязаны к местной жизни. Священники не сильно отличались от мирян, они могли жениться, иметь детей и владеть собственностью, вступать в какие-то сделки. Как известно, в России до XVIII века и даже кое-где позже священника выбирали в деревне из своих: «ты будешь попом». В Европе тоже священника или епископа выбирали или его назначал местный граф или барон.

Важно помнить, что до определенного времени установкой христианства было отрицание всякой ценности попыток изменить законы этого мира. Примерно до X века люди жили по традиции. Но затем церковь –

речь идет про католическую церковь – вознамерилась переделать саму себя и окружающий мир посредством права. В X веке возникло Ключийское движение – по названию монастыря в Ключи, который находился на территории нынешней Франции, но подчинялся не местному феодалу, а папе римскому.

Монастырь в Ключи был основан в 909 году. Для него было сделано исключение – он напрямую подчинялся папе. Другим монастырям разрешили к нему присоединяться и входить в систему ключийских монастырей. В конце концов образовалась сеть примерно из 2 тысяч монастырей по всей Европе, которые подчинялись ключийскому аббату, назначенному римским папой. Это была отдельная жизнь, отдельная организационная структура – организационный зародыш Папской революции. Вот что говорит Википедия:

Вторым настоятелем монастыря был святой Одон Ключийский, который стал одним из главных действующих лиц Ключийской реформы. В 931 году папа Иоанн XI даровал аббату Одону привилегию принимать под свою юрисдикцию монастыри, проводившие у себя Ключийскую реформу, суть которой заключалась в возрождении строгой духовной и аскетической жизни в период упадка монашества. Данная привилегия способствовала быстрому росту конгрегации с центром в Ключи, несмотря на мощное противодействие французского епископата, не желавшего терять контроль над французскими монастырями. При аббате Одилоне (994—1049) к Ключи относилась уже большая часть французских и бургундских монастырей. При настоятелях Гуго Ключийском (1049—1109) и Петре Достопочтенном (1122—1157) само аббатство достигло расцвета, а конгрегация перешагнула границы современной Франции, ключийские монастыри появились в Италии, Испании, Англии, Германии и Польше, а общее число их приближалось к 2000.

Наконец, предпосылкой – или обстоятельством – реформ была возникающая королевская власть. Кроме германских племенных вождей появились также короли, которые были озабочены тем, чтобы объединять свои владения. Возникли королевства. Кроме того, это был период экспансии норманнов, которые оказались очень способными к государственному строительству. Кроме Руси, норманны основали герцогство Нормандия во Франции. Вильгельм Завоеватель, который тоже в XI веке основал современную Англию, был внуком или правнуком первого завоевателя французской Нормандии. Одним из самых интересных государств в тот момент было норманнское королевство Сицилия. Эти формирующиеся новые королевства с интересом смотрели на папские институциональные реформы.

Борьба за инвеституру

- Борьба пап за право назначать епископов, за независимость епископов и монастырей от светской власти
- Борьба с симонией и введение celibата
- Избрание папы собранием кардиналов (конклавом)
- Григорий VII – «святой дьявол»
- Вормсский конкордат 1122 г.

Результат: возникновение католической церкви как отдельной корпорации.

Распространяя Ключийскую систему, церковь сделалась юридическим лицом, корпоративной общностью, не зависящей ни от имперских, ни от королевских, ни от городских или феодальных властей. Были сформулированы автономные своды права, сначала в рамках церковной сферы, а потом и для различных областей светской жизни. Отчасти чтобы разграничить и определить сферу компетенции каждой власти, отчасти чтобы провести реформу каждой власти, отчасти чтобы уравновесить их все. Это оказалось возможно потому, что еще раньше был заложен фундамент, потому, что уже распространилось христианство. И церковь уже могла обращаться к людям, основываясь на тех христианских представлениях, которые к этому времени уже укоренились.

Важным фактором реформ была личность совершенно удивительного человека, который происходил из Италии и которого звали Гильдебранд. В течение многих лет он был советником нескольких пап, а потом сам стал папой Григорием VII. По сути дела в течение четверти века он определял политику церкви.

В XI веке папы развязали войну с германским императором. Это называлось «борьба за инвеституру», т.е. за право ставить, назначать епископов. Если папа римский имеет право назначать епископов, а местный феодал не имеет права в это вмешиваться, то, соответственно, епископ подчиняется папе и не подчиняется феодалу. И вся церковь, как и сеть ключийских монастырей, превращается в единую корпорацию. Но для того, чтобы это стало возможно, нужно было совершенно изменить механизм организации церковной жизни.

Параллельно (и в очевидной связи с этим) возникла борьба за этические стандарты в церкви. До этого времени места епископов и священников продавались и покупались. К тому же у священников были семьи, а, значит, можно было назначать своих, оставлять место в наследство. Всё

это в целом было очень похоже на церковную жизнь православных, которая в этом отношении не перестраивалась (не случайно по-английски наша церковь называется *orthodox*). Но в католической церкви, для того, чтобы превратить ее в отдельную корпорацию, папы стали бороться со всеми этими явлениями.

Самого папу тоже назначал западный римский император («император священной римской империи германской нации»), и тем самым папа от него был зависим. После реформы папу стали выбирать кардиналы. Это были ватиканские чиновники, кардиналом мог быть даже не священник. Требование, чтобы все кардиналы были епископами, было введено примерно 50 лет назад, а еще лет сто назад кардиналом мог быть человек, вообще имевший сана⁶⁸:

Гильдебранд — в дальнейшем папа Григорий VII — был очень честолюбивый, умный и жесткий человек⁶⁹:

Кардинал Петр Дамиани написал ему: «Я уважаю папу, но тебе я поклоняюсь, простёршись ниц: ты делаешь его господином, а он тебя богом». И далее, жалуясь на его безграничный деспотизм и огромное честолюбие, он называет его «святым сатаной». Позднейшие историки именовали Григория VII ещё и «адской головешкой».

Гильдебранд был сначала советчиком и советником нескольких пап, потом сам стал папой и хочется сказать — он «провернул» эту реформу. Дело доходило до очень живописных сцен. Часто встречается выражение «Каносса», которое сейчас уже употребляют обычно в переносном смысле. Так называлось место, где папа заставил германского императора четыре дня босиком стоять на снегу в мешке вместо одежды для того, чтобы папа его простил. Перед этим была долгая борьба, у сторон много раз менялись выигрыши и проигрыши. Борьба продолжалась еще долго и после Каноссы, и окончательно вопрос решился уже через много лет после смерти папы Григория, только в 1022 году, в конце концов путем компромисса. Действительно, священникам запретили жениться, продавать должности, папу стал выбирать конклав, однако епископы остались, как мы бы сказали — «двойного подчинения». Их рукополагал папа, назначая

⁶⁸ До 1918 года для назначения кардиналом не обязательно было иметь не только епископский, но и священнический сан. Любой мужчина, причисленный только к малому чину католической церкви, мог получить ранг кардинала-дьякона. Таких кардиналов традиционно называли «кардиналы-миряне», поскольку они не могли совершать таинств и не давали обета безбрачия, хотя и являлись клириками и получали первый постриг — тонзуру. Последний кардинал-мирянин скончался в 1899 году. Кардинал // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кардинал>

⁶⁹ Таксиль Лео. Священный вертеп (1882).

как бы «по духовной линии», а по светской – король или император, то есть светская власть.

В результате возникла католическая церковь как отдельная корпорация.

Корпорация (от новолат. corporatio – объединение) – юридическое лицо, которое является объединением физических лиц, но при этом функционирует независимо от них (то есть самоуправляемо)⁷⁰.

Это была разбросанная по всей Европе система монастырей, епископов, священников, монахов. И поскольку она была такая дисперсная, разбросанная, то управлять ей с помощью административной вертикали было трудно. Поэтому она была организована по правовому принципу, она управлялась посредством права. Возникла новая система: Ватикан издавал правовые нормы и затем следил за их исполнением, а провинившихся наказывали.

Институциональная революция

Вслед за католической церковью возникли корпорации – общности, организованные на основе собственных правовых норм (светские государства, города, гильдии, университеты).

Иными словами, возник плюрализм юрисдикций, при котором внутри общества сосуществуют различные правовые системы, осуществляющие власть в сфере своей компетенции:

1. Управление корпорациями было доверено специальному корпусу профессионалов, которые проходят специальное обучение.
2. Наука права, которой они обучаются, существует в диалектическом отношении к реально существующим правовым учреждениям; «существует напряженность между идеями и реальностью». Право воспринимается как единый развивающийся организм, имеющий внутреннюю логику.
3. Право выше политических властей.

⁷⁰ Корпорация // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Корпорация>

В результате Папской революции возникли институциональные новшества. Вслед за католической церковью возникли другие корпорации, которые были организованы вокруг собственных правовых норм. Это были светские государства, города, гильдии, университеты. Возникла отдельная сфера коммерческой жизни, где еще не совсем сложились корпорации, где не было правового регулирования из одного центра, но которая во многом действовала по тем же принципам.

Каковы эти принципы?

Во-первых, управление корпорациями стали доверять специальному корпусу профессионалов, прошедших специальное обучение. Для церкви это были священники. Произошло отделение священников от мирян, и это было прототипом выделения того, что почти уже тысячу лет существует как *профессии*. Профессии – юридическая, врачебная, профессия университетского профессора, профессия ученого – представляют собой особые группы людей, соблюдающих *правила профессионального поведения* в отношениях между собой и с непрофессионалами. Они проходят через специальный механизм социализации. Чтобы стать членом профессионального сообщества, люди учатся и должны сдавать экзамены⁷¹.

Во-вторых, право, для того, чтобы стать инструментом управления и организации, должно развиваться по своей собственной логике, его нельзя «сочинять» произвольно, к нему следует относиться как к живому организму. Как учат будущих членов профессии? Берман говорит конкретно о юристах. Наука права, которой они обучаются, «существует в диалектическом отношении к реально существующим правовым учреждениям». Когда юрист учится в университете, то его учат не на конкретных делах или конкретных случаях. Его учат понимать право как систему. Право как система живет своей отдельной жизнью, оно тоже является своего рода корпорацией, но корпорацией не только организационной, не только состоящей из людей, оно является *идеальным объектом*, как бы живым и целостным существом, *парадигмой*. Это не набор документов, но также нельзя сказать, что право – это набор идей или социальная организация людей, которые этим занимаются. *Система права* – это всё вместе, это целостность, которая имеет свою логику и свою структуру.

Поэтому третье: право – это отдельное живущее существо, *оно выше политических властей*. Любой король, любой епископ в каждый данный момент не может нарушить право.

⁷¹ Freidson, Eliot. *Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge*. – Chicago: University of Chicago Press, 1970.

Глоссаторы и схоластика

Когда возникла необходимость в праве, покопались в библиотеках и нашли Кодекс Юстиниана. Юстиниан жил в VI веке, в Византии он был, наверно, последний император, при котором говорили и вели дела поллатыни, потом полностью перешли на греческий. Если в XI веке в Париже жило 2 тысячи человек, а в Лондоне 10, то в Константинополе – сотни тысяч. Там помнили и греческую философию, и римское право, хотя даже и в VI веке Кодекс Юстиниана был уже довольно пестрой сводкой положений и цитат из различных римских источников, отчасти адаптированной и приведенной в порядок. Это не был специально изготовленный целостный кодекс, который бы полностью соответствовал хотя бы тем условиям жизни, которые были в VI веке, но к XI веку, через 500 лет, и в другом месте – понятно, что он не соответствовал фактам жизни.

Поэтому, найдя кодекс, стали рассуждать – что с ним делать. Кроме всего прочего, в Кодексе были противоречия – не только внутренние несоответствия между разными положениями, но и противоречия со Священным Писанием. Поэтому возникла необходимость всё это как-то понимать. И вот в Болонье в конце XI века, а потом в Париже, Оксфорде и в других местах было создано то, что потом стало называться университетами. Поначалу же это были места, где знатоки читали и обсуждали старинные правовые документы. Читали часть за частью и обсуждали – что тут имеется в виду? Например, если написано «раб», то к кому сейчас можно применить это слово? Как это соотносится с христианским тезисом о том, что все люди равны? И т.д. – выясняли понятия, объясняли противоречия, уточняли нюансы. И писали на полях комментарии – *глоссы*, поэтому их стали называть глоссаторами.

Эта процедура обсуждения дала начало схоластике. Сейчас это скорее ругательное слово, оно означает рассуждение по поводу текстов, обсуждение того, что написано⁷²:

Схоластика – это метод критической мысли, преобладавший у преподавателей в средневековых европейских университетах примерно в 1100 – 1500 годах; это также программа использования такого метода для выражения и защиты догмы во все более плюралистичном контексте.

... Как программа, схоластика берет свое начало из попыток гармонизации со стороны средневековых христианских мыслителей; гармонизации взглядов различных авторитетов, принадлежавших к различным традициям, и примирения христианского богословия с классической или поздней античной философией, в особенности Аристотелевской, а также с неоплатонизмом.

⁷² Scholasticism // <http://en.wikipedia.org/wiki/Scholasticism>

Я читаю текст, как-то понимаю слова, объясняю их, кто-то мне возражает, что я не прав, что автор имел в виду другое, но на самом деле имеет место третье и т.д. – вот что такое схоластика. Истину искали посредством диспутов. И так возникла наука, которая потом вышла за пределы юридической тематики, перешла в философию, стала применяться к богословию и так далее.

Очень интересно соотношение того, что происходило в университетах, с тем, что делалось в судах. Обсуждение и комментирование Кодекса Юстиниана происходило в Болонье или в Париже, а в это время где-нибудь в Бургундии вел суд неграмотный феодал, и он принимал решения. Возможно, какой-нибудь его монах-секретарь мог ему подсказать, что данную проблему в Париже трактуют вот таким образом. Это знание, почерпнутое в университете, могло быть подспорьем для судебных решений, но это не был закон, это не было обязательной трактовкой, обязательной нормой – это было мнение, хотя, возможно, мнение обоснованное. Применение такого «теоретического» права было похоже на использование математики. Предположим, люди измеряют участок земли. Кто-то приходит и подсказывает – тут можно проще сосчитать по теореме Пифагора. Его спрашивают – а почему ты думаешь, что это будет лучше? Если он плохо убедит, его не послушают. Землемеров никто не заставляет, они сами должны увидеть, что предложение件лезно. Либо им должно быть заранее известно, что данный человек, будучи математиком, хорошо разбирается в подобных делах. Проникновение римского права в судебную практику произошло примерно так же. Оно оказалось полезным. В университетах возникла высокая наука. Она была гораздо более умная, более логичная, и поэтому стала просачиваться в практику.

Правовые системы

Итак, католическая церковь превратилась в обособленную корпорацию. Внутри нее было свое право, свои правила жизни, и церковь при этом занималась не только своими внутренними проблемами, но она имела право выносить суждения по многим вопросам, которые имели совсем не религиозный характер и не относились к внутрицерковной жизни. И это были не только религиозные дела и вопросы морали, но, например, сюда относилось договорное право. Интересно, что церковь имела большое право голоса по экономическим проблемам: поскольку договор основывался на клятве, а наследование – на выражении воли, то это были вопросы, которые подпадали под юрисдикцию церкви.

Была создана первая западная правовая система – каноническое право, право католической церкви. Но, определив свою сферу компетенции, отделив ее и не пустив чужих в эту сферу, тем самым церковь создала по-

нятие светского государства. Нужно сказать, что понятие светского государства имеет то же самое происхождение, и появилось в тот же период – это как бы обратная сторона Папской революции. Если византийский император был Божий помазанник и *внешний епископ* и он председательствовал на церковных соборах – а, собственно, до этого времени и западный император так же участвовал в церковной жизни – то после реформ это перестало быть его делом:

Уменьшение сакральности светской власти было связано с представлением о множественности и разнообразии этих нецерковных политических формирований и их правовых порядков.

Иными словами, если есть церковь, и она занимается религиозными и моральными вопросами, то все остальные – короли, феодалы – к этому не имеют отношения. И поэтому они не священные особы, а обычные люди.

Но одновременно возникла идея правового государства. Короли стали тоже управлять на основе права. Это имело и чисто техническое удобство. Вот, скажем, король Вильгельм Завоеватель покорил Англию, и его потомкам надо было ей управлять – в отсутствие почт и телеграфа. Поначалу король писал письма-инструкции (*writ*, от латинского *breve*, краткий) какому-нибудь своему представителю: поезжай, посмотри: Джон у Питера отобрал поместье, поместье ты ему верни, а Джона накажи. Потом оказалось, что до всех этих дел руки не доходят, и тогда письма стали писать по-другому: *вроде бы* Джон у Питера отобрал поместье, ты пойдя, *разберись* – если это действительно так, то тогда накажи *по закону*. Другой же представитель короля объезжал Англию и везде смотрел, все ли дела разбирались так, как велел король. И в результате таких и аналогичных действий в Англии возникла правовая система – в том числе *Common Law*, общее право – которая отличается от континентальной, но которая тоже сложилась под влиянием римского права⁷³.

Феодальная система. Хотя феодальные отношения возникли раньше, начиная с времен Карла Великого, кристаллизовались они и стали осознанными именно в XI-XII веках. Вообще, Папская революция, XI-XII века – это был период осознания всех отношений и их сознательного строительства. Феодальные отношения сеньор-вассал были договорными отношениями. Они распадалась на две части: отношения верности и отношения держания земли. Эти два договора могли совпадать, а могли и не

⁷³ Римское право – это логическая основа, на которой юристы учатся профессионально думать. На самом деле, римское право, которое вышло из рук глоссаторов в XI-XII веках, и римское право самих римлян – это разные вещи, и надо очень тщательно разбирать, каковы между ними различия. Как говорилось, их разделяет период в тысячу лет, в течение которого в Западной Европе никакого римского права не было.

совпадать. До XI в. эти отношения, как и отношения помещика с крестьянами, не регулировались систематически правом; впоследствии возникло регулирование а) отношений покровительства-верности и б) передачи земли в лен; правила поведения стали более четкими и универсальными

Феодалы в Западной Европе боролись за то, чтобы их судили только равные им. Там возникло слово «пэры», это значит равные по положению. Для герцогов это были другие герцоги. Для людей, которые были вассалами уже не короля, а герцога, это были такие же его товарищи, другие вассалы этого герцога и т.д. Отсюда и суд присяжных, когда 12 человек собираются меня судить – но это не какие-то произвольные 12 человек, а это 12 человек *таких же, как я*. Требование суда равных всегда было желанием всех слоев и сословий, из-за него шла борьба, и, в конце концов, оно реализовалось.

Манориальная система. Манор – это примерно то же, что и наше поместье, однако на Западе отношения были определены более четко. Если феодал получал землю, то он получал и право быть судьей: «Каждый барон суверен в своем баронстве». Связано это было в первую очередь с тем, что управление на Западе в гораздо большей степени было судом, а не отдачей приказов. По мере упрочения христианства отмирало рабство. В XI-XII вв. повинности крестьян стали регулироваться значительно точнее. К XII в. все крестьяне в Западной Европе имели охраняемые законом права. Суд и управление осуществлялось курией, в которой, как правило, председательствовал стюард (замещающий сеньора) и которая включала всех, «вплоть до последнего серва».

Города и гильдии. Они в большом количестве появлялись в этот период. Городское право часто основывалось на писаных хартиях, устанавливавших организацию управления и права. Это были дарованные грамоты, которые подписывал местный феодал – кстати, как и для университетов. Там устанавливалось, что города имеют право делать и что не имеют, и как они должны управляться – это была писаная конституция. Города и гильдии были объединениями людей, которые клялись помогать и защищать друг друга. Конкурировать можно было с чужими, но внутри своего сообщества, конечно, конкуренция была нонсенсом. Города были коммунами, основанными на договорности отношений и личном участии. Гражданские права включали рациональную судебную процедуру и вынесение решения «равными». Горожане были свободны от феодальных повинностей.

Торговое право управляло особым сословием людей (купцами) в особых местах (на ярмарках, рынках, в портах). Оно было привязано к местам торговли. Например, при Лейпцигской ярмарке были представители, которые разбирали споры.

Наконец, *университет*. Он был разновидностью гильдии и тоже имел хартию, которую выдавали хозяева данной земли или города. Так,

Парижский университет был основан епископом, а Болонский основала итальянская маркиза для того, чтобы переманить туда известного юриста. В основу жизни университетов был положен принцип университетской свободы – право студентов и преподавателей обсуждать любые факты и мнения. Этот принцип в западных университетах существует до сих пор; полиция не имеет права входить на университетскую территорию.

Таким образом, в результате возникла новая «техника» социальной организации.

Основные черты новой модели социальной организации

- Заранее известные «правила игры»
- ... сформулированные в терминах прав
- Принятие решений по определенным правилам и процедурам
- ... представителями особой профессии
- ... при участии «равных»
- Понимание права как объективно существующего и развивающегося организма

Эта модель в дальнейшем модифицировалась, развивалась, но при этом сохраняла свои самые существенные черты, и эти черты отличаются от того, к чему мы привыкли в России. Это «многоэтажная» система организации, которая неразрывно связана с рефлексией, здесь всё время задается вопрос – а как это делается?

Военная революция XVI – XVII веков

Roberts Michael. Military Revolution, 1560 -1660⁷⁴.

Parker Geoffrey. The “Military Revolution”, 1560 -1660 – a Myth?⁷⁵

Майкл Робертс (1908 – 1996) – английский историк, специализировавшийся на начале Нового времени и истории Швеции.

Джозеффри Паркер (род. в 1943 г.) – английский историк, занимается ранней военной историей Нового времени и историей Испании.

⁷⁴ Reprinted with amendments in *Essays in Swedish History* (London, 1967), pp. 195-225.

⁷⁵ *The Journal of Modern History*, Vol. 48, Issue 2 (Jun., 1976), 195 – 214.

Работа Робертса – это замечательный пример того, как одна статья – вернее даже, доклад, сделанный в 1955 году по довольно случайному поводу в не самом знаменитом университете в Белфасте, вызвал огромный резонанс по всему миру и обсуждение его идей.

Опубликованная 10 лет спустя статья Паркера, продолжающая и уточняющая эти идеи, начинается с цитаты. Примерно за 20 лет до Робертса пионер английской военной истории Чарльз Оман неосторожно написал, что XVI век представляет собой один из наиболее неинтересных периодов в военной истории. Робертс же показал, что дело обстоит ровно наоборот.

Кратко, утверждения Робертса с поправками Паркера состоят в следующем:

- В этот период возникла новая линейная тактика боя; рыцари, которые ездили на конях бесформенной массой, вытесняются пехотой, построенной в линию или в другие боевые порядки.
- В связи с этим возрастают требования к дисциплине и качеству обучения солдат и офицеров.
- Армия становится хорошо устроенным организмом, каждая часть которого повинуетя импульсам, спускаемым сверху.
- Наемные армии заменяются постоянными, состоящими из рекрутов.
- Резко растут военные расходы.
- Поэтому ведение войны монополизировалось государством.
- Становится необходимой централизация государств, возникают абсолютистские монархии.
- Происходит резкий рост промышленности и начинается лавинообразный процесс экономических, социальных, политических и культурных перемен.

Иными словами, изменения в военной тактике привели к далеко идущим логистическим последствиям. Понадобились солдаты, не столько обладавшие храбростью и индивидуальными навыками боя, сколько идеально выученные и дисциплинированные, способные вести себя в бою, как винтики в машине. «И эти винтики должны были научиться шагать в ногу и выполнять движения полностью в унисон – их даже одинаково одевали» – говорит Паркер. Такое обучение стоило денег, поэтому обученные за государственный счет армии стало невыгодно распускать в мирное время, появились постоянные армии.

Имея такие новые армии, стало возможно принципиально усовершенствовать военную стратегию. Можно было манипулировать частями и даже воевать несколькими армиями, а в бою не так бояться, что неопытные солдаты разбегутся из-за небольшой неудачи.

Далее, численность армий стала быстро расти, они могли быть настолько большими, насколько хватало денег. И поскольку военные расхо-

ды резко увеличились, то войну смогло вести только государство, причем государство, способное собирать налоги. В результате возникли абсолютные монархии, а для снабжения армии и для пополнения казны потребовался быстрый экономический рост. И то, что мы знаем из экономической истории о первоначальном накоплении и монетаристах – это как раз относится к XVI -XVII векам.

Вклад Паркера, который кроме рассматриваемой, написал и другие работы, состоит в том, что он раздвинул временные и географические рамки анализа и показал, что многие черты новых армий были присущи не только одетым в униформу «тонким красным линиям» XVII и дальнейших веков, но ими обладали уже ренессансные пехотинцы, воевавшие холодным оружием – пиками или алебардами. Кроме того, он написал, что военная революция включала три компонента – огнестрельное оружие, новые крепости и рост численности армий⁷⁶. И эти три инновации повлекли за собой все остальные новшества – военные, а потом политические, социальные и культурные.

Нужно сказать, что с точки зрения нашей книги такое расширение рамок анализа имеет очень большое значение. В предыдущем разделе говорилось, что в Западной Европе, начиная с XI столетия, произошла организационная революция. Несмотря на ее очень сложный характер, упрощая, можно сказать, что суть состояла в том, что люди выработали новую технику самоорганизации, организации и управления. Поэтому исключительно важной оказывается мысль о том, что военная революция XVI -XVII веков была связана не только – а может быть, не столько с изобретением пороха, сколько с тем, что сначала возникла новая организация военного дела, для которой порох и огнестрельное оружие очень «пришлись ко двору». Порох был изобретен, или о нем вспомнили в связи с тем, что изменилась тактика войны и организация военного дела. «Исход боя стал решаться не рукопашным боем великолепно подготовленных бойцов-одиночек, а слаженными действиями масс единообразно вооруженных и обученных пехотинцев и кавалеристов, вооруженных огнестрельным оружием и поддерживаемых мощной артиллерией»⁷⁷. Военная машина была организована по принципу мануфактуры. И совершенно не случайно сами мануфактуры возникли одновременно же. Это было общее организационное и институциональное развитие.

⁷⁶ Особенности новых звездообразных крепостей – называемых «итальянский след», *trace italienne*, или по-русски «бастионной системой укреплений» – легко понять, вспомнив Петропавловскую крепость по сравнению с московским Кремлем. Старые крепости, такие, как Кремль, штурмовали, забираясь по лестницам наверх. Петропавловская крепость должна была выдерживать пушечный огонь. Она имеет низкие звездообразные бастионы, которые дают возможность простреливать рвы.

⁷⁷ Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. – М: ЭКСМО, 2010. – 448 с.

Отступая во времени немного назад, мы видим, что в XIV – XV вв. существовала промежуточная военная система, которая помогает понять логику развития. Вместо прежних феодальных ополчений в Европе воевали наемники и крестьянская пехота – швейцарцы, немецкие ландскнехты или шотландцы. Это была дисциплинированная масса людей, как правило, вооруженных пиками или алебардами, построенная в колонну, которая мощной лавиной накатывалась на врага и пробивала его ряды. Потом к этой тактике добавилось огнестрельное оружие.

Перед революцией: прогресс в военном деле в Европе в XIV-XV вв.
«Ренессансная» военная система

- Вместо прежних феодальных ополчений мы видим решительное господство наемников (швейцарцы и ландскнехты).
- Вырабатывается общий тип линейной пехоты (основу которой составили пикинеры, вооруженные длинной пикой, которая стала «королевой поля боя»).
- Появляются разнообразные виды новой кавалерии.
- Огнестрельное оружие, особенно ручное, делает значительные успехи и распространяется с поразительной быстротой.
- Формы строя, вид боевых порядков резко изменяется.

Способ привлечения наемников был очень похож на те методы, с помощью которых решаются различные проблемы сейчас у нас в России. Когда настоящие институциональные механизмы, которые бы позволили организовать дело, работают неэффективно, то всё решается за счет денег. Были люди, у которых были деньги – монархи, крупные сеньоры. С другой стороны, нужен был профессионализм, и его покупали.

Сила такой пехоты была в ее выучке и дисциплине. Швейцарцы⁷⁸ и шотландцы, к тому же, были крестьянами, воевавшими не на жизнь, а на смерть. Они не брали пленных и их тоже не щадили – это были не рыцари, за которых можно было получить выкуп. Швейцарец знал, что он никому не нужен и сражался насмерть, а если он покидал в бою свое место, то соседи его тут же убивали.

Результатом военной революции стала «протестантская военная система», созданная в Голландии, а затем развитая в Швеции:

⁷⁸ Мы и сегодня можем видеть, как выглядели швейцарские алебардисты. Папская гвардия до сих пор сохранила обмундирование, созданное еще Микеланджело.

Рождение армии Нового времени. «Протестантская» военная система

- Голландские реформаторы сделали ставку не на индивидуальные качества солдата, а на выработку навыков коллективных действий.
- Было введено постоянное обучение и жесткая дисциплина, основанная на регулярной и стабильной выплате жалованья солдатам и офицерам.
- Небольшие голландские пехотные роты располагались в несколько линий, поддерживавших друг друга; каждая рота, в свою очередь, строилась в 10 шеренг с мушкетерами по краям и пикинерами в центре; для мушкетеров было обязательным применение тактики *caracole*: рота мушкетеров превращалась, таким образом, в своего рода картечицу, осыпавшую неприятеля градом пуль.

Очень показательная вещь — эта система возникла в Голландии, которая была первой капиталистической страной. Голландцы воевали с Испанией, в то время сверхбогатой, имевшей всё золото Нового Света и ресурсы всей Европы, поскольку испанский король был одновременно и австрийским королем. К тому же испанцы были очень опытны в военном отношении. Тем не менее, голландцы победили их за счет того, что возникла новая военная система. Это была дисциплина, обучение и вследствие этого — возможность управления войсками. Армиями оказалось возможно играть, как в шахматы, и поэтому они были очень сильными.

Реформация и дух капитализма

Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма⁷⁹.

Макс Вебер (1864 – 1920) – немецкий социолог.

На вопрос «Что такое капитализм?» обычно принято отвечать: «Макс Вебер это объяснил». Имеется в виду следующее.

⁷⁹ Вебер М. Избранные произведения...

В 1517 году Лютер прибил свои 95 тезисов к двери церкви, и от католической церкви отделились протестанты. В течение XVI и XVII веков происходила реформация. Сложился протестантский взгляд на мир и на человека, состоящий в том, что Бог уже заранее расписал, кто из людей спасется в будущей жизни, а кто нет. Наиболее последовательны в этом были кальвинисты, считавшие, что нет никаких возможностей изменить свою судьбу в последующем мире ином, всё предопределено.

Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме – вечном блаженстве – он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе...

Это абсолютное устранение веры в спасение души с помощью церкви и таинств ... было той решающей идеей, которая отличала кальвинизм от католичества. В этом находит свое завершение тот великий историко-религиозный процесс расколдования мира, начало которого относится ко времени древнеиудейских пророков и который в сочетании с эллинским научным мышлением уничтожил все магические средства спасения, объявив их неверием и кощунством. Истинный пуританин даже у гроба своих близких отказывался от всех религиозных церемоний и хоронил их тихо и незаметно, дабы не допустить никакого «superstition»⁸⁰, никакой надежды на спасение путем магических сакраментальных средств. Не существовало не только магических, но и вообще никаких средств, которые могли бы обратит божественное милосердие на того, кто лишен его волею Бога. В сочетании с жестким учением об абсолютной трансцендентности Бога и ничтожности всего сотворенного эта внутренняя изолированность человека служит причиной негативного отношения пуританизма ко всем чувственно-эмоциональным элементам культуры и субъективной религиозности (поскольку они не могут служить спасению души и способствуют лишь появлению сентиментальных иллюзий и суеверному обожествлению рукотворного), а тем самым и причиной принципиального отказа его от всей чувственной культуры вообще. Вместе с тем эта отъединенность является одним из корней того лишенного каких-либо иллюзий пессимистически окрашенного индивидуализма, который мы наблюдаем по сей день в «национальном характере» и в институтах народов с пуританским прошлым, столь отличных от того совершенно иного видения мира и человека, которое было характерным для эпохи Просвещения. Следы влияния учения о предопределении для интересующего нас периода мы находим во всех элементарных чертах жизненного поведения и мировоззрения, причем даже там, где его догматическая значимость уже исчезла, ибо это учение бы-

⁸⁰ Суеверия.

ло лишь самой крайней формой той исключительности доверия к Богу, анализом которого мы здесь занимаемся. Примером может служить хотя бы поразительно часто повторяющееся, прежде всего в английской пуританской литературе, предостережение не полагаться ни на помощь людей, ни на их дружбу.

Однако из этого был сделан парадоксальный вывод, что каждый человек должен изо всех сил стараться выполнять свой долг, не обращая внимания на результат. Долг же состоит в том, чтобы следовать своему призванию и делать добрые дела:

Совершенно очевидно, что в немецком слове «Beruf»⁸¹ и, быть может, в еще большей степени в английском «calling» наряду с другими мотивами звучит религиозный мотив – представление о поставленной Богом задаче, и звучит он тем сильнее, чем больше в каждом конкретном случае подчеркивается это слово....

Безусловно новым было, однако, следующее: в этом понятии заключена оценка, согласно которой выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека...

Не подлежит никакому сомнению, что такого рода нравственная квалификация мирской профессиональной деятельности – одна из самых важных идей, созданных Реформацией и, в частности, Лютером ...

Как безгранично далека эта концепция от глубокой ненависти, с которой созерцательно настроенный Паскаль отвергал всякую положительную оценку мирской деятельности, будучи глубоко убежден в том, что в основе ее может лежать лишь суетность или лукавство!

Однако есть и другая формулировка. Согласно этим взглядам, высшая цель протестантской этики состоит в наживе. Однако, не просто в наживе:

... во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов: эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека. Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни. В самом деле, столь привычное для нас теперь, а по существу отнюдь не само собой разумеющееся представ-

⁸¹ Призвание.

ление о профессиональном долге, об обязательствах, которые каждый человек должен ощущать и ощущает по отношению к своей «профессиональной» деятельности, в чем бы она ни заключалась и независимо от того, воспринимается ли она индивидом как использование его рабочей силы или его имущества (в качестве «капитала»), – это представление характерно для «социальной этики» капиталистической культуры, а в известном смысле имеет для нее и конститутивное значение.

Для иллюстрации Вебер приводит длинную цитату из Бенджамина Франклина. Вот начало этой цитаты:

Помни, что *время – деньги*; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен – если он расходует на себя всего только шесть пенсов – учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов.

Помни, что *кредит – деньги*. Тот, кто оставляет у меня еще на некоторое время свои деньги, после того как я должен был вернуть их ему, дарит мне проценты или столько, сколько я могу выручить с их помощью за это время. А это может составить значительную сумму, если у человека хороший и обширный кредит и если он умело пользуется им.

Помни, что деньги *по природе своей плодородны и способны породить новые деньги*. Деньги могут родить деньги, их отпрыски могут породить еще больше и так далее. Пять шиллингов, пущенные в оборот, дают шесть, а если эти последние опять пустить в оборот, будет семь шиллингов три пенса и так далее, пока не получится сто фунтов. Чем больше у тебя денег, тем больше порождают они в обороте, так что прибыль растет все быстрее и быстрее. Тот, кто убивает супоросную свинью, уничтожает все ее потомство до тысячного ее члена. Тот, кто изводит одну монету в пять шиллингов, *убивает (!)* все, что она могла бы произвести: целые колонны фунтов.

Выполнение своего долга и вот этот феномен, который можно было бы назвать «бескорыстной любовью к деньгам» (это не цитата из Вебера) – это две разные установки, и сам Вебер говорит об этом даже намного резче:

Едва ли есть необходимость констатировать, что не может быть и речи ни о каком внутреннем родстве лютеровских взглядов с «капиталистическим духом» в том смысле, который мы вкладываем в это понятие, да и вообще в каком бы то ни было смысле....

Однако общее католикам и лютеранам отвращение к кальвинизму находит свое обоснование и в его этическом своеобразии. При самом поверхност-

ном ознакомлении с кальвинизмом становится очевидным, что здесь установлена совершенно иная связь между религиозной жизнью и земной деятельностью, нежели в католицизме или лютеранстве.

Важно не наполнять копилку, а *стараться* ее наполнять. В этом мировоззрении не только жажда наживы становится «бескорыстной», но и любовь к ближнему – «бесчеловечной»:

«Любовь к ближнему», мыслимая только как служение Богу, а не твари, находит свое выражение в первую очередь в выполнении профессионального долга данного *lex naturae*⁸²; при этом «любовь к ближнему» обретает своеобразный объективно безличный характер, характер деятельности, направленной на рациональное преобразование окружающего нас социального космоса ...

В католической религии «расколдование» мира – устранение магии как средства спасения – не было проведено с той последовательностью, которую мы обнаруживаем в пуританской, а до нее в иудейской религии. Католику предоставлялась возможность обрести благодать, сообщаемую таинствами его церкви, и тем самым преодолеть несовершенство человеческой природы: священник был магом, совершавшим чудо пресуществления, в руках которого была «власть ключей»: к нему мог обратиться верующий, преисполненный раскаяния и готовности к покаянию; священник даровал умиротворение, надежду на спасение, уверенность в прощении и снимал тем самым то невероятное напряжение, которое было неизбежным и ничем не смягчаемым уделом кальвиниста. Кальвинист не знал этого милосердного человеческого утешения и не мог, подобно католику и даже лютеранину, надеяться на то, что минуты слабости и легкомыслия будут уравновешены последующей концентрацией доброй воли. Кальвинистский Бог требовал от своих избранных не отдельных «добрых дел», а святости, возведенной в систему...

Христианская аскеза, устремившаяся вначале из мирской жизни в затворничество, уже в стенах монастыря господствовала в лице церкви над миром, от которого она отреклась. При этом, однако, она не посягала на естественные, непосредственные черты мирской повседневной жизни. Теперь же она вышла на житейское торжище, захлопнула за собой монастырские врата и стала насыщать мирскую повседневную жизнь своей методикой, преобразуя ее в рациональную жизнь в миру, но не от мира сего и не для мира сего.

Предприниматель не только чувствует себя орудием Бога, способствующим установлению правильного порядка на земле:

⁸² Законом природы.

Радость и гордость капиталистического предпринимателя от сознания того, что при его участии многим людям «дана работа», что он содействовал экономическому «процветанию» родного города в том ориентированном на количественный рост населения и торговли смысле, который капитализм вкладывает в понятие процветания, – все это, безусловно, является составной частью той специфической и, несомненно, «идеалистической» радости жизни, которая характеризует представителей современного предпринимательства.

Добавлю от себя, что радость и гордость испытывает не только предприниматель, который способствовал процветанию, но способствовал косвенно, для которого это было результатом его погони за наживой. Не менее, а может быть и более важно то, что в своем стремлении делать добрые дела «протестантский человек» готов активно обустривать мир и совершенно другими способами. Совершенно неслучайно, что в очень кальвинистских по происхождению Соединенных Штатах мы видим сочетание духа бизнеса с *некоммерческим* предпринимательством и благотворительностью. Создавая благотворительный фонд или поддерживая новое направление в науке, человек точно так же выполняет свой долг. В своем состоянии «неслыханного дотоле внутреннего одиночества» он делает это, полагаясь часто только на свое собственное суждение – иногда как экстравагантный чудака, а иногда как опередивший свое время новатор.

Итак:

- Важнейшей новой мировоззренческой парадигмой стал протестантизм, отказавшийся от идеи обмена греха на благодать – и, соответственно, от роли церкви как посредника.
- С помощью тех или иных догматических обоснований человеку была определена роль инструмента в развитии мира.
- Человек становился полностью обособленным индивидом и частью безличной парадигмы: он больше не должен был ни с кем согласовывать свои отдельные действия, а должен был действовать по заданным правилам.

Либеральный порядок

***Hayek Friedrich A. The Principles of a Liberal Social Order*⁸³.**

Фридрих Хайек (1899 – 1992) – австрийский экономист и философ.

Речь, как и раньше, пойдет здесь о дальнейшем развитии системы понятий, с помощью которых организована западная жизнь, о том, в каких

⁸³ In: The Essence of Hayek, Stanford, CA: Hoover Institution, 1984.

терминах формулируются отношения и строятся взаимодействия между людьми. Но если в предыдущем разделе речь шла о новом мировоззрении, т.е. о революции в мире идей, то здесь мы будем иметь дело с анализом и обобщением исторической практики.

Следует сказать, что слово «либерализм» понимается по-разному, иногда противоположным образом. В рассматриваемой работе Хайек говорил о той системе, которая фактически сложилась в Англии в конце XVII и XVIII веке, и о которой так или иначе писали Джон Локк, Дэвид Юм и Адам Смит. Это словоупотребление нужно отличать от другого широко распространенного – особенно в Америке – употребления слова «либерал». То, что означает слово «либерал» в Америке, в Европе называется «демократ» или «левый» – это человек, который хочет переделать жизнь на каких-то рациональных принципах.

По словам Хайека, либерализм (в его смысле) – это обобщение опыта жизни в условиях ограничения власти правительства, это размышления по поводу того, что фактически имело место, когда люди получили достаточно личной свободы и поняли, что в результате этого возник прогресс, в том числе начался быстрый экономический рост:

«... либерализм.. – не результат теоретического конструирования, он возник из желания распространить и обобщить полезные результаты, которые неожиданно последовали вследствие ограничений, наложенных на власть правительства, просто по причине недоверия к власти имущим. Только после того, как обнаружилось, что ... личная свобода ... произвела беспрецедентное материальное благосостояние, были предприняты попытки разработать систематическую теорию либерализма...»

Итак, новый общественный порядок возник примерно в конце XVII – начале XVIII века в результате борьбы за ограничение королевской власти и в связи с некоторыми особенностями общественного устройства в Англии. В попытках осмыслить этот новый порядок сложилось то, что можно назвать теорией либерализма:

Пытаясь в явном виде сформулировать принципы порядка, который уже существовал, хотя и только в несовершенном виде, Адам Смит и его последователи разработали основные принципы либерализма с тем, чтобы продемонстрировать желательность его общего применения. При этом они могли предполагать знакомство с концепцией общего права и идеями правового государства, которые были малоизвестны за пределами англосаксонского мира⁸⁴.

⁸⁴ Адам Смит обычно считается экономистом. На самом деле он, конечно, моральный философ, объяснивший преимущества новых либеральных моральных норм: их следует придерживаться потому, что результатом будет богатство народов. Люди, которые ведут себя в соответствии с этими нормами, становятся богатыми – и он подробно объяснял, как.

Что же такое либерализм? Если говорить лозунгами, то либерализм – это учение о свободе, в то время, как демократия – это вопрос о власти:

Либерализм и демократия, хотя и совместимы, однако не одно и то же. Первый озабочен объемом власти правительства, вторя – тем, кто имеет эту власть. Разницу лучше всего видеть, если рассмотреть их противоположности: противоположностью либерализма является тоталитаризм, в то время как противоположностью демократии является авторитаризм.

Либерализм основан на определенном представлении о мире:

Следует специально подчеркнуть, что эти две социальные философии... основываются на совершенно разных философских основаниях. Первая основывается на эволюционной интерпретации всех явлений культуры и мысли и на представлении об ограниченности силы человеческого разума. Вторая основывается... на представлении, что все феномены культуры – это продукт сознательного конструирования и на уверенности в том, что возможно и желательно перестроить все существующие институты в соответствии с заранее разработанным планом.

Таким образом, либеральный взгляд основывается на том, что мир эволюционно развивается, его нельзя конструировать. Наша способность понимать, предсказывать, предвидеть очень ограничена, поэтому в действие общественных сил лучше поменьше вмешиваться. Необходимо некое смирение, которое позволяет только немного адаптироваться к тому, что происходит.

Как же можно описать устройство либерального общественного порядка? Вот, что говорит Хайек:

Центральная идея либерализма – это то, что на основе выполнения универсальных правил справедливого поведения, защищающих известные частные домены индивидов, сам собой формируется спонтанный порядок человеческой деятельности, имеющий намного большую сложность, чем можно было бы организовать на основе специального плана, и что, следовательно, принуждение со стороны правительства должно быть ограничено обеспечением выполнения таких правил, каковы бы ни были другие услуги, которые правительство может одновременно оказывать...

Таким образом, во-первых, каждый человек здесь как бы заключен в «кокон», который Хайек называет его собственной территорией, *private domain*. Этот «кокон» включает собственность этого человека (в буквальном, материальном смысле), а также его личность, здоровье, репутацию. По-другому можно сказать, что человек имеет как бы собственный «огород», обнесенный забором. Внутри него человек может делать всё, что хочет – но только внутри.

Потому что второй принцип либерального порядка состоит в том, что залезать в чужой «огород» нельзя. Все законы формулируются только в негативных терминах, в терминах запрета на вмешательство в чужие дела. Они никогда не предписывают действие – «Иванов должен сделать то-то», – а всегда говорят, что «Никто не должен...». Не должен посягать на чужое здоровье, не должен посягать на чужую собственность и так далее. Функция принуждения со стороны государства сведена только к обеспечению правил справедливого поведения, которые представляют собой исключительно запреты на нарушение частных прав. При этом к правилам поведения должен применяться критерий универсальности, о котором говорил еще Кант: эти правила можно выработать, если задуматься о том, как могли бы действовать *все люди без исключения*.

Третий принцип (хотя он вытекает из первых двух) состоит в том, что взаимодействие между людьми может быть только добровольным и основанным на взаимности и обоюдной заинтересованности.

Справедливость для либерального порядка – это характеристика поступков, а не состояния дел. Такие требования, как равный доход или стабильные цены сюда не относятся. И наоборот, несправедливостью считается нарушение границ частных доменов.

Неотъемлемой частью либерального порядка является понятие свободы, которое принципиально отличается от привычного нам русского понятия, которое лучше обозначать словом *воля*. Свобода в либеральном общественном устройстве – это «территориальное» понятие, это мой «огород», где я хозяин, и где я могу делать всё, что хочу. В том числе могу, как хочу, использовать все ресурсы, которые там находятся. В отличие от этого, наша воля – это возможность делать то, что я хочу независимо ни от каких обстоятельств, в том числе это возможность залезть в чужой огород. Наша борьба за свободу означает, что мы хотим иметь больше влияния на других людей и одновременно не хотим, чтобы кто-то имел влияние на нас. В то время как в либеральном обществе борьба за свободу – это защита моего «огорода» от посторонних посягательств, и все законы формулируются именно в этих терминах.

Именно наличие у каждого такого «огорода», где человек – полный хозяин, и дает ему возможность вводить инновации, никого не спрашивая. Свобода обеспечивает возможность творчества, при этом либеральный порядок исключает постановку каких-то всеобщих целей. Именно такое устройство жизни позволяет создавать сложную организацию общества притом, что общее регулирование отсутствует. Такая организация также дает возможность людям сосуществовать не только в малых группах, то есть не только там, где все друг друга знают, а и в больших сообществах.

Национальное государство и массовое общество

Эрнест Геллнер. Нации и национализм⁸⁵.

Эрнест Геллнер (Ernest Gellner, 1925 – 1995) – английский философ и социальный антрополог.

В предыдущих разделах мы говорили об узловых точках институционального развития Западной Европы: особенностях мировоззрения западного христианства, Папской революции XI-XII веков, военной революции, возникновении протестантизма и капитализма в XVI -XVII веках. Наконец мы дошли до XVIII-XIX веков, до темы *индустриализма*, и это еще одна важная точка:

(П)ереключение внимания ученых (крайне полезное для дела) с истоков капитализма на истоки индустриализма произошло уже после Вебера и только благодаря возникновению некапиталистических индустриальных обществ, однако Вебер, сосредоточив свой интерес на бюрократии, а также на духе предпринимательства, подошел к этому практически вплотную.

Книга Геллнера не только интересна, ее чтение вызывает еще и эстетическое удовольствие, она очень небольшая и написана с концептуальной ясностью. Книга непосредственно посвящена теме возникновения современных национальных государств и наций, но на самом деле содержание ее намного шире, она прекрасно объясняет индустриальный период развития Запада. Применительно к проблеме национализма Геллнер анализирует институты этого периода.

Прежде всего, говоря о национализме, Геллнер предупреждает, что этот термин не имеет никакого эмоционального оттенка:

Термин употребляется в нейтральном смысле и не содержит оттенка как одобрения, так и неодобрения. Он употребляется в книге для обозначения принципа, требующего, чтобы политические и этнические единицы совпадали, а также чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу.

Политическая общность – это страна, где действует один порядок и все подчиняются одной власти. Культурная общность – это люди, говорящие на одном языке и друг друга понимающие. Национализм означает принцип, что эти два контура должны совпадать. В тех же случаях, когда

⁸⁵ Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991.

люди одной и той же культуры живут в разных странах, это может стать проблемой. Мы имеем много подобных случаев – например, до Второй мировой войны немцы жили в нескольких странах, и это было основой для политики Гитлера. Сейчас, после распада СССР так живут русские, оставшиеся в бывших республиках.

Дело в том, говорит Геллнер, что принцип национализма не случайно возник на индустриальном этапе развития общества. Небывалый накал национализма в XIX – XX столетиях есть отражение другого явления – индустриализма, т.е. способа производства, созревшего именно в этот период. И вот именно этот новый индустриальный общественный порядок не предполагал замыкания в маленьких сообществах, а требовал взаимодействия огромного числа разных людей в большом, массовом человеческом мире.

Когда мы говорим про индустриальное массовое общество, мы должны понимать, что деятельность человека там связана с передачей сложных понятий другим людям при помощи стандартизированного способа выражения. Это тот же самый вопрос, о котором мы говорили в разделе о военной революции XVI – XVII веков: манипулировать массой людей стало возможно тогда, когда придумали технику передачи информации, стандартизированный способ выражения управленческих воздействий. Понадобилась техника коммуникации, при которой сообщение должно передавать целую и определенную мысль. Команда «напра-во!» должна пониматься всеми одинаково как приказ повернуться, а не, скажем, приглашение взглянуть направо в окно. Должен быть создан общий язык, и ему следует обучить будущего исполнителя. Заметим, что вся эта тема (в том числе и пример) относится к когнитивной области. Сюда же относится и вся проблема стандартизации – не только в технике, но и в деловом и даже в личном поведении.

В нашем мире работа может быть выполнена только людьми, которые получили образование, грамотными, способными следовать руководствам и инструкциям. Которые не только умеют читать, но и могут воспринимать то, что им говорят так, как это предполагает человек, который говорит. В этом смысле возникновение наций – это поздний процесс, это феномен XIX – XX веков. До индустриального времени люди совершенно не были озабочены тем, что они говорят на разных диалектах и разных языках, какой они национальности – этот вопрос не возникал. Доиндустриальный мир был чрезвычайно богат культурными различиями, которые имелись у каждой народности, племени, даже небольшой деревенской общины. Что касается высших классов доиндустриального общества, то им очень часто было выгодно относиться к другой национальности или даже просто приписывать себе другую национальность, потому что это помогало им выделяться. Геллнер приводит пример, когда какая-то группа

людей в Алжире – богатые или феодалы – утверждали, что они происходят от турок, хотя ничего турецкого в их истории не было.

Однако эти исходные доиндустриальные различия имеют мало общего с понятием нации, почти все они подверглись искажениям и разрушились «в страшном, безжалостном «плавильном котле» раннего индустриализма». Националистические теории, теории тех, кто борется, кто занимается не аналитикой, а борьбой, обычно рассматривают нации как устойчивые, естественные социальные общности, которые лишь начинают действовать, или, используя любимое выражение националистов, «пробуждаются» в эпоху национализма.

Образуется неразрывная связь культуры и государства:

По самой природе своей производственной деятельности индустриальное общество является огромным, анонимным, мобильным и нуждается в хорошей коммуникативной системе для общения, независимо от ситуации. Такова современная культура. Она нуждается в обеспечении образовательными учреждениями и в их защите, и лишь государство в состоянии обеспечить и то, и другое. Это и создает ту критическую связь культуры и политики, которая составляет сущность национализма. Современный человек уже не подчиняется главе родственной группы, вере или своему господину; он является в первую очередь подданным своей культуры. И происходит так совсем не потому, что он прислушивается к мистическому, атавистическому зову крови. Совсем наоборот: он реагирует на очень современную ситуацию и на предъявляемые ею требования не потому, что он каким-то особым образом поработан или подкуплен, а именно потому, что на него оказывают влияние его работа и жизненное положение.

Мы опять имеем здесь эту многоэтажную рефлексивную систему, о которой говорили по поводу права: над правом строится правоведение, над ним философия, и т.д. Здесь речь идет совершенно об этом же: становятся необходимы образовательные учреждения, наука, культура – и государство должно их обеспечивать.

Возвращаясь к вопросу о соотношении политики и культуры в доиндустриальных обществах, Геллнер пользуется понятием «агрограмотное государство». Это примитивное аграрное государство, в котором существует письменность. Оно имеет определенные характерные черты:

Агрограмотное государство – это тип общества, просуществовавший около пяти тысячелетий и, несмотря на разнообразие форм, имеющий определенные характерные черты. Подавляющее большинство его граждан – сельскохозяйственные производители, живущие замкнутыми общинами. Над ними стоит меньшинство, главные отличительные свойства которого – осуществление насилия, поддержание порядка и контроль над официаль-

ным знанием/мировоззрением общества, в конце концов воплощенным в письменности.

Контроль над знанием здесь осуществляют жрецы или монахи. При этом культура в доиндустриальных обществах – это плюрализм разных языков:

При традиционном социальном строе языки охоты, жатвы, различных обрядов, ратуши, кухни или гарема образуют автономные системы. Сопоставление терминологий этих несоотносимых сфер, выявление расхождений между ними, попытка их унифицировать—все это было бы нарушением социальных законов или еще хуже – кощунством или святотатством – и не имело бы под собой никакой почвы⁸⁶.

В индустриальном же обществе господствует рациональность:

(В) любой серьезной концепции нового духа понятие рациональности должно играть центральную и очень важную роль.... Это же понятие исследуется с непревзойденной философской глубиной двумя величайшими философами XVIII века Дэвидом Юмом и Иммануилом Кантом, которые, находясь во власти иллюзии, что они изучают человеческий дух как таковой, *an sich*, существующий всегда и везде, фактически дали основательнейший анализ общих законов бытия нового духа, отметившего своим появлением их век.

«Загадка современного духа, – говорит Геллнер – это универсальная понятийная база, единая мера вещей»:

Под общей или единой понятийной базой я имею в виду, что все явления существуют в едином, непрерывном, логически выстроенном пространстве, что определения этих явлений могут быть соотнесены и, по существу, связаны друг с другом и что таким образом один единственный язык описывает весь мир и является целостной системой. Или, если идти от противного, что нет никаких особых, исключительных явлений или областей, застрахованных от смешения или столкновения с другими и замкнутых в своих собственных, логически выстроенных пространствах. Именно в этом заключалась, конечно, самая поразительная особенность досовременных, дорациональных мировоззрений: в сосуществовании в пределах одного мировоззрения множества не совсем целостных, но связанных иерархически субмиров и в выделении особых, исключительных явлений, имеющих сакральный характер и изъятых из повседневного обихода.

⁸⁶ Сегодняшний скандал с Pussy Riot – это именно пример смешения языков, вызвавший реакцию традиционного типа.

Таким образом, это – единство контекста, единство языка, единство понимания, которое создает пространство, в котором можно действовать. Здесь отсутствуют какие-то исключительные сферы или области, которые могут жить изолированно. Вот что такое современная жизнь, вот что такое, в конце концов, индустриализм.

Это очень интересно. Индустриальный мир – это «конструктор», набор деталей, позволяющий собирать всё новые объекты:

Представление о мире как о гомогенной, подчиняющейся всеобщим законам и представляющей необъятное поле для исследований системе открыло возможность бесконечного комбинирования средств без заранее установленных результатов и границ: ни одна возможность не исключается, и в конечном счете лишь опыт определяет, что представляют из себя вещи и как их следует комбинировать, чтобы достичь желаемого. Это был принципиально новый взгляд.

Заранее неизвестно, что мы строим. Это единая, гомогенная коробка с запчастями, которая подчиняется общим законам. Их можно соединять друг с другом, и это представляет неограниченные возможности для инноваций, для создания нового. Вспомним характеристику предпринимателя у Шумпетера – это человек, который способствует разрушению старых форм организации, техники или представлений о мире и создает новые. Геллнер говорит ровно о том же самом.

Итак:

- Появилось общество, которое требует подвижной системы разделения труда и постоянного, частого и четкого общения между мало-знакомыми людьми, подразумевающего обмен точной информацией, передаваемой на стандартном языке или, когда требуется, на письме.
- Эту информационную среду может обеспечить только нечто подобное современной «национальной» образовательной системе, представляющей собой пирамиду, в основании которой находятся начальные школы, укомплектованные учителями, обученными в средних школах, укомплектованных учителями с университетским образованием, полученным под руководством воспитанников аспирантур.
- Ни одна политическая единица, слишком маленькая, чтобы содержать эту пирамиду, не может функционировать самостоятельно, не может существовать.

Отсюда вытекает национализм – поскольку совсем маленькие государства не могут всего этого себе позволить. Создавать такую систему поддержания культуры может только достаточно большое государство.

И поэтому – «национализм порождает нации»:

Именно национализм порождает нации, а не наоборот. Конечно, национализм использует существовавшее ранее множество культур или культурное многообразие, хотя он использует его очень выборочно и чаще всего коренным образом трансформируя. Мертвые языки могут быть возрождены, традиции изобретены, совершенно мифическая изначальная чистота восстановлена.

Нации порождает сама эта потребность в новой организации культуры. Складывание наций может происходить по-разному. Один путь – это когда маленькая народность может влиться в более крупную. Второй – когда народность начинает бороться за независимость, и если она оказывается способной поддерживать большую систему содержания культуры, то может стать нацией. Народность может превратиться и в диаспору, и тогда она теряет многие черты своей культуры, хотя сохраняет какие-то другие черты.

Глава 5. Институциональное развитие России

5.1. Дореволюционная Россия

В первом разделе мы говорим про домосковскую варяжскую Русь. Этот период имел специфику, которая оставила долгий след. Потом, как известно, пришли монголы, сложилось Московское княжество, на которое воздействовали, наверное, три главных фактора: наследство предыдущего периода, влияние монголов, и влияние той, в сущности, революции – научной, политической, организационной, военной, – которая происходила в это время в Западной Европе и которая очень своеобразно преломилась в России. Затем мы будем говорить о том, как была устроена Российская империя, и закончим темой «интеллигенция и революция».

От варягов до Московского княжества

*Ричард Пайпс. Россия при старом режиме*⁸⁷.

Ричард Пайпс (Richard Edgar Pipes, род. в 1923 году в Цешине, Польша) – американский учёный, доктор исторических наук, профессор Гарвардского университета. Специалист по истории России и СССР.

Природные факторы, глубинные институты, статусы

Историки более или менее согласны относительно того, что существовали объективные причины, почему институциональная история в России имела свою специфику. Во-первых, это был природный фактор – более суровые условия для жизни и хозяйств, чем в Европе. Он накладывал чисто технологические, производственные ограничения на то, как можно было вести сельское хозяйство и вообще вести дела. Был географический фактор – открытость территории, отсутствие естественных границ. Кроме того, конечно, действовал фактор исторической случайности: события развивались именно так просто потому, что так всё складывалось.

⁸⁷ Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Захаров, 2004.

Общие факторы институционального развития России

- Климат: чрезвычайная краткость периода, пригодного для сева и уборки урожая (вокруг Новгорода и Петербурга 4 месяца в году, 5,5 около Москвы, 6 в степи); у западноевропейского крестьянина времени на полевые работы на 50-100% больше, чем у русского.
- Отсутствие естественных границ, доступность/изобилие земли
- Соседство со степью, угроза кочевников.
- Соседство с Западной Европой, ее политическое и культурное воздействие.

В качестве первого объективного фактора истории следует назвать *климат*, более суровый, чем в Западной Европе. Соответственно, на территории России нужно было быстро работать летом и можно было бездельничать всё остальное время. Скорее даже вынужденно бездельничать, поскольку дороги были плохие, и невозможно было заниматься, скажем, торговлей. То, что нужно было интенсивно работать в течение этих четырех месяцев, означало, что приходилось работать коллективно. Из этого многие делают вывод, что коллективная форма работы и коллективная организация общества имеет в нашей стране, среди прочего, природное происхождение.

Открытость границ и соседство со степью. Вообще на территории России есть два вида почв – это нечерноземы в средней полосе и черноземы южнее. Однако там, на юге рядом жили кочевники, и с ними долго не было возможности эффективно бороться. Поэтому начиная с XI-XII вв., наши предки переместились в нечерноземные Московско-Владимирские места.

С природными факторами связано то, что можно было бы назвать *глубинными институтами*. Во-первых, это такое явление, как очень характерная для России территориальная экспансия. Многие считают даже, что это *экспансия* была самой главной особенностью, которая в конечном счете полностью объясняет специфику России и нашего национального характера.

Поскольку в древние времена земледелие было подсечно-огневое, то нужно было вырубать и сжигать деревья, некоторое время использовать землю и затем двигаться дальше. Такая колонизация означала не только необходимость воевать и осваивать территории, но и приводила к многонациональной структуре страны. Проблема же культурного плюрализма

решалась здесь не так, как она решалась в Западной Европе, не путем унификации, а за счет того, что все каким-то образом уживались. Создавались общественные структуры, которые позволяли всем – в большей или меньшей степени – сохранять свои традиции.

Территориальная экспансия, в частности, способствовала появлению и такого института, как *свобода перемещения*. Крестьяне переходил с места на место, вырубали лес и расчищали себе землю под пашню. Вотчинники-воины тоже могли отъезжать от одного князя к другому, при этом землевладение сохранялось и князья это все время подтверждали. Князья, в свою очередь, внутри своей семьи все время переделывали «стола» и переезжали из города в город.

Отсюда, из открытости, экспансии и свободы перемещения традиционно выводится и *отсутствие собственности* на землю. Института собственности на землю, и вообще на производственные ресурсы, в России не было. Вместо этого возник институт *прикрепления* человека – к месту, социальной роли, к власти. Пайпс говорит, что постоянная борьба за свободу перемещения и, с другой стороны, стремление прикрепить людей – так же, как тема экспансии – это один из лейтмотивов, одна из главных тем русской истории.

Основные личные статусы в Киевской Руси были следующие:

- Князья – потомки Рюрика
- Дружина (бояре, воины)
- Крестьяне (смерды)
- Холопы
- Монахи, священники

Коротко можно сказать, что семья князей – потомков Рюрика владела страной. Права на отдельные территории и города постоянно перераспределялись внутри семьи либо по соображениям старшинства, либо силой. Бояре – воины, подготовленные и экипированные за свой счет – служили князьям, они имели право «отъезда» и выбора, у какого князя служить. Кроме того, они эксплуатируют свои территории – вотчины и в обмен на службу князю имели также возможность «кормления», т.е. эксплуатации управляемой ими территории. Крестьяне, жившие большими семьями и деревенскими общинами, занимались подсечно-огневым земледелием (позднее они перешли на дву- и трехполье). Они были обложены данью. Холопы не имели никаких прав, это были почти рабы. Мы не будем касаться здесь монастырей, хотя они тоже были владельцами своего рода вотчин и играли в жизни страны очень важную роль.

Крестьяне

Крестьяне могли перемещаться, вырубать лес и обрабатывать землю, или, если это была степь, просто уходить и захватывать участки. Свободе перемещения поначалу никто не мешал.

В России очень долго сохранялась традиционная большая многопоколенческая семья. Пока самый старший предок не уходил от дел, пока он был крепок и здоров, он был главным, «большим», и все его сыновья и внуки с женами и детьми жили и работали вместе. Важнейшей причиной для этого была необходимость в коллективном ведении хозяйства.

Важнейший институт в русской истории – это сельская *община*. Община – это не только деревня, или половина деревни, или несколько маленьких деревень, где люди совместно обрабатывает землю. Это был большой социальный организм, живший единой жизнью. Даже муж иногда наказывал изменившую ему жену тем, что гнал ее голышом по деревне на глазах у публики, а не стеснялся и не старался скрыть этот печальный факт своей частной жизни.

Изначально, основной социальной единицей у древних славян была племенная община. Потом она стала не столько объединением родичей, сколько просто коллективом, который вместе обрабатывал землю. Ключевое значение здесь имеет понятие чересполосицы. По-английски эта система называется *open field agriculture*, и она существовала в очень многих странах⁸⁸. Когда от подсечно-огневого земледелия перешли к стационарному, то это было так называемое двуполье, которое впоследствии сменило трехполье. При системе двух полей на каждом участке один год сеют зерно, а на другой не сеют, там растет трава, ходит скот, удобряет землю и восстанавливает ее плодородие. При трехпольной системе земля делится уже на три поля, и на них сеют озимые, яровые, а третье поле отдыхает (находится под паром). Чересполосица означает, что на каждом из этих двух или трех полей нарезаются для каждой семьи полосы⁸⁹. Таких полосок у семьи могло быть несколько, деревенская община выделяла их семье в зависимости от того, сколько там было мужчин с тем, чтобы они могли их обработать. При этом каждая семья в какой-то степени, на каких-то операциях обрабатывала свои полосы сама, а какие-то операции выполняли совместно несколько или все семьи. Потому, например, что у многих не было достаточно скота, и они собирали его вскладчину. На следующий год, когда уже земля не использовалась, а отдыхала, на поле запускали пастись скот тоже общим деревенским стадом, все вместе. Логика состоя-

⁸⁸ Кстати, и сейчас в мире есть несколько мест, где сохранилась эта система, например, в Шотландии.

⁸⁹ По-английски полосы называются *rod* – это палка, которой погоняют вола. То есть, шириной полоска была с эту палку. Пахали до средних веков на волах, поскольку хомут для лошади изобрели уже позже.

ла в том, чтобы коллективно обрабатывать землю, а потом коллективно пасти скот. Кроме того, полосы перераспределяли между семьями и каждый год распределение немного корректировали. Известное из истории слово «черный передел», которое потом использовали для обозначения революции, означает, что раз в несколько лет – примерно один раз в 10-12 лет – всю землю переделывали между семьями заново. В силу всех этих причин чересполосица была материальной основой общинной жизни.

Община сыграла огромную роль не только практически, но и идеологически – как ключевая концепция понимания российского общественного устройства.

Князь

Институт *государства* означал в России – совсем не то, что в Европе, хотя, к сожалению, употребляются одни и те же слова, и это вводит в заблуждение.

Для характеристики российской традиции власти Пайпс придумал английское слово *patrimonial*, что по-русски перевели, как «вотчинный». Это, естественно, производное от слова «вотчина» и от слова отец: вотчина – это наследуемая собственность. И когда Пайпс говорит «вотчинное государство», он имеет в виду, что отношение власти к обществу, к государству, к стране основано на том, что всё принадлежит ей, как собственнику. Так же, как в патриархальной семье был глава, которому принадлежало всё, и все члены семьи были у него – может быть, не холопами, но в подчинении. Об этой традиции отношений государства и общества Пайпс пишет так:

Ключ к пониманию политического развития России – это государство. Государство не выросло из общества и не было ему навязано сверху. Оно скорее росло рядом с обществом и заглатывало его по кусочку.

Эту специфику проще понять, если учесть историю возникновения власти на Руси. Пайпс рассказывает ее следующим образом. В VIII веке хазары наладили торговлю между Византией и Скандинавией по Волге. Примерно через сто лет варяги, которые в это время распространились по всей Европе – захватили Нормандию во Франции, Англию, Сицилию, служили и воевали в Византии и т.д. – успешно выгнали хазар и организовали свой бизнес. Они поселились сначала на Ладоге, а потом стали строить города на пути, известном как «путь из варяг в греки». Об этом напоминают названия городов: Хольмгард – так назывался Новгород, и Конугард – Киев. Варяги собирали дань с местного населения – не только из славян, тут жили и литовцы, народы финского происхождения и другие –

и ехали торговать в Константинополь. Самое опасное место было за Киевом, у речных порогов, на которых орудовали разбойники, главное было – проехать там, поэтому там оказалась столица. И Пайпс пишет, что

Таким образом, почти побочным продуктом заморской торговли между двумя чужими народами – варягами и греками – родилось первое государство восточных славян. Державная власть над городами, крепостями и окрестными землями была взята династией, утверждающей свое происхождение от полулегендарного Рюрика.

Отличие этой варяжской власти от Западной Европы состояло в том, что в Западной Европе изначально король раздавал земли вассалам. В дальнейшем они часто становились независимыми, и даже могли с ним воевать. Тем не менее в принципе всегда считалось, что король – один, а вассалы – это его ленники, которые нарушают закон и которых король, по мере своих возможностей, призывает к порядку. С варягами дело обстояло не так. Потомки Рюрика расплодились и постоянно делили и перераспределяли между собой города и участки сбора дани. При этом не было ни одного случая, когда человек не княжеского происхождения, не потомок Рюрика, стал бы князем. Все остальные оставались людьми второго сорта. Таким образом, эта «компания по эксплуатации пути из варяг в греки», похожая, по словам Пайпса на Ост-Индскую компанию и Компанию Гудзонова залива, оставалась закрытым акционерным обществом, принадлежавшим исключительно потомкам Рюрика:

Заслуживает упоминания и иное наследство, оставленное варягами восточным славянам. Киевское государство, основанное варягами, не вышло из общества, которым оно правило. То же самое, кажется, относится и к Англии после норманнского завоевания. Однако в Англии, где земля плодородная и составляет великую ценность, она была незамедлительно поделена между членами норманнской верхушки, превратившейся в землевладельческую аристократию. В России же норманнская верхушка продолжала сохранять полуколониальный характер. Свой главный интерес они видели не в эксплуатации земли, а в увеличении дани.

На нашем современном языке, это была бандитская «крыша». Собственно, всё сказанное здесь давно известно, но нелишне это вспомнить, поскольку возникают интересные аналогии. Сохранившиеся поведенческие техники приводят к тому, что институты воспроизводятся.

Что принесли с собой и как изменили эту систему монголы в XIII и XIV веке? Монголы установили на Руси налоговую систему, которую они заимствовали в Китае, и где она была достаточно хорошо отработана. Они сразу же организовали перепись населения и обложили его хорошо про-

считанной данью. В каждом городе они посадили контролера, однако сами разместились не на русских землях. Они требовали только сбора дани, при этом, как известно, сборщиками выступали русские князья.

Князья должны были ездить в Орду и получать ярлык на княжение. Разумеется, им приходилось всячески унижаться, но по сути дела устраивался просто аукцион, и тот, кто готов был дать больше, получал ярлык. Продолжалось колониальное отношение, которое было и до этого, но если у варягов это была «крыша», которая «кормится с бизнеса», то тут оно превратилось в жесткую «стрижку». И если говорить о русских князьях, то эта ситуация привела к их моральному разложению: они выступали уже в роли надзирателей и выколачивали эти налоги из собственного населения.

Потом на монголов напал Тамерлан, у них были различные неприятности в других местах, и к XV веку Россия от них освободилась. Когда монголов не стало, получилось, что московские князья оказались наследниками их системы сбора дани, всего аппарата сборщиков и самих денег.

Бояре-вотчинники

Свободные воины – бояре владели каждый некоторой территорией – вотчиной, передававшейся по наследству. Вотчина, представляла собой личное хозяйство боярина плюс территорию, с которой он мог собирать дань. Личное хозяйство боярина обрабатывали его холопы, или крестьяне за долги и т.п. Они просто выращивали продукты, которые отдавали хозяину, и которые потреблялись в основном его семьей и челядью. Остальная территория принадлежала боярину на праве сбора дани.

Не очень правильно было бы говорить, что это был вариант права собственности, однако это была основа независимости боярина. Боярин при этом мог перемещаться, как угодно, и поступать на службу к тому или другому князю. Эта «кормушка»-вотчина была его собственная, а дальше он мог служить и у тверского князя, или у владимирского и даже в Литве. Заключая между собой договоры, князья – вплоть до отца Ивана Грозного – неизменно писали, что «вольным людям между нами воля», то есть, что любой вольный человек, не крепостной может от одного князя перейти на службу к другому.

Боярин нанимался к князю на праве *кормления*. Когда его ставили, например, воеводой в какой-то город, то он мог там брать дань или взятки. Размер этих поборов был по традиции примерно известен, и это считалось чем-то вроде зарплаты. Кормление в его различных разновидностях также можно отнести к постоянно присутствующим, глубинным русским институтам.

Еще одним источником доходов бояр была военная нажива. Бояре участвовали в походах князя и в совместных грабежах.

Татарское иго и Московское княжество

Московское княжество, хотя оно и принадлежало младшей ветви Рюриковичей, унаследовало право великого княжения, т.е. старшинства. Оно также унаследовало от монголов их финансовую систему. Территориальная экспансия в этот период продолжается (как и всегда позже). Однако постепенно происходят принципиальные изменения – прекращение переделов подвластных территорий между князьями и прикрепление людей к месту жительства и службе.

Князья при татарах становятся надсмотрщиками, они уже не столько воюют между собой за передел городов, сколько пресмыкаются и интригуют в Орде. Пайпс пишет: условием княжения сделалось поведение, противоречащее народным интересам. Для сбора дани создается фискальная система. Когда усиливается Московское княжество, этот административный аппарат оказывается у нее в руках.

К XVI веку уже можно говорить не великом князе, а о Московском государстве. Это была теперь система, которая представляла собой некоторую организацию – войско со своей структурой, приказы, воеводства. Происходило постоянное усложнение этой организации и экспликация правил игры, которые стали формулироваться в явном виде. Начинаются масштабные манипуляции большими группами людей – переселения, репрессии, опричнина, создание воинских частей. Захватив Новгород, переселяют людей на южные рубежи тогдашней России, а, наоборот, тамошних жителей – в Новгород. Тут надо почувствовать разницу с тем положением, которое было, скажем, за 200-300 лет до этого, когда люди жили, так сказать, природной жизнью: князь мог позвать какого-нибудь боярина к себе на службу, но он не мог производить социальные реформы.

Система личных статусов изменяется. Если до этого времени внутри семьи князей все время происходило перераспределение кормлений, то теперь это прекращается и устанавливается постоянная династия. Великий князь становится отдельной единицей. Все остальные – будь они потомки Рюрика – его родственники, будь бояре, дворяне или «дети боярские» – все становятся в одно положение, и всё больше их статус определяется в зависимости от их положения в системе власти, от близости к великому князю. Появляется государственная система.

Свободные люди превращаются в служилое сословие. Возможность их перемещения заканчивается где-то к временам Ивана Грозного. Московские князья сначала стали запрещать своим боярам и служилым людям перемещаться – но пока еще не отобрали вотчины. Потом они параллельно стали раздавать поместья. Возникло землепользование при условии службы: если помещик не служил, то его землю могли отобрать – и, собственно, так и делали. Это была форма зарплаты, поскольку денежная экономика была не развита. В заключение имели место знаменитые ре-

прессии, когда крупные вотчины были отобраны. Частью люди получили вотчины в других местах, где они не имели исторических корней, в том числе часто их владения были разбросаны по разным отдаленным местам. Но в целом крупных вотчинников истребили, чтобы они не мешали новым порядкам.

В Московском государстве все люди начинают делиться на две категории. Одни тяглые – они обложены податью, налогом и всё больше теряют свободу. Другие служилые, которые между собой различаются по положению в системе власти, в системе подчинения великому князю или царю. Тяглые люди – это как крестьяне, так и горожане. Кроме того, сохраняются священники, монахи и холопы.

Можно сказать, что в России к этому времени независимых людей уже не было. С одной стороны, все могли перемещаться по стране, но с другой – все были от кого-то зависимы и все были служилыми или должны были платить налоги. Служилые люди в России были экономически не вполне зависимы от княжеской власти. Отбирать вотчины – да и поместья – было хлопотно. Но они были зависимы в других отношениях – в смысле продвижения по военной лестнице, в смысле наград и пожалований и т.д. Собственно, уравнил поместья с вотчинами только Петр I, но фактически всех не-тяглых людей заставили служить уже во времена Ивана Грозного.

Постепенно складывалась сложная система продвижения. Появляется еще один уровень рефлексии, люди говорят, пишут, издают указы о том, как нужно себя вести. Сложилась сложная система продвижения по социальной лестнице, которая была основана на родовитости, на личных заслугах и на предыдущей карьере. И, тоже забегаая вперед, к XVII веку сложился слой служилых людей тысяч в 20, которые были записаны в соответствующие книги. То есть всё это начало кодифицироваться.

В доходах служилых людей растет роль жалования по сравнению с доходами от вотчин и поместий. По расчету Пайпса, доходов от поместья среднему помещику хватало ровно на то, чтобы купить лошадь, кольчугу, саблю и другое обмундирование. В терминах политэкономии это был необходимый продукт. Прибавочного продукта это ему уже не давало, и он вынужден был идти на войну, служить и получать жалованье.

В середине XVI в. в России имелось 22-23 тысячи служилых людей. Московский служилый класс, от которого произошли по прямой линии дворянство эпохи империи и коммунистический аппарат Советской России, являет собою уникальное явление в истории общественных институтов. В западной истории нет термина, который определил бы его удовлетворительно. То был резерв квалифицированной рабочей силы, который государство использовало для исполнения всех и всяческих

потребных ему функций: военной, административной, законодательной, судебной, дипломатической, торговой и промышленной. То обстоятельство, что жил он почти исключительно на средства, добываемые эксплуатацией земли и (после 1590-х гг.) труда крепостных, явилось результатом превратности российской истории, а именно недостатка наличного капитала. Позднее, в XVIII и XIX вв., гражданская часть служилого сословия была переведена на жалованье, но характер и функции ее остались без значительного изменения. Корни этого класса покоились не в земле, как происходило со знатью во всем мире, а в царской службе. В иных отношениях русское служилое сословие являлось вполне современным институтом, в своем роде предтечей нынешнего чиновничества, продвигающегося по службе в зависимости от своих заслуг⁹⁰.

У крестьян по-прежнему существовала переделная община. Но прикрепление людей к месту происходит в это время еще не до конца. «Бабушка и Юрьев день» обычно связываются с концом XVI века, с временами Бориса Годунова, но отдельные категории крестьян еще могут тогда перемещаться.

По-прежнему большую роль играли монастыри, которые владели примерно третью земель в России. Это был очень большой сектор, но институционально он отличался не сильно.

Отличия от западного феодализма

Сравнивая общественные порядки на Руси и в Западной Европе этого периода, можно видеть как сходство, так и отличия. Различные авторы подчеркивают то или другое — часто в зависимости от собственных идеологических установок.

Пайпс замечает по этому поводу, что феодализм на Западе характеризовали три фактора — это политическая раздробленность, вассальные отношения и условное землевладение. Политическая раздробленность имела место и на Руси, однако в то же время ситуация сильно отличалась. На Руси речь шла не о стычках феодалов между собой и не об их бунте против признанного сюзерена — короля, а о борьбе внутри одного клана родственников — князей.

Что же касается вассалитета, то ничего подобного на Руси не было. Вассалитет — это договорные отношения, вассал приносил клятву верности сеньору — но и сеньор точно так же приносил клятву вассалу. Это

⁹⁰ В советское время этот слой людей назывался «номенклатура». Из него рекрутировали людей для партийной и для хозяйственной работы, для дипломатической службы и для войны. Человека могли переместить и перемещали из директоров завода в секретари парторганизации, а потом сделать послом.

важно, в этом суть дела, хотя для нас это не очень понятно, потому что жизнь у нас так не устроена. Но это был договор, и если сеньор нарушал договоренность, то вассал ему уже был ничем не обязан, он мог поднять войну против него, и был прав. В России этого никогда не было, в России боярин целовал крест, поступая на службу князю, он обещал, что будет ему служить, но князь ему ничего не был должен. По этой причине никакие договоры не соблюдались, к ним относились достаточно равнодушно и вели себя по ситуации.

Условное землевладение в России отсутствовало до XV века, а потом с трудом и долгое время внедрялось. Оно также не имело договорного характера, к тому же не успело оно полностью внедриться, как его уже стали отменять.

Поэтому добавлю от себя: если мы встанем на чисто марксистскую позицию и будем считать, что поведение людей определяется материальными условиями их жизни, то неизбежно придем к выводу, что феодализм в России имел место, и в этом смысле каких-либо существенных отличий от Западной Европы не было. Способы производства и средства ведения войны были и там, и там примерно одни и те же. Тем более, что их можно было заимствовать или просто физически привозить из-за границы. Однако такой прямолинейный материализм не дает никакой возможности объяснить траекторию и особенности развития страны. Чтобы сделать это, нужно выделить институциональные факторы и рассматривать их как совершенно самостоятельную переменную. В этом случае мы видим, что с Европой у России было не так уж много общего.

Московское царство и военная революция

В.В. Пенской. Великая огнестрельная революция⁹¹.

Виталий Викторович Пенской (род. в 1969 г.) – профессор Белгородского государственного университета.

Книга Пенского очень хорошо объясняет институциональное развитие XVI, XVII и начала XVIII веков в России. Она очень ярко показывает, как развитие военного дела за рубежом (о чем говорилось выше в разделе, посвященном западной военной революции XVI – XVII веков) заставляло

⁹¹ Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. – М: ЭКСМО, 2010. – 448 с.

московских царей реформировать свое войско, а за ним и государственное и общественное устройство.

Пенской в целом принимает периодизацию военного дела в России, предложенную еще Павлом Николаевичем Милюковым, который видел в течение данного периода пять этапов развития. Примерно в конце XV века появились первые помещики и первые солдаты с огнестрельным оружием. Потом при Иване Грозном было создано стрелецкое войско. Это были профессиональные стрелки, которые находились на государственном содержании, это была одна из первых в мире постоянных армий. Соответственно, для ее обеспечения была создана система налогообложения и управления.

Строительство государственного порядка и вооруженных сил происходило в специфических формах. В XVI – XVII веках к этому времени шел российский процесс формализации служебных отношений, их экспликация. Те понятия, которые существовали раньше более или менее неформально – кто знатнее, кто главнее, кто более заслуженный – к этому времени превратились в точный учет. Велась так называемые местнические книги, устанавливавшие, чей род лучше. Служилые люди «считались», вели учет, отслеживали, кто когда-то занимал какое место. И, часто бывало, отказывались от назначений, если это шло в минус роду, могло означать умаление родовой чести.

Затем, уже в XVII веке, было положено начало созданию полков «нового» или «иноземного строя». Началось заимствование организационных форм и материальной части, импорт вооружения, обмундирования. В России было положено начало строительству собственной военной промышленности (первые тульские заводы были созданы в 1630-е годы). К концу XVII века была проведена первая унификация «разрядов», т.е. реформа статусов служилых людей. Символом этого стало торжественное сожжение местнических книг. Наконец, был сделан последний шаг – Петр I просто перечеркнул почти всё предыдущее, ввел табель о рангах и многочисленные новые формы организации.

Как пишет Пенской, первый этап этой милюковской схемы можно назвать «османской моделью» военной организации. Эта модель была похожа на то, как в это время была устроена военная машина в Турции. Следует сказать, что Турция в это время в военном отношении была чуть ли не самой эффективной страной в мире, поэтому этот факт свидетельствует об успешности военной политики в России.

Основу этой модели составила легкая иррегулярная поместная конница. Она дополнялась пехотой, оснащенной огнестрельным оружием (ее ядром стал знаменитый стрелецкий корпус, несший постоянную службу), и «нарядом», т. е. артиллерией. Последняя в России того времени быстро стала

одним из наиболее развитых родов войск. Русские воеводы окончательно отказались от стремления решить исход войны в генеральном сражении и сделали упор на ведение «малой» и осадной войн. Характерной чертой русской тактики того времени стало стремление вести дистанционный бой и уклонение от рукопашной схватки.

В начале XVI в. родились отряды русских пищальников – предшественники стрельцов. В середине XVI в. итогом стрелецкой реформы стал приход на смену плохо обученным и организованным, набираемым от случая к случаю отрядам пищальников постоянного корпуса пеших стрелков, похожий на корпус турецких янычар. Они были единообразно вооружены и обучены и находились на полном содержании государства.

Возникает поместная конница – мы помним, что до этого конницу составляли мало дисциплинированные вотчинники, которые «бродили» по Руси. Формирование основ поместной системы происходит в конце XV века при Иване III. В первой трети XVI в. при его сыне Василии она приобретает достаточно четкие контуры. Классический вид поместная система приобретает при Иване Грозном в конце 40-х – 50-х гг. XVI в., когда выявившееся падение боеспособности поместной конницы потребовало определенной ее реорганизации. Военная служба стала обязательной не только для помещиков, но и для вотчинников.

Наконец, произошло создание бюрократического аппарата управления вооруженными силами. Разрядный приказ совмещал в себе функции как военного министерства, так и генерального штаба. Он был дополнен «Стрелецкой избой», преобразованной позднее в Стрелецкий приказ. С 1577 г. известен Пушкарский приказ. Приказ Большого Прихода собирал налоги и подати. Поместный приказ ведал учетом, раздачей и перераспределением поместных земель.

В XVII веке после смутного времени возникает новая волна реформ:

На смену прежнему неспешному «вживлению» в старую военную организацию технических и иных новинок был запущен в действие механизм «ползучей» «вестернизации» вооруженных сил. Уже во второй половине столетия рядом со старой русской армией возникла новая, европейская.

Это было массированное заимствование – закупки, приглашение специалистов, создание параллельно со старыми войсками новых вооруженных сил. Вот как выглядела новая армия в 1633 году:

- 4 «немецких» и 8 русских солдатских полков (18,5 тыс.) + драгуны и рейтары (более 3 тыс.).
- Полное государственное обеспечение всем необходимым.
- Относительно единообразное стандартизированное вооружение.

- Четкая организационная структура полков.
- Более или менее регулярное обучение тактическим приемам.
- Создание новой организации снабжения армии на основе импорта.
- Перестройка Пушечного двора; начало оружейного производства в Туле.

После смерти патриарха Филарета – отца царя и фактического правителя России – возникла пауза, и первая волна реформ рассосалась без особых последствий. Однако ближе к 1680 году началась еще более серьезная волна реформ. Теперь уже и старомосковские части стали подстраивать под новые правила, а новые полки увеличились в численности, и возросло их значение. Была создана система управления, снабжения, военного производство:

- Произошли изменения в организации и управлении в старомосковских частях войска (в т.ч. отмена местничества).
- «Полки иноземного строя» достигли 60-70% общей численности войск.
- Были созданы разряды – военно-административные округа.
- Произошло создания новой организации снабжения армии (приказы Иноземский, Рейтарский, Сбора даточных людей, Сбора ратных людей, Ствольных дел и др.).
- Шло дальнейшее развитие военного производства.
- Сбор «даточных людей» – прообраз будущих рекрутских наборов.

Говоря о результатах этих преобразований, вспомним, что царь Алексей Михайлович, который неизвестно почему имел прозвище «Тихайший» – на самом деле он таковым не был и очень интересовался военным делом – прибрал к рукам всё, что было Россией потеряно, плюс была присоединена Украина. Пенской цитирует прусского дипломата И.-Г. Фоккеродта:

(М)еньше, чем в 50 лет, не только взяли назад все области, которыми сначала должны были пожертвовать своему спокойствию, до Ингерманландии и клочка Карелии, но еще отняли у поляков кроме Смоленска Киев, Чернигов и Северию, даже принудили Оттоманскую Порту, бывшую в то время на самой вершине могущества и величия своего, оставить им казаков со всей Украиной...

В то же время проблема финансирования армии не была решена. На нерешительном характере войн сказалось и несоответствие уровней развития различных сфер жизни русского общества того времени – политической и военной, социально-экономической и культурной. Это были задачи, с которыми столкнулся Петр I.

Российская империя

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.)⁹².

Борис Николаевич Миронов (род. в 1942 г.) – русский историк, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Замечательная книга Миронова очень близка к теме институционального развития. Она плотно насыщена фактами и мыслями, и для человека, ее еще не прочитавшего, сделать это будет очень полезно. Я же ограничусь здесь изложением основных выводов автора и несколькими комментариями.

Империя

В результате экспансии Россия стала обладательницей обширных земель и богатых природных ресурсов. В то же время «национальный вопрос оказывал травматическое влияние на социальные процессы в «метрополии». Однако имперское политическое устройство давало возможность управления многонациональным государством. Российская империя не была колониальной державой в европейском смысле этого слова, ни русский народ, ни «метрополия» не находились в привилегированном положении.

Поэтому общий вывод Миронова – позитивный:

(Б)ез территориальной экспансии Россия осталась бы небольшой и очень отсталой европейской страной... общий ее итог оказался положительным не только для властной русской элиты, но для всего российского государства и большинства входивших в его состав народов.

Государство и общество

Никогда не нужно забывать, что в русской истории слово «государство» имеет совсем не тот смысл, как Западной Европе, здесь это отдельная общественная единица, структура, «корпорация». Тем не менее, это слово на протяжении всей истории имеет смысл, употреблять его можно. В отличие от этого, понятия «общество» или «общественность» соответ-

⁹² Пайпс Р. Россия при старом режиме. – 1-е изд. – М.: Захаров, 2004.

ствуют только определенному периоду времени, причем не слишком длительному – начиная с XVIII века, а в основном XIX и началу XX века. Примерно так употребляет их и Миронов. Мы же здесь позволим себе некоторую вольность и будем говорить о российском обществе вообще, как о стороне диалога, сопоставляя и противопоставляя его государству.

Вот общая оценка Миронова:

Общественность всегда была в состоянии диалога с верховной властью. Благодаря этому в целом, хотя и не всегда, правительство проводило сбалансированную политику. В XVIII в. Россия не превратилась наподобие Польши в страну дворянской анархии, в первой половине XIX в. не стала страной, управляемой помещиками-крепостниками, а в пореформенное время не была принесена в жертву интересам дворян и крупной буржуазии. Именно соблюдение высших государственных интересов, которыми руководствовалась верховная власть, обеспечило социальную стабильность, умеренный экономический, культурный и политический прогресс. Не только инстинкт самосохранения, но и взаимодействие с обществом позволяло верховной власти следовать этому курсу, так как случавшиеся от него отклонения наказывались и пресекались обществом. Верховной власти принадлежала решающая роль во всех сферах жизни, и долгое время все социальные группы относились к монарху, олицетворявшему в их глазах государство, как к высшему арбитру, как к реальному, законному и единственному источнику льгот и привилегий, прав и обязанностей.

А вот как он видит логику и динамику этого взаимодействия:

Почему социальная модернизация проходила болезненно, а для монархии – ее инициатора и долгое время лидера закончилась крахом? Вопрос чрезвычайно сложный для убедительного ответа; выскажу лишь несколько соображений. Примерно до второй половины XVII в. общество и государство развивались довольно гармонично, возникавшие противоречия носили временный характер и достаточно успешно разрешались; по своей культуре и политическому менталитету элита и народ были более или менее однородными. В конце XVII в. верховная власть в ходе военного столкновения со Швецией осознала экономическую и культурную отсталость России сравнительно с Западной Европой и стала принимать меры для ее преодоления путем европеизации. Общество в целом и народ в особенности не проявляли большой заинтересованности, мало сочувствовали замыслам верховной власти, и тогда она стала реформировать страну в соответствии со своими представлениями о благе России. При Петре I – инициаторе реформ – Россия достигла крупных военных успехов, которые общество связало с петровскими преобразованиями и правильной, дальновидной политикой самодержавия. Общественность рассматривала победы как результат реформ, как достижение верховной власти, а не общества. Вследствие это-

го она как бы признала превосходство самодержавия и согласилась на подчиненную роль по отношению к нему.

Прервем цитату для того, чтобы напомнить об институциональной цене, которую обществу пришлось заплатить за эти преобразования. Этой ценой, как известно, было крепостное право. Оно касалось не только крестьян:

В начале XVIII в. все население России было закрепощено, причем в большинстве случаев на двух или трех уровнях: духовенство – государством и епископами, посадские – государством и посадской общиной, государственные крестьяне – казной и сельской общиной, помещичьи крестьяне – казной, сельской общиной и помещиком, дворянство – государством. Крепостное право охватывало все общество снизу доверху, от крестьянской избы до императорского дворца, оно пронизывало все государственные институты.

Крепостное право было не просто одним из институтов русского государства, оно, особенно до 1860-х гг., являлось средой, в которой проходила жизнь каждого члена общества.

В целом общество приняло этот образ жизни. Продолжим предыдущую цитату:

Народ к преобразованиям отнесся индифферентно, если не сказать негативно, но сохранил верность самодержавной идее. По-настоящему серьезный бунт произошел в 1773—1775 гг., да и то крестьянство протестовало не против европеизации, а против ее последствий – снижения жизненного уровня и усиления крепостного гнета... Таким образом, начиная с петровского царствования самодержавное государство стало легитимным лидером, а общественность и народ – ведомыми. Такое положение устраивало все три стороны, исключая немногочисленный слой интеллигенции, и позволяло коронному правительству управлять страной без особых проблем до тех пор, пока оно проводило сбалансированную социальную политику. Общественность в большинстве своем поддерживала верховную власть, пока интеллигенция была малочисленной и действовала изолированно от народа.

К тому же, начиная с «Манифеста о вольности дворянской» 1762 года, сословия стали постепенно освобождаться от разных видов крепостного права. Главное решение, разумеется, было принято сто лет спустя. По какой причине?

(К) середине XIX в. для верховной власти и всех мыслящих людей России стало очевидно, что Россия остро нуждается в проведении промышленной

революции, в просвещении народа, которое находилось на уровне западно-европейских стран XVII в., в реформировании политической и правовой систем. Было также очевидно, что освобождение крестьян от власти помещика должно предшествовать другим реформам.

... не исчерпав всех экономических возможностей крепостного права и не доводя его до состояния внутреннего разложения, верховная власть под воздействием требований прогрессивной общественности и самого крестьянства, а также в силу государственной потребности в модернизации и более глубоком усвоении европейских культурных, политических и социально-культурных стандартов в 1860-е гг. наносит решительный удар по всему институту крепостничества.

Это решение стало началом очень длительного процесса:

Под влиянием ряда факторов в пореформенной деревне сохранилось много пережитков крепостного права. Их изживание в общих чертах завершилось только к 1907 г., вместе с прекращением выкупных платежей, отменой подушной подати и круговой поруки. Корпоративное крепостное право сильно ослабело, но оставалось еще достаточно прочным до 1917 г. ... Пережитки крепостничества в общественном сознании, в социальных и экономических отношениях оказались столь живучими и глубокими, что, опираясь на них, большевикам удалось реставрировать некоторые черты старой командной социально-экономической системы, а при Сталине довести ее до такого беспредела, который и не снился крепостникам XVIII в.

После Петра I Российская империя представляет собой объединение разнородных частей – культурных, социальных, этнических – которые друг с другом находятся в противоречивых, часто конфликтных отношениях. Задача власти поэтому – согласовывать и примирять эти противоречия:

(В) течение XVIII—первой половины XIX в. европеизация затронула верхние страты общества в несравненно большей степени, чем нижние. В результате этого в обществе возникла культурная асимметрия, и оно раскололось по культурному признаку на образованное меньшинство и народ, который в своем быту продолжал придерживаться традиционных ценностей.

Отдельные социальные группы предпочитали действовать сепаратно с целью добиться специальных сословных привилегий, часто в ущерб другим. Фрагментарность общества усиливала его зависимость от верховной власти, обеспечивала последней большую самостоятельность и позволяла проводить сбалансированную, или надсословную политику: власть опиралась на охранителей и консерваторов, уступала либералам и подавляла радикалов.

К тому же государство никогда не стремилось установить тотальный контроль за обществом, оно вмешивалось только постольку, поскольку считало это необходимым. Нам стоит обратить внимание на этот принцип, он действует на протяжении всей нашей истории вплоть до сегодняшнего дня, принимая различные формы – вотчины, кормления, личного подсобного хозяйства, коррупции и т.д.

Наблюдения о деятельности различных корпораций позволяют сделать еще один чрезвычайно важный вывод. На протяжении всего императорского периода все социальные группы, все сословия обладали правом самоуправления – одни в большей, другие в меньшей степени. ... Как мы видели, государство никогда не желало установить полный контроль над жизнью городских и сельских общин, над дворянскими, купеческими, мещанскими, ремесленными и крестьянскими обществами, понимая недостижимость и бессмысленность этого. Верховная власть только стремилась, во-первых, включить сословное самоуправление в систему государственного управления и, во-вторых, поставить самоуправление в рамки закона. И то и другое ей более или менее удавалось. Благодаря этому на всем протяжении императорского периода, как и в более раннее время, в России существовало расщепление (разделение) властных и управленческих функций между верховной властью и ее администрацией, с одной стороны, и городскими и сельскими общинами, городскими и дворянскими корпорациями, с другой.

Эта имперская система государственного лидерства и балансирования между интересами различных слоев существовала достаточно стабильно, но потом претерпела масштабный кризис:

Это была достаточно эффективная политика, пока народ, прежде всего крестьянство, безмолвствовал, оставаясь по своему политическому мировоззрению стойким монархистом. Однако после отмены крепостного права экологическое и демографическое давление породило сильное скрытое аграрное перенаселение в деревне: к 1900 г. в Европейской России половина рабочих рук стала фактически лишней, при том что безземельный сельский пролетариат был крайне невелик. Город и промышленность не могли дать работу 23 млн. работников. Крестьянство пробудилось, стало искать выход из положения и нашло его в том, чтобы экспроприировать помещичьи земли. Это абсолютно не решало проблемы.... И все же если бы верховная власть выполнила требование крестьянства, хотя бы в более мягкой форме выкупа помещичьих земель, как предлагал С.Ю. Витте и на чем настаивали кадеты, это бесспорно продлило бы жизнь монархии на достаточно долгий срок. Но ни Александр III, ни Николай II на конфискацию земель не соглашались, не хотели перешагнуть через своего традиционного союзника – 107 тыс. дворян-землевладельцев – и в то же время не хотели уступать либералам в политических вопросах. Эта неуступчивая позиция в аграрном вопросе в значительной мере породила крестьянское движение, револю-

цию 1905 г. и последовавшие за ней политические уступки, а после созыва I Думы вопрос о ликвидации помещичьего землевладения стал главным камнем преткновения между правительством и думой, вследствие чего она дважды распускалась. Вместо конфискации помещичьих земель верховная власть пошла на столыпинскую реформу, которая, несмотря на свою стратегическую целесообразность, нашла отклик лишь у трети крестьянства, вызвав недовольство остальной, большей его части. В результате крестьянство нашло себе лидера в социалистах, которые предлагали симпатичное ему решение аграрного вопроса путем революции и конфискации помещичьей земли.

Рабочий класс, будучи в массе своей крестьянского происхождения и тесно связанным с деревней, имел в основном крестьянский менталитет. В силу этого, а также ввиду серьезных просчетов в рабочей политике правительства и предпринимателям не удалось ввести рабочее движение в рамки правильного тред-юнионизма, и рабочие стали легкой добычей социалистов. Они также были склонны к решению своих проблем путем революции.

Все перечисленное создало предпосылки для революции. Война несомненно ускорила этот процесс... Война предопределила перерастание борьбы против царизма в борьбу против нового демократического режима, так как образованное общество потеряло контроль над народными массами. Тяготы войны превысили способность народа терпеть и сохранять благоразумие, народу еще не нужна была демократия западноевропейского типа. Крестьянам нужна была земля, а рабочим – фабрики и заводы, тем и другим – конец войны, и все это немедленно, не дожидаясь Учредительного собрания. ... А когда большевикам удалось захватить власть и выполнить требования народа, они обеспечили себе его поддержку и смогли расправиться со всеми своими политическими противниками...

Сословия

Исходным понятием – «эталонным метром» – для анализа социальной структуры для Б.Н. Миронова служит понятие *сословия*, причем сословия в «истинном», западном смысле:

К концу XVIII в. в России в основном, хотя и с некоторыми особенностями сравнительно с западноевропейскими странами, сформировались сословия, которые обладали главными признаками истинного сословия: 1) их сословные права были закреплены в законе; 2) права являлись наследственными и безусловными; 3) они имели свои сословные организации (дворянские собрания, городские думы, купеческие, мещанские, ремесленные, крестьянские общества и др.) и сословный, независимый от коронной администрации суд; 4) пользовались правом самоуправления; 5) обладали со-

словным самосознанием и менталитетом; 6) имели внешние признаки сословной принадлежности.

Московское государство (допетровское – В.Ш.) было обществом не сословным и не классовым, а скорее этакратическим (от французского и греческого – «государственная власть»), так как в нем главным стратифицирующим фактором являлся вид обязанностей человека по отношению к государству...

Отталкиваясь от этого, автор описывает историю социальных структур в России. Правда, такой измеритель подходит не во всех случаях:

В наибольшей степени идеальному типу сословия соответствовало дворянство, в наименьшей – крестьянство. ...русские крестьяне не стали сословием в полном смысле этого понятия, как не стало в свое время сословием и крестьянство Западной Европы.

Насаждение сословных форм было постоянной заботой правительства:

Формирование сословий в России происходило под западноевропейским влиянием. Это обстоятельство послужило важной причиной того, что сословный строй, сложившийся в России к концу XVIII в., был похож на сословный строй европейских государств XVIII в., где он уже разрушался, а не на западный сословный строй в момент его расцвета в XIII–XV вв. Апогей сословного строя в России приходится на первую половину XIX в. благодаря тому, что в новом Своде законов 1832 г. социальная структура русского общества получила вторичное, еще более четкое юридическое оформление как строго сословная. Закон определил четыре главных сословия – дворянство, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели.

При этом формальные сословные права со временем изменялись:

С отменой частновладельческого крепостного права в 1861 г. бывшие помещичьи крестьяне сравнивались по своим правам с бывшими казенными крестьянами и городскими обывателями, а дворянство утратило свою главную привилегию – монопольное право на владение крепостными. После введения земских учреждений в 1864 г. все сословия получили право формировать органы местного самоуправления на уездном и губернском уровнях. Городская реформа 1870 г. превратила городское сословное самоуправление во всесословное самоуправление. В результате судебной реформы в 1864 г. сословные суды были упразднены и все население попало под юрисдикцию единых для всех общесословных судов. Благодаря введению всеобщей воинской повинности в 1874 г. было ликвидировано принципиальное различие между привилегированными и податными сословиями, так как представители всех сословий, включая дворянство, стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности. Дру-

гие важные реформы, происшедшие в последней трети XIX—начале XX в., такие как отмена подушной подати и круговой поруки среди сельских и городских обывателей, включение дворянства в число налогоплательщиков, отмена паспортного режима, отмена выкупных платежей за землю, получение права на выход из общины в 1907 г., наконец, введение представительного учреждения и обретение политических прав всем населением в 1905 г., привели к тому, что к 1917 г. все сословия юридически утратили свои специфические сословные права.

Реальные социальные изменения не всегда следовали за юридическими:

Социальные традиции оказались весьма живучими ... Сословная парадигма, упраздненная юридически, не была окончательно ликвидирована фактически и психологически, хотя и в общественной практике, и в массовом сознании она безусловно в течение второй половины XIX – начале XX в. потеряла свое прежнее значение. Существование сословий с различными, а иногда и враждебными субкультурами, с огромной имущественной дифференциацией между ними и внутри себя затрудняло формирование не только среднего класса и гражданского общества, но также и единой российской нации с единой культурой, единой системой ценностей, единым законом. Наличие в составе России других национальностей еще более замедляло этот процесс. В результате складывание российской нации и российского национального государства к 1917 г. не завершилось.

Имела место межсословная мобильность, которая была неоднородной:

Социальная структура всего населения в течение периода империи изменялась очень медленно... Уже до реформ 1860—1870-х гг. сословия в большей или меньшей степени были открыты при входе и выходе и довольно активно взаимодействовали друг с другом, хотя степень их открытости была различной. ...В целом в XVIII—первой половине XIX в. уровень социальной мобильности дворянства, духовенства, городских обывателей и разночинцев был достаточно высоким, а крестьянства – низким. ... на протяжении всего императорского периода крестьянство и духовенство служили источником пополнения других сословий, но сами являлись закрытыми при входе... Дворянство являлось открытым при входе и в значительной мере закрытым при выходе. Оно пополнялось наиболее способными и энергичными представителями духовенства, купечества, мещанства и крестьянства, которые к тому же были в высшей степени лояльными к существующему режиму, так как он дал им возможность войти в состав самого привилегированного сословия. Дворянство интенсивно получало свежую кровь и через браки с представителями других сословий...

Что же касается имущественного расслоения, неизменной чертой была слабость среднего класса:

Дворянство, духовенство и городские обыватели были разделены внутри себя на страты, существенно отличавшиеся в имущественном отношении. На протяжении всего императорского периода средняя страта была слабой в количественном и материальном отношениях, низшая страта, состоявшая из бедных и неимущих, – многочисленной, богатство сосредоточивалось в руках немногочисленной высшей страты. ... Подобная структура городского общества, в котором отсутствовала значительная средняя прослойка, или средний класс, была чревата социальной неустойчивостью и социальными взрывами.

Семья, община и город

Период Российской империи был временем перестройки всех способов общественной жизни и модернизации отношений.

Семья:

В течение XVIII—начала XX в. во всех сословиях формы семейной организации и вместе с ними характер межличностных отношений в семье изменялись.

До середины XIX в. в семьях разных сословий преобладали патриархально-авторитарные отношения, так как они строились на господстве мужчин над женщинами и главы семьи над всеми домочадцами, на иерархии, строгом разделении ролей по половозрастному признаку, приоритете общих семейных интересов над индивидуальными, включенности семей в жизнь соответствующих сословных корпораций, которые имели право вмешиваться во внутрисемейные отношения.

Дворянство и интеллигенция первыми прошли путь от составной семьи к малой. Они же с середины XIX в. стали пионерами перехода от патриархально-авторитарных к эгалитарным семьям и от патриархальных к демократическим отношениям в семье. Однако сильные пережитки крепостничества, стойкая патриархальность внутри семьи, слабое развитие феминистского движения в России помешали завершению этого процесса даже среди элиты русского общества, если иметь в виду основную массу семей привилегированных слоев. ... Социальная неполноценность не только детей, но и женщин оставалась непреложным фактом российской действительности...

Семейная организация крестьянства в течение императорского периода также развивалась в направлении малой семьи. Вместе с тем ... даже в российской деревне 1920-х гг.... традиционные взгляды на семью и женщину оставались очень прочными. Однако некоторый прогресс в гуманизации

отношений между супругами и между родителями и детьми был достигнут, в городах и промышленных губерниях – в большей степени, в деревне и аграрных губерниях – в меньшей. ... Авторитарность внутри семьи была в большей или меньшей степени поставлена в рамки закона.

Община:

Ввиду того что социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства изменялись разными темпами, в начале XX в. главные сословия России оказались на разном уровне социального развития. Крестьянская община, мещанская, ремесленная и купеческая корпорации, а также и дворянское общество представляли собой как бы три стадии развития социальной организации. Далее всего в направлении развития отношений общественного типа продвинулось дворянство, менее всего – крестьянство.

Община долго соответствовала представлениям русского народа о правильной и справедливой организации социальной жизни людей, а существовавшие в ней межличностные отношения – религиозному идеалу человеческих отношений, который поддерживала православная церковь. Вот почему крестьяне и вслед за ними беднейшая и наиболее многочисленная часть городского сословия – мещане на протяжении всего периода империи проявляли особенно большую склонность к организациям общинного типа. Помимо сельской и посадской общин они выработали другую, родственную им по духу форму организации – артель, которую мы встречаем всюду, где народ занимался какой-нибудь специфической деятельностью вне крестьянской или посадской общин.

Общинная собственность на недвижимость также поддерживала стабильность крестьянской и посадской общин, о чем свидетельствует тот факт, что параллельно с ее вытеснением частной собственностью на землю и другое недвижимое имущество происходило и разрушение общинной организации. Право частной собственности на свои поместья дворянство приобрело фактически в 1714 г., а окончательно – в 1762 г. Право на частную недвижимую собственность, кроме земли, у городского сословия появилось в начале XVIII в.; право же иметь землю в частной собственности городское сословие приобрело одновременно с государственными крестьянами – в начале XIX в., а владельческие крестьяне – в 1860-е гг., но реальную возможность для всех крестьян превратить наделы в частную собственность дала только столыпинская реформа в 1906 г. Соответственно дворянство практически не знало общности, а у городского сословия она разрушилась быстрее и раньше, чем у крестьян.

Если иметь в виду Россию в целом, то процесс преодоления общинности в социальной жизни в XVIII – начале XX в. зашел достаточно далеко, но он

не завершился к 1917 г. В ходе столыпинской реформы около трети российского крестьянства вышло из сельской общины и сделало шаг навстречу новой жизни, которая строилась на других основаниях и в которой люди руководствовались другой системой ценностей. ... Однако победа большевиков изменила вектор социального развития России. Она привела к ликвидации наметившихся тенденций, к возрождению общинных отношений там, где они уже умерли, как в деревне, так и в городе. Коллективизация и социалистическая индустриализация закрепили этот успех. Община умерла, да здравствует община!

Город:

Город до Петра I и даже до XIX века был «служилым», его населяли в первую очередь стрельцы, которые на окраинах страны должны были защищать ее от набегов – например, в Белгороде сторожить против крымских татар. Кроме того, в городе жили ремесленники – кузнецы, пекари или кожевенники – которые обслуживали стрельцов. Все они, так или иначе, занимаются сельским хозяйством – может быть, и не сеют пшеницу, но держат сады, огороды. Там много и настоящих крестьян, которые живут в городах. В книге Миронова есть очень интересная статистика по занятиям этих людей. Эти небольшие города иногда отличались от деревни только официальным статусом, какие-то населенные пункты правительство решило считать городом, а какие-то нет. Как известно, населенный пункт считался селом, если в нем была церковь, если же не было – то деревней. По другим признаком населенный пункт считался городом.

(Петровские) реформы подтолкнули естественный процесс дифференциации города и деревни, который пошел быстрее. ... потребовалось еще столетие, прежде чем в 1775—1785 гг. произошло их окончательное размежевание в административном, а городского и сельского населения – в социальном отношении, и еще полстолетия для того, чтобы город четко отделился от деревни и в экономическом отношении. Только после 1775—1785 гг. мещане, купцы и городские ремесленники стали превращаться в городское сословие, и лишь к середине XIX в. большинство российских городов трансформировалось из аграрно-административных в ремесленно-промышленные и торговые центры. ... Однако параллельно с этим между городом и деревней происходил рост контактов, так как благодаря экономической дифференциации они стали более зависимы друг от друга, а ушедшая вперед городская материальная и отчасти духовная культура стала служить для сельского населения образцом для подражания. После эмансипации экономические и культурные связи между городом и деревней усилились, создались предпосылки для постепенного объединения их в единое экономическое и культурное пространство, основанное на этом раз не на полном сходстве, как это было до XVIII в., а на интеграции экономи-

чески специализированного и взаимно нуждающегося друг в друге городского и сельского населения. ... Вторая стадия не успела завершиться к 1917 г.

Если материальная культура горожан отличалась от деревенской, то в духовной сфере различия между городскими низами, составлявшими в середине XIX в. около 90% городских жителей, и крестьянами, жившими в сельской местности, носили скорее количественный, чем качественный характер. В сущности горожане, исключая немногочисленное образованное общество, и крестьяне были носителями единой народной, во многом сакральной культуры... Мещане, ремесленники и крестьяне-горожане не были предпринимателями в истинном смысле этого слова. Подобно крестьянам, целью их хозяйства являлось получение только пропитания, а общей жизненной целью – не богатство и слава, а спасение души. Накопление богатства среди них осуждалось общественным мнением.

Добавим, что модернизация отразилась и на демографическом поведении. Брачность, рождаемость и смертность в имперский период медленно уменьшались, а продолжительность жизни и естественный прирост населения росли. В конце XIX—начале XX века произошел заметный скачок:

Во второй трети XIX в. люди стали осознавать, что данное положение вещей ненормально, что необходимо регулировать рождаемость и уменьшить число детей до разумного числа. Это был мучительный процесс ломки старых стереотипов, традиций, поэтому он растянулся на несколько десятилетий и закончился в Европейской России только в 1960-е гг., когда окончательно завершился переход от традиционного к рациональному, или современному, типу воспроизводства населения.

Закон и право

Будучи «единственным европейцем» в стране, правительство Империи постоянно стремилось внедрить правовые отношения, упорядочить жизнь на основе закона и твердых норм. Желания сделать это было, пожалуй, больше, чем возможностей, и мы помним о разочарованиях, связанных с законодательными попытками Екатерины и конституционными намерениями Александра I. Тем не менее государство постепенно приобретало легальные черты:

В XVII—начале XX в. русская государственность находилась в состоянии непрерывного развития. В XVII в. в России существовала народная, или патриархальная, монархия, в первой четверти XVIII в. – абсолютизм; во второй половине XVIII в. сложилась сословная патерналистская монархия,

которая во второй четверти XIX в. переросла в бюрократическую правомерную монархию, а в 1906–феврале 1917 г. – в дуалистическую правовую монархию; в марте 1917 г. образовалась демократическая республика. К началу Великих реформ 1860-х гг. русская государственность стала де-юре правомерной, так как, во-первых, Основные законы 1832 г. (ст. 47) официально провозгласили, что «империя управляется на твердых основаниях законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих», во-вторых, государственные учреждения в целом функционировали в рамках закона. В течение последнего десятилетия существования империи государственность являлась *де-юре правовой*, поскольку официально произошел переход к конституционному понятию закона, население получило конституцию, парламент и гражданские права. Таким образом, за 200 с небольшим лет Россия прошла путь от народной монархии, которая осуществляла *традиционное господство*, до демократической республики, которая осуществляла *легальное господство*. В России в главных чертах сформировалось правовое государство с его атрибутами – верховенством закона, административной юстицией и разделением властей – и инструментальной основой в виде бюрократии, действующей по законам административного права, согласно формальным и рациональным правилам, что в политической социологии считается признаком легального господства. Как видим, Россия, используя западный опыт, прошла путь от народной до конституционной монархии за сравнительно короткий срок. В споре о роли преемственности и изменений в истории российской государственности, по моему мнению, правы оказываются те, кто считает *прогрессивное изменение доминирующей чертой политической истории России*.

Аналогичные процессы происходили и в судебной сфере:

В период империи все отрасли официального права в России развивались параллельно в направлении установления господства закона, отделения судебной власти от административной, признания за каждым человеком, независимо от пола, возраста и социального положения, равного права на судебную защиту. Понятия уголовного права постоянно совершенствовались, все глубже постигая и учитывая природу человека. Развитие гражданского права увеличивало полномочия отдельного лица в сфере гражданско-правовых сделок до предельно возможной степени. Совершенствовался процесс. На смену обвинительной модели пришла розыскная, а она в свою очередь была заменена смешанным процессом.

Закон и обычное право защищали людей от преступников и поддерживали общественный порядок. Судейский субъективизм в официальных судах находился более или менее в рамках закона как до эмансипации, так и после. Приговоры, как правило, соответствовали закону на протяжении всего изучаемого периода, что дает основание для заключения, что суд был достаточно справедлив.

Однако нужно помнить, что в данном случае речь идет о более или менее инородных конструкциях, о бюрократических и судебных механизмах, которые воспринимались как внешние и часто враждебные по отношению к «жизни». Суд – в отличие от Западной Европы – никогда не был в России органичным способом принятия управленческих решений, он ощущался, как «мясорубка», перемалывающая живых людей. К тому же вся эта формализация вообще не касалась большинства населения страны:

(Н)ачиная с XVIII в. по мере развития нового законодательства город и деревня в правовом отношении стали расходиться и постепенно возник так называемый юридический плюрализм: в пределах одного государства стали одновременно действовать две системы права – обычное и официальное, каждая из которых представляла собой достаточно своеобразный комплекс норм и институтов. Своей критической отметки различие между ними достигло к концу XIX в.

Этот порядок, пока он существовал, вполне обеспечивал стабильность, но он не мог продолжаться вечно:

Необходимо подчеркнуть, что начиная со второй трети XIX в. (за более раннее время мы не имеем соответствующих данных) и до 1913 г. в России вообще совершалось преступлений на 100 тыс. человек населения примерно в 1,5—2,5 раза меньше, чем в развитых государствах Запада. Это свидетельствует о том, во-первых, что российские граждане были не менее законопослушными, чем граждане других европейских стран, во-вторых, указывает на легитимность существовавшей в России государственной власти...

Осознав в начале XX в. опасность крестьянской правовой обособленности, правительство решило ее ликвидировать и восстановить единое правовое пространство. Но времени оказалось слишком мало, и императорский режим рухнул в том числе и потому, что ему не удалось включить крестьян в общий правопорядок государства.

Личная свобода, полученная в результате Великих реформ, дорого обошлась обществу – она привела почти к четырехкратному росту преступности.

Общественное мнение

Мы будем отдельно говорить об общественном мнении и интеллигенции в следующем разделе. Здесь я приведу только цитату, характеризующую общее отношение Митрофанова к этому вопросу:

Вплоть до 1917 г. при каждом столкновении с общественностью верховная власть уступала ей столько, сколько было необходимо, чтобы реформами

поддержать социальную стабильность и приспособить существующий строй к новым требованиям. В конечном счете борьбу за власть общественность у царизма выиграла, но это была пиррова победа: за гибелью монархии последовала и гибель либеральной общественности, что свидетельствует о том, что для народа социально-экономические реформы имели приоритет перед политическими.

Интеллигенция и революция

Струве П.Б. Интеллигенция и революция. Сборник «Вехи», 1909.

Петр Бернгардович Струве (1870 – 1944) – русский общественный и политический деятель.

Заголовок этого раздела повторяет название известной статьи Струве. Тем не менее, здесь мы будем ссылаться и на другие работы, в том числе на рассмотренные выше книги Пайпса и Миронова.

Как мы видели, сословия в России определяются и живут во взаимосвязи с властью. Князь нанимает дружинников, позднее государство заставляет дворян учиться и служить в армии. Община – это единство крепостного и крепостника. Однако в какой-то момент появляются независимые ни от кого люди, которые имеют возможности для того, чтобы читать книги и думать.

«Отец» слова *интеллигенция* журналист Боборыкин считал, что это чисто русский морально-этический феномен. К интеллигенции относятся люди разных профессиональных групп, принадлежащие к разным политическим движениям, но имеющие общую духовно-нравственную основу. Именно с этим особым смыслом слово «интеллигенция» вернулось затем обратно на Запад, где стало считаться специфически русским.⁹³ Тем не менее, как правильно пишет Пайпс:

Интеллигенция ... появляется везде, где существует значительное несоответствие между теми, в чьих руках находится политическая и экономическая власть, и теми, кто представляет (или считает, что представляет) общественное мнение. Она сильнее и настойчивее в тех странах, где авторитарное правительство сталкивается с восприимчивой к новым идеям образованной элитой. Здесь возможность и желание действия вступают между собой в острый конфликт, и интеллигенция кристаллизуется в го-

⁹³ Intelligentsia // <http://en.wikipedia.org/wiki/Intelligentsia>

сударство в государстве. В деспотиях традиционного типа, где отсутствует многочисленная образованная публика, и в правильно функционирующих демократиях, где идеи могут быстро воплощаться в политике, интеллигенция скорее всего не складывается.

Струве в «Вехах» еще больше подчеркивает фактор отчужденности интеллигенции, ее враждебности государству:

Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему.

После того как казачество в роли революционного фактора сходит на нет, в русской жизни зреет новый элемент, который – как ни мало похож он на казачество в социальном и бытовом отношении – в политическом смысле приходит ему на смену, является его историческим преемником. Этот элемент – интеллигенция...

Интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный: историческое значение интеллигенции в России определяется ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении. С этой точки зрения интеллигенция, как политическая категория, объявилась в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ и окончательно обнаружила себя в революцию 1905 – 07 гг. Идейно же она была подготовлена в замечательную эпоху 40-х гг. В облике интеллигенции, как идейно-политической силы в русском историческом развитии, можно различать постоянный элемент, как бы твердую форму, и элемент более изменчивый, текучий – содержание. Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему.

Это отношение интеллигенции с властью претерпело длительную эволюцию. По словам Миронова:

Важная роль в эволюции русской государственности принадлежала изменению политического менталитета общества. В соответствии с политическими воззрениями русских людей XVII в. общество не противопоставляло себя государству, не стремилось подчинить его себе, свой гражданский и религиозный долг видело в службе государю, рассматривая ее как форму служения Богу. В соответствии с политическим менталитетом XVIII–первой половины XIX в. обществу отводилась по преимуществу роль *активного объекта* управления, а государству – роль *единственного субъекта*, который мудрыми решениями ведет общество, однако – и это очень важно – при его активном участии, к благоденствию. Во второй половине XIX в. складывается новый политический менталитет, согласно которому общество имеет право и должно участвовать в государственном управле-

нии наравне с коронной администрацией. В соответствии с этим общественность перестает удовлетворяться правами на сословное самоуправление и начинает все настойчивее высказывать пожелание участвовать в государственном управлении. Верховная власть постепенно уступает требованиям общественности и делегирует ей часть своей власти. Однако делает это неохотно, и надо сказать, что она имела на это моральное и политическое право. Кого представляли радикалы и либералы? До начала XX в. большей частью самих себя, т.е. горстку людей, а не народ. И лишь тогда, когда общественность увлекла за собой крестьянство и рабочих, тогда верховная власть пошла на серьезные уступки и в России появились конституция и парламент. Длинная и трудная дорога к правовому государству была остановлена в октябре 1917 г. Народ свергнул либеральную демократию, разрушил основы правового государства, позволил большевикам, захватившим власть, расправиться со своими политическими противниками и установить диктатуру.

В 1860 году в России было 20 тысяч образованных профессионалов, а к 1900 году их число выросло до 85 тысяч. Первоначально состоявшая из дворян, интеллигенция после 1861 года стала преимущественно разночинной. В 1833 году 78,9% учеников средних школ были сыновьями дворян и бюрократов, к 1885 году они составляли 49,1%. Доля «неблагородных» возросла от 19% до 43,8% (остальное – это дети священнослужителей). Николай I ограничивал число студентов в университетах 3 тысячами в год, опасаясь появления значительного интеллектуального пролетариата. К 1894 году было 25000 студентов. Аналогично, количество периодических изданий возросло с 15 в 1855 году до 140 через 30 лет. «Третьим элементом» были профессионалы, работавшие в земствах. К 1900 году их было около 45 тысяч, в большинстве своем «либерал-радикалы» по взглядам. Революционеры же принципиально не хотели сотрудничать с земствами.

Как жила интеллигенция, каковы были ее институты коммуникации? В XIX веке дворянская – и отчасти недворянская – интеллигенция общалась в салонах⁹⁴. В университетах в XIX веке уже была студенческая жизнь. В университетах и даже школах возникали кружки⁹⁵. Люди читали «толстые журналы», писали туда статьи и письма, и это создавало единство мнения. Журналы принадлежали к разным направлениям – они были либеральные, социалистические, народнические и т.д. К концу XIX века

⁹⁴ Эта форма сохранилась и по сей день. Например, долгое время в Москве существовал клуб «Билингва» (теперь «Завтра») – типичный салон, где происходили лекции (они вывешиваются на сайте polit.ru), обсуждения и просто общение.

⁹⁵ На одной из старых семейных фотографий сидят пять девочек в гимназических платьях и фартуках. Это подпольный кружок социал-демократов. Как ни наивно это выглядит, за это их могли отправить в ссылку.

уже существовали нелегальные партии, которые постепенно стали играть все большую роль. Отдельно следует упомянуть земства – органы местного самоуправления, которые располагали небольшими деньгами и могли нанимать учителей, врачей, статистиков и т.п. Земская интеллигенция была больше разночинная, и обычно умеренная по взглядам.

Как известно, в России существовали два основных идеологических течения – славянофилы и западники. И те, и другие впоследствии дали начало различным группам и партиям – западники в основном стали марксистами, от славянофилов произошли народники. В целом же следует повторить, что интеллигент – это «отщепенец», в его голове пребывают идеи, какая-то картина мира. Интеллигент не ощущает себя как элемент какого-то реального общественного организма – скажем, как чиновник, который включен в сеть социальных связей: начальство ему приказывает, товарищи высказывают свои мнения, жена говорит о семейных проблемах – и он «на перекрестке» всех этих влияний совершает какие-то свои поступки. Интеллигент шагает по жизни, неся в голове свое видение мира. Как Родион Раскольников.

Мы помним также, что славянофилы считали, что легализм и частная собственность чужды русскому духу, что взаимоуважение между государством и обществом и есть истинная русская конституция, а формальная конституция нам не нужна. Что, создав бюрократическую машину и формализовав общественные отношения, Петр нарушил традицию и породил бесчисленные проблемы. При этом, мне кажется, они недооценивали все последствия этих свойств «русского духа» для развития страны (если эти свойства действительно имеют место), а полагали, что развитие может происходить на основе других, собственно российских институтов. Нам до сих пор непонятно, возможно ли это.

Что касается их оппонентов, то, в сущности, их позицию можно свести к известной цитате из нашего первого западника Чаадаева, сказавшего, что из крупнейших стран только Россия не внесла никакого вклада в цивилизацию, она является страной без истории, и так получилось потому, что она была православным государством, а не католическим. Естественно, он кончил тем, что перешел в католичество сам, и это было логическим следствием того, как он видел ситуацию. Видел же он ее ровно так же, как и славянофилы, но только «со знаком минус»: в России не было легализма, не было частной собственности – и от этого все проблемы. «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошлого и будущего, среди мертвого застоя» – писал он, и это ощущение время от времени до сих пор возникает в нашей жизни.

Как интеллигенция воздействует на государство и общество? Мы посмотрим здесь на эти взаимоотношения как на специфический институт. Во-первых, интеллигент может пойти работать, служить, стать чи-

новником и т.п. и встроиться в сеть социальных отношений. Но в этот момент он перестает быть интеллигентом – или система его выкидывает, ибо в реальной жизни есть своя логика, которая не совпадает с картиной мира интеллигента. Если он не может «носиться со своей картиной мира, как с писаной торбой», значит он перестал быть интеллигентом по моему определению. Оставаясь интеллигентом, он может заниматься только пропагандой своих идей. Он может быть очень успешен в этом деле – но не всегда, а только местами и иногда. Когда идеи интеллигентов звучат в резонанс с массовыми настроениями, интеллигенты могут организовывать массовые демонстрации и показывать, что являются силой. В ситуациях массовой общественной нестабильности радикальная интеллигенция начинает манипулировать многочисленными группами населения и может даже организовать свержение власти.

Последний инструмент интеллигента – это террор. В XIX веке среди интеллигенции возникла сначала идея, что надо «пойти в народ» и донести до народа «правду», то есть те идеи, которые сложились в это время в интеллигентской среде. Когда эта тактика не сработала, и народ не захотел «правду» принимать, то возник вопрос – что же делать дальше? Нужно было либо отказаться от имевшихся идей, либо предпринять что-то другое. Разные люди повели себя по-разному – кто-то отказался от революции, другие же решили, что продолжать нужно всё равно – и тогда возник террор. Он постепенно нарастал, и правительство на него реагировало.

На мой взгляд, следует обратить внимание на институт, который я назвал бы *неадекватной реакцией государства на действия интеллигенции*. Похоже, что это поведенческая константа, существующая буквально до сегодняшнего дня. Когда несколько месяцев назад интеллигенты собрались на демонстрацию, то правительство вместо того, чтобы реагировать спокойно, устроило очевидную глупость в виде обыска у лидеров оппозиции. В результате вместо того, чтобы на демонстрацию вышло 15 тысяч человек, пришли 50 тысяч.

Далее можно задать интересный вопрос – почему неадекватная реакция государства, как правило, имеет место? Возможно, потому, что картина мира у государственных людей, у чиновников, у служилых людей – совершенно другая, и для них все эти интеллигенты – попросту люди второго сорта, «слабаки и неизвестно кто». Их нужно припугнуть, и они успокоятся. Во-вторых, мышление служилого человека происходит в терминах личных статусов, интеллигенты же для чиновников – не статусные люди, с ними не принято считаться.

Поэтому выскажем следующий тезис: излишне жесткая реакция властей типична. Она приводит, как пишет Пайпс, к радикализации части оппозиционных групп и к отчуждению более умеренных слоев общества от

властей. Одновременно радикалы начинают сознательно провоцировать правительство для того, чтобы более и умеренные занимали более радикальную позицию. Вот как пишет об этом Миронов:

Сотрудничеству между верховной властью и общественностью мешало нетерпение интеллигенции, в особенности ее радикального крыла, не умевшего и не желавшего ждать, наивно верившего в то, что только самодержавие сдерживало прогресс в России. ... Бесспорно, что вина за отсутствие взаимопонимания лежала также и на правительстве, часто без достаточных оснований не доверявшем общественности. ... Однако террор, развязанный в России революционерами в 1860-е гг. и продолжавшийся до 1917 г., от которого только за 1901–1911 гг. пострадало около 17 тыс. человек, среди них около половины были государственными служащими, моральная и материальная поддержка, которую он получал со стороны либеральной общественности (террористов прятали, финансировали, защищали на политических процессах и т.п., либералы отказались осудить терроризм с трибуны Государственной думы), также никак не могла способствовать взаимопониманию. Несмотря на все трения и противоречия, либералы даже из правительственных кругов и революционеры рассматривали друг друга в качестве союзников для давления на верховную власть.

Мало того, общественность, по свидетельству современников, например Б.В. Савинкова, преклонялась перед террористами, которые в силу этого гордились своей деятельностью, чувствовали себя героями, смотрели на террор как на подвиг, религиозную жертву.

А вот свидетельство Н.А. Бердяева: «В России образовался особенный культ революционной святости. Культ этот имеет своих святых, свое священное предание, свои догматы. И долгое время всякое сомнение в этом священном предании, всякая критика этих догматов, всякое непочтительное отношение к этим святым вело к отлучению не только со стороны революционного общественного мнения, но и со стороны радикального и либерального общественного мнения. Достоевский пал жертвой этого отлучения, ибо он первый вскрыл ложь и подмену в революционной святости. Он понял, что революционный морализм имеет обратной своей стороной революционный аморализм и что сходство революционной святости с христианской есть обманчивое сходство антихриста с Христом».

В свою очередь всё это приводит к тому, что растет влияние полиции и других репрессивных органов, а правительство как таковое теряет контроль за ситуацией. Здесь следует очень ясно понимать, что правительство и полиция – это отнюдь не одно и то же, и всегда существует проблема управляемости. Полиция совершенно не является полностью

управляемым инструментом в руках правительства, а живет своей жизнью – в большей степени или меньшей.

Вот еще один пример взаимодействия сторон. Примерно в 1870-х годах царское правительство – или какие-то ведомства – приняли решение «разобраться» с революционной пропагандой. Действия полиции даже К.П. Победоносцев – этот символ консерватизма, обер-прокурор Синода – описывал так, что «нахватали по невежеству, по самовластию, по низкому усердию множество людей совершенно даром». А именно, «нахватали» почти 800 человек. Дальше оказалось, что только 265 человек из них смогли каким-то образом привлечь к следствию, которое тянулось три с половиной года. Из арестованных 43 скончалось, 12 покончили с собой и 38 сошли с ума. Общество наблюдало это, многие арестованные были студенты, это были сыновья, братья, сестры людей более или менее известных, и это воспринималось как прямое издевательство правительства над обществом. Дальше оказалось, что осудить арестованных не за что – приговорили только 28 человек и еще 36 к административной ссылке (последнее означало, что вменить какую-то вину оказалось невозможно). Остальных отпустили – но в результате в стране возникло революционное движение.

Вспомним также знаменитый процесс Засулич. Петербургский градоначальник, генерал идет по тюрьме, которую он приехал инспектировать. Какой-то заключенный студент, арестованный и осужденный за участие в уличной демонстрации, не снял перед ним шапку. За это генерал, походя, приказал его выпороть. Через некоторое время Вера Засулич – девушка, совершенно не имеющая отношения к студенту, но которая не могла всего этого пережить, стреляет в градоначальника. Ее судят – открыто, судом присяжных, на котором председательствует Анатолий Федорович Кони. Он мягко и очень профессионально объясняет присяжным, что нужно, конечно, учесть все обстоятельства этого дела и вынести максимально мягкий приговор, но при этом нужно показать, что стрелять нельзя. Ее нужно наказать, хотя бы номинально. Тем не менее, присяжные оправдывают ее полностью. И дальше правительству становится ясно, что политические дела присяжные решать не могут, что суд присяжных в таких случаях не работает. Такого рода дела в дальнейшем передаются в специальные суды. Ситуация еще больше обостряется.

Этот пример опять показывает, что общественность, в данном случае в лице присяжных, повела себя незрело. С другой стороны, в конкретных условиях XIX века, как могла общественность вести себя зрело, если градоначальник мог, не задумываясь, приказать выпороть человека? В книге Миронова есть следующий пример: какой-то студент дал иркутскому градоначальнику пощечину, студента казнили, но потом общественное мнение заставило этого градоначальника уйти в отставку. Миронов видит

здесь прогресс, движение по направлению к правовому государству. Но все же стоит сопоставить – пощечину, казнь и уход в отставку! В первую очередь здесь проявляется напряжение в обществе, которое достигло такого уровня, что не снималось никаким прогрессом.

Тем не менее, такая незрелость, как и неадекватная реакция властей, есть тоже наша институциональная константа. Вернемся еще раз к статье Струве, написанной под впечатлением революции 1905 года. Говоря об «отщепенстве», он упрекает интеллигенцию в безответственности и материализме, в легкомысленном игнорировании моральных ценностей:

Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершилась с ошеломляющей быстротой. В том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации исстрадавшихся народных масс, заключалась не просто политическая ошибка, не просто грех тактики. Тут была ошибка моральная. В основе тут лежало представление, что «прогресс» общества может быть не плодом совершенствования человека, а ставкой, которую следует сорвать в исторической игре, апеллируя к народному возбуждению.

Глядя на интеллигенцию, как на часть нашего традиционного общественного устройства, не думаю, что эти ее черты могут принципиально измениться.

5.2. СССР

Вопрос о том, чем закончилась институциональная история России перед революцией 1917 года, вызывает чувство некоторой растерянности, так же как и перспектива рассказывать про институты Советского Союза. Потому что, несмотря на изобилие фактов и эмоций, возникает ощущение, что взвешенного серьезного описания советского общественного устройства все еще нет. В лучшем случае оно разбросано по бесчисленным текстам, художественным, политическим, мемуарным и отчасти научным.

Так или иначе, к 1917 году произошла ломка и реформирование той институциональной структуры, которая была в Российской империи. При этом нельзя сказать, что уже виднелось новое альтернативное институциональное устройство, скорее это было переходное состояние. Действительно, еще в 1905 году Николай II провозгласил конституцию, и сословные, формальные ограничения, правила, привилегии были, в сущности, отменены. Крестьян освободили, общину формально отменили, и 10% крестьян по столыпинской реформе из общины вышли. К этому добави-

лись те, кто вышел из общины без столыпинских программ, а просто или разбогател, или уехал в город на работу. Ограничения по национальному признаку тоже исчезли, черта еврейской оседлости, существовавшая до последнего времени, тоже уже не была реальным ограничителем. Но в то же время большие разнородные социальные группы – в том числе, неформальные сословия – продолжали существовать. Крестьян, составлявшие 80% от населения страны, продолжали жить совместной жизнью в общине, хотя теперь уже на неформальной основе. Помещики оказались как сословие не очень приспособленными к новой жизни, они в основном разорились. Мелкое предпринимательство и ремесло продолжало развиваться самостоятельно, крупное же сильно зависело от подрядов и договоров с правительством, займов и концессий.

В целом, это был переходный институциональный режим, который продолжался в значительной степени по инерции. Когда во время Первой мировой войны возникли большие социальные и экономические напряжения, он не выдержал. Надо сказать, что, как и все другие страны, Россия втянулась в Первую мировую войну совершенно не понимая, что делает⁹⁶. Все представления о войне в тот момент соответствовали еще той эпохе, когда воевали армии, а не страны. Теперь же возникла тотальная война, люди были извлечены из деревни, вооружены и отправлены на фронт. Возникла огромная неразбериха из-за того, что логистика не была организована и система управления не справлялась. Многие явления и проблемы возникли впервые, и их не умели решать. Из-за подавленной инфляции и стремления контролировать цены возник дефицит продовольствия. Еще до большевиков и до 1917 года начались конфискации зерна у крестьян⁹⁷.

Возникло всеобщее ощущение растерянности – и на этом фоне страна развалилась. Самым значимым институциональным фактором оказалось в этот момент наличие партии большевиков – РСДРП(б). Именно эта партия оказалась институтом, который сумел повести себя организованно и эффективно, она состояла из людей, которые были очень решительно настроены на то, чтобы бороться со старым режимом, причем организованным образом. В партии действовал *принцип демократического централизма* – предполагавший, что меньшинство всегда подчиняется большинству. С другой стороны, внутри партии была совершенно реальная внут-

⁹⁶ Такман Б. Августовские пушки. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 494 с.

⁹⁷ Существует совершенно замечательная книга «Бумажные деньги Французской революции», изданная в 1919 году, но написанная в основном еще до 1917 года, теперь это библиографическая редкость. Ее автор Семен Анисимович Фалькнер, русский английского происхождения. Оказалось, что во время Французской революции XVIII века происходили вещи, совершенно аналогичные тому, что творилось у нас. Там, например, отрубали голову за одно только предложение продать или купить что-то не по официальной цене, но тем не менее все это делали.

рипартийная демократия, там можно было высказывать мнения и спорить, однако когда решение принималось, то его действительно выполняли. В октябре 1917 года партия большевиков захватила власть и была настроена ее удержать любой ценой. Было принято два фундаментальных решения: во-первых, любой ценой выйти из участия в мировой войне, во-вторых – раздать всю землю крестьянам (еще раз напомним, это было 80% населения). В результате началась гражданская война, которую большевики выиграли, не останавливались ни перед какими мерами. И красные, и белые и другие группировки – националисты, восставшие крестьяне вели себя очень жестоко⁹⁸.

Противоречия НЭПа

Александр Эрлих. Дискуссии об индустриализации в СССР, 1924-1928⁹⁹.

Александр Эрлих (1912, Петербург – 1982) – профессор Колумбийского университета.

Главный политический принцип большевистской партии состоял в том, что власть нужно удержать, чего бы это ни стоило, не поддаваясь ни «буржуазному гуманизму», ни «интеллигентской слабыхарактерности». Главным же идеологическим принципом было построение социализма – отмена частной собственности, национализация, установление государственного контроля и планомерное развитие.

«Военный коммунизм» поначалу возник почти сам собой. В условиях подавленной инфляции, всеобщих дефицитов и неизбежных конфискации рыночные механизмы приходилось заменять административно-распределительными. К таким мерам, независимо ни от какой идеологии, было вынуждено прибегать уже царское правительство, большевики же «приняли нужду за добродетель».

Однако скоро оказалось, что насилие имеет свои пределы. В частности, отбирать зерно у крестьян можно в течение какого-то времени, но по-

⁹⁸ Из семейной истории: В Зарайском уезде под Москвой крестьяне, у которых отбирали во время продразверстки зерно, подняли восстание (так называемые «зеленые»). В какой-то момент они поймали нескольких комсомольцев и зарыли живыми в землю. Потом красные поймали нескольких «зеленых», устроили суд и расстреляли их из пулемета.

⁹⁹ Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924-1928. – М.: Дело, 2010. В оригинале книга была опубликована в 1960 г.

том они просто перестают его сеять, и начинается голод¹⁰⁰. В 1921 году большевики ввели Новую экономическую политику (НЭП), вместо неограниченной *продразверстки* они стали устанавливать известный заранее *продналог* и разрешили крестьянам продавать остальное зерно. Кроме того, фабрики и заводы, которые были национализированы и управлялись назначенными партийными руководителями, отпустили на *хозрасчет*.

Период НЭПа, 1920-х годов исключительно интересен как «точка бифуркации», в сущности определившая развитие страны до сегодняшнего дня. Книга Эрлиха объясняет, по каким причинам политика НЭПа закончилась и почему возникла сталинская система – даже не сталинская экономика, а сталинский Советский Союз¹⁰¹. Эта книга вышла на английском в Америке 50 лет назад, в 1960 году, перевели ее в 2010 году. Она и сейчас производит большое впечатление.

Вот основные моменты книги:

- Институциональное устройство после революции
- Суть проблемы НЭПа
- Позиция «правых»
- Позиция «левых»
- Попытки синтеза
- Сталин
- Кризис
- «Окончательное решение»

К сказанному выше относительно общественного устройства страны после революции нужно добавить, что и предприятия и земля были национализированы (т.е. права собственности на землю не было), но земля была роздана крестьянам поровну – по количеству едоков или работников. Таким образом, произошло усреднение землепользования.

В руках большевиков был репрессивный аппарат, ЧК, который осуществлял реальный силовой контроль за жизнью населения. Советская власть была специфической формой, которая отрицала «буржуазный» принцип разделения властей. Считалось, что народ выбирает советы, ко-

¹⁰⁰ Островский Н.А. Как закалялась сталь (1932).

¹⁰¹ Заметим, что всё это еще раз подтверждает ту общую мысль, что действия людей и институциональные изменения происходят всегда по двум причинам. С одной стороны, возникают какие-то новые проблемы, напряжения. Соответственно, предпринимаются действия, направленные на их решение. А с другой стороны всегда существуют какие-то вызовы, появляются новые возможности, возникает представление, что что-то можно сделать лучше. Мы помним, что Петр I поехал в Европу и увидел, что жить можно совершенно по-другому. После этого его поведение определялось не только тем, что в России в это время были проблемы, но и тем, что он увидел другую жизнь.

торые обладают и исполнительной, и законодательной властью. При этом партия руководила советами. Во главе системы советов – председателем Совнаркома – был В.И. Ленин, который лично играл огромную роль, хотя формально в партии не было лидера, а было коллективное Политбюро. Когда вскоре Ленин заболел, а потом умер, между членами Политбюро началась борьба. В это время и отдельные лидеры и поддерживающие их группировки полемизировали в открытую, как внутри партии, так и публично в печати. Но одновременно секретариат партии начал прибирать власть к своим рукам. Этот процесс связан с именем И.В. Сталина – генерального секретаря партии. Поначалу эта должность имела буквальное значение – «главный секретарь», руководитель технической службы поддержки, который должен был обеспечить выполнение принятых решений. Однако постепенно Сталин выстроил то, что в наше время называется «аппаратной вертикалью» – иерархию из лично преданных ему людей, которые обеспечивают подчинение в текущем, «онлайновом режиме». Сталин был известен как «серость», которую партийные ораторы презирали, но таковым он был в их «публичном» смысле, а в своем аппаратном он был человеком гениальным.

После раздачи земли сельское хозяйство превратилось в множество мелких примитивных крестьянских хозяйств. Практически сохранилась община, а господствующей агротехникой было трехполье, которое в Европе существовало в IX веке при Каролингах. Хотя помещичьи земли были отданы крестьянам, производство зерна не росло. При этом возникла огромная проблема макроэкономической несбалансированности. Поскольку теперь эта земля фактически принадлежала крестьянам, то они никому не обязаны были за нее платить. Поэтому в виде налогов и в виде продаж они отдавали в 4 раза меньше зерна, чем до революции. Налоги составили примерно треть от дореволюционного уровня. Таким образом, с одной стороны, поток зерна из деревни в город сократился в 3-4 раза, а с другой – совокупный спрос крестьян увеличился, поскольку они стали зажиточней. И этот дисбаланс стал огромной проблемой.

Следует помнить, что ни теории Кейнса, ни науки макроэкономики и макроэкономической политики, ни даже понятия «совокупный спрос» в то время еще не было. Политики не умели обращаться с инфляцией, не говоря уже о том, чтобы думать в терминах мультипликатора или акселератора. Те люди, о которых сейчас будет говориться, подходили в своих дискуссиях к этим вопросам, но – только подходили¹⁰².

Это и было основной экономической проблемой НЭПа: макроэкономическое равновесие в России после революции было нарушено. Рост

¹⁰² Как и сам Кейнс, который в это же время написал книгу «Экономические итоги мирного договора» – имея в виду Версальский договор после Первой мировой войны.

спроса крестьян и сокращение налоговых поступлений происходили на фоне катастрофического падения предложения промышленной продукции. К 1920 году объем продукции промышленности упал в 8 раз, в 1924 г. составлял половину, в 1925 г. — $\frac{3}{4}$ от довоенного. Произошло уменьшение размеров капиталов, т.е. износ в промышленности, недоинвестирование, недоамортизация почти за 10 лет к этому времени. Потребление увеличилось, доля потребления в национальном доходе резко возросла за счет уменьшения как вынужденных, так и добровольных накоплений.

Для того, чтобы ликвидировать этот разрыв, необходимо было существенно увеличить производственные мощности в промышленности. Сначала в годы НЭПа восстанавливали и возвращали к производству те машины, которые уже были на предприятиях. Пока на заводах большая часть машин не использовалась, то можно было не инвестировать, а только восстанавливать старые предприятия. Но вот когда этот период — он назывался тогда «восстановительный» — подошел к концу, и начался «реконструктивный», то возник вопрос — где взять деньги и ресурсы на то, чтобы закрыть разрыв между новым спросом и имеющимися мощностями.

Баланс в экономике России был нарушен одновременно с двух сторон. Произошло уменьшение размеров капиталов, а доля потребления в национальном доходе резко возросла за счет как вынужденных, так и добровольных накоплений. Для того, чтобы ликвидировать разрыв между возможностями производства и размерами спроса, необходимо было существенно увеличить мощности, особенно промышленного сектора... Это, в свою очередь, требовало пропорционального увеличения выпуска оборудования... До тех пор, пока на действующих заводах большая часть мощностей не использовалась, решение этих задач могло откладываться. После завершения этого благоприятного периода их уже нельзя было игнорировать

По этому поводу возникли острые дискуссии между группами, которые получили название «правых» и «левых». К «правым» относились члены Политбюро Н.И. Бухарин и А.И. Рыков, бывший нарком финансов Г.Я. Сокольников, а также ряд специалистов, в первую очередь высокопоставленный сотрудник Наркомфина Л.М. Шанин. Главным идеологом «левых» был Е.А. Преображенский, также видный большевик, бывший председатель Совнаркома РСФСР.

Позиция «правых» состояла в том, что нужно постепенно развивать сельское хозяйство и легкую промышленность, инвестировать туда, где выше экономическая эффективность и где чисто экономическая отдача будет больше.

«Если накопление в промышленности в среднем расценивать, скажем, в 6% в год, то накопление в сельском хозяйстве можно исчислять в значительно большей цифре, скажем в 15%».

Если весь производимы крестьянскими хозяйствами прибавочный продукт постоянно вкладывать в сельское хозяйство, которое смогло бы расти несколько лет высокими темпами, и только затем перевести все накопленные инвестиции в промышленность, то общий эффект за весь период был бы гораздо больше, чем если бы этот излишек сразу направлялся бы в промышленность.

Позиция «левых» исходила из того, что

Поскольку запас капитала с годами уменьшался в результате недостаточной замены..., восстановление прекратится, не достигнув довоенного уровня.

«... на принудительные продажи без эквивалента идет гораздо меньшая сумма, чем до войны, а значит, на соответствующую сумму ... должен вырасти платежеспособный спрос крестьян на промышленные товары».

Поскольку спрос крестьян не удовлетворяется, «крестьянство не торопится продавать хлеб».

Отсюда «левыми» делался вывод, что необходим неэквивалентный обмен с целью перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность. Проблема недофинансирования промышленности, говорили они, — еще тяжелее, чем кажется, потому что произошла амортизация, и если сейчас (дело происходит в 1925 году) не вкладывать средства в промышленность, то крестьяне могут просто уйти с рынка. Вспомним, что крестьяне в это время часто еще ходили в лаптях и пахали сохой. Они могли удовлетворять свои минимальные нужды почти только за счет своего собственного производства, и в случае чего «уйти с рынка» и не покупать продукцию промышленности, особенно по завышенным ценам. «Левые» делали вывод, что нужно фактически экспроприировать, как-то перекачивать средства из деревни в город. Они предлагали это делать за счет протекционистских действий: завышать цены на промышленные товары, занижать на сельскохозяйственную продукцию. Или же использовать для этой цели регулирование экспорта и импорта за счет монополии внешней торговли, которая была введена большевиками. Импортировать оборудование, необходимое для восстановления и перестройки промышленности, и не впускать в страну потребительский импорт. Для этого нужно было каким-то образом получать от крестьян зерно, чтобы его экспортировать. Конечно, они понимали, что крестьяне могут быть недовольны, и может возникнуть проблема с получением этого зерна сверх какого-то минимума. Но они не могли предложить никакого решения.

Технократы В.А. Базаров и В.Г. Громан работали в Госплане. Они пытались найти выход из этой дилеммы. В двух словах, смысл их очень

интересных рассуждений сводился к тому, что нужно вести очень взвешенную экономическую политику и политику инвестиций с тем, чтобы минимизировать средства, которые нужно вкладывать в промышленность, и максимизировать результаты от деятельности тех отраслей, которые существуют. Но, собственно, какой инструмент может это сделать, может обеспечить эффективность? Таким инструментом является рынок, поэтому такие рассуждения не могли не вести Базарова и Громана к подчеркиванию необходимости свободного рынка. Следует сказать, однако, что они также хорошо понимали, что рынок не способен разрешить крупные диспропорции, которые в этот момент возникли. Поэтому они считали, что крупные политические решения о масштабных структурных изменениях должны быть предметом планирования, но при этом нужно широко применять рыночные методы.

Позиция И.В. Сталина была в высшей степени интересна и показательна: он отмалчивался, он занимался пиаром. До 1927 года он говорил политически правильные слова в зависимости от того, кто был его политическими союзниками – а его союзниками до 1927 года были как раз правые. Поэтому он боролся с левыми, которые были троцкистами, сторонниками Л.Д. Троцкого. Картина была не одномерная, а двумерная – с одной стороны, были правые и левые в экономике, с другой – правые и троцкисты-левые в политике. Сталин поддерживал правых, которые были одновременно правыми и в политике, и в экономике – Бухарина, Рыкова и других. Он не отмежевывался, он мягко поддерживал их предложения вроде так называемой «ситцевой индустриализации», постепенной раскрутки экономики через развитие легкой промышленности и сельского хозяйства, но он это делал очень осторожно и без эксцессов. Когда Бухарин выдвинул свой достаточно сомнительный лозунг «Обогащайтесь!», то, естественно, Сталин под этим не подписывался. И параллельно он строил аппаратную вертикаль. Он расставлял своих людей, боролся со своими противниками, занимался демагогией. Вместо того, чтобы побеждать на диспутах, он вытеснял своих противников методами подковерной борьбы. Когда же к 1927 – 1928 гг. он смог отправить троцкистов в ссылку, это освободило для него левое поле экономической политики. Он уже не должен был отмежевываться от идей левых – они были сосланы в Казахстан и потом за границу.

Вплоть до конца 1927 г. высказывания генерального секретаря по спорным вопросам экономической политики демонстрировали такое твердое желание быть безгрешным и следовать пословице «и волки сыты и овцы целы», что на первый взгляд было невозможно понять ни самих проблем, ни его отношения к ним.

Но затем почти одновременно с политической победой Сталина над левыми возник экономический кризис. Получилось вот что: в 1927 – начале 1928 года случился плохой урожай зерновых, при этом для других отраслей сельского хозяйства год был удачный. Поэтому крестьяне, когда у них потребовали продавать по фиксированной государством заниженной цене зерно, которого уродилось мало, просто не стали этого делать. Они сдали какое-то количество зерна как налог (который исчислялся в натуральных показателях – в килограммах, пудах или центнерах), но то количество зерна, которое государство намеревалось у них купить по стабильным ценам, они не продали. При хорошем урожае других культур у них в этот момент было всё в порядке с деньгами, и они прекрасно могли обойтись. Но для государства экспорт зерна был основой для импорта машин, для всей индустриализации (хотя индустриализация еще полностью и не развернулась). И тогда власть устроила принудительные заготовки. Сам Сталин объехал Сибирь, посадил в тюрьму много людей, переснимал начальство. На это крестьяне ответили весной тем, что стали меньше сеять. И тогда стало понятно, что ситуация неконтролируемая, что большевики сидят на пороховой бочке, которой они управлять не могут.

В начале 1928 г. большое количество левых «сверхиндустриализаторов» отправились в отдаленные места ссылки. Но в то же время стали сбываться их пугающие пророчества. К январю количество зерна, собранное государственными заготовительными организациями, было примерно на треть ниже уровня прошлого года. В ходе последующих месяцев этот уровень заготовок возрос, но весной вновь снизился; методы репрессий и насильственных конфискаций, которые во многом обеспечили этот временный подъем, вновь возбудили чувства горечи и сопротивления... Товарный голод 1925 г. повторился в гораздо большем масштабе, и уже не было сомнений по поводу его значения; советский крестьянин при попытках заставить его отдавать больше в обмен на меньшее был готов и имел возможность уйти с рынка

Вот как выглядела эта ситуация: политика умеренных темпов роста, которая усилила бы позиции зажиточных слоев деревни, сделала бы для государства (т.е. для большевиков) неизбежным балансирование между разными группами населения. Власть должна была бы балансировать между зажиточными слоями в деревне и непослушными радикалами в городах. Ведь недостаток зерна, нехватка товарного зерна означала плохую жизнь в городах. Она означала конфликт с пролетариатом, который считался основой этой власти. И если бы в деревне всё шло нормально, и этот курс продолжался бы, режим оказался бы в проигрыше в результате не только возможных провалов, но и успехов. Альтернативой же такому отступлению, которое вело к эрозии системы, было

массированное контрнаступление, которое раз и навсегда уничтожило бы возможность того, чтобы крестьяне накладывали вето на решения экономической политики.

В итоге Сталин предпринял совершенно новую меру, которая называлась коллективизация.

Можно много рассуждать о том, был ли другой выход или его не было. Но факт состоит в том, что имела место ситуация масштабного структурного дисбаланса, который проявлялся как разрыв между поведением деревни и поведением города. Этот разрыв возник в результате скачкообразного институционального изменения во время революции, когда крестьяне получили землю – и тем самым получили право голоса. С другой стороны, власть, которая была организована на базе этого «ордена меченосцев», как называли партию большевиков, тоже имела некоторые институциональные рычаги, которыми она умела пользоваться. Эти рычаги были репрессивно-военного характера, и с помощью этих инструментов власть решила возникшую проблему. Правда, решила ее на тот момент, и создав новые. В виде неэффективности сельского хозяйства или же в каком-то другом измененном виде эти проблемы существовали с тех пор в нашей стране всегда и существуют до сих пор. И это будет лейтмотивом всего дальнейшего рассказа.

Коллективизация

*Данилов В.П. Коллективизация*¹⁰³.

Виктор Петрович Данилов (1925 – 2004) – русский историк – аграрник.

Ключевой момент возникновения сталинской системы – это коллективизация. Здесь я буду основываться на статье Виктора Петровича Данилова. Это далеко не самая известная его работа. Данилов в своей области человек совершенно выдающийся, пожалуй главный знаток коллективизации, доколхозной и колхозной деревни, подробно писавший на эти темы. Последнее, что он делал уже после развала СССР – издавал документы по истории советской деревни, в том числе огромную книгу «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939» в 5 томах.

¹⁰³ Данилов В.П. Коллективизация // www.rus-lib.ru/book/35/16/355-400.html

Итак, конкретное начало коллективизации было связано с обстоятельствами заготовки зерна осенью 1927 года:

Трудности на хлебном рынке осенью 1927 года были результатом несколько снизившегося урожая зерновых и очень хорошей ситуации в производстве технических культур и животноводческой продукции. Крестьянин, особенно зажиточный (кулак тем более), легко «обернулся» с текущими денежными расходами без реализации хлеба, придержал его до более высоких зимних и весенних цен. Но на этот раз в ход были пущены чрезвычайные меры, означавшие фактический отказ от нэпа: установление твердых (пониженных по сравнению с рыночными) цен, закрытие рынков, привлечение к судебной ответственности в качестве спекулянтов крестьян – владельцев товарных запасов хлеба, проведение обысков и т.п. Тон был задан сталинской поездкой по округам Сибирского края в январе 1928 года. Во время этой поездки были сняты с работы и подвергнуты разным наказаниям десятки и сотни местных работников за «мягкотелость», «примиренчество», «срастание» с кулаком и т.п. Волна административных репрессий по отношению к партийным, советским и кооперативным работникам на местах прокатилась и по другим районам страны. На Урале, например, в эти месяцы было отстранено от работы 1157 человек. Опасение репрессий толкало многих на путь выполнения заданий любой ценой, не останавливаясь перед произволом и насилием.

Под давлением непосильных заданий по хлебозаготовкам, особенно в «кампании» 1928/29 года, местные организации становились на путь полавальных обысков и арестов, у крестьян часто изымались не только хлебные запасы, но и семенное зерно, скот и инвентарь, даже имущество ... Волна массового недовольства прокатилась по районам хлебозаготовок уже весной 1928 года. Во многих местах были отмечены демонстрации крестьян в городах, случаи прямого обращения делегаций из села к шефским организациям на промышленных предприятиях, учтено около 150 массовых выступлений на Украине, на Северном Кавказе, в Сибири, Казахстане и других районах. Казалось, эти факты были учтены июльским Пленумом ЦК ВКП(б), подтвердившим сохранение нэпа и запретившим применение чрезвычайных мер. Однако «чрезвычайщина» (как на условном языке стали именовать насилие) на заготовках хлеба в дальнейшем приобретала все более широкие масштабы. И в 1929 году было зарегистрировано уже до 1300 «кулацких» мятежей.

Власть пришла к выводу, что с этой ситуацией нужно что-то делать, что терпеть такое положение нельзя. Решение нашли в форме коллективизации. Коллективизация поначалу, до осени 1929 года, все-таки была полудобровольная. Сохранялась система «добровольной» сельскохозяйственной кооперации. Первичные торгово-кредитные формы кооперации охватывали

в это время около 50% крестьянских хозяйств, простейшие производственные объединения (машинные, семеноводческие, мелиоративные и т.п.) – 17–18%, а колхозы – 6–7%. В 1928–1929 годах резко возрастают масштабы государственной помощи колхозам – кредитование и снабжение машинами и орудиями, налоговые льготы, передача лучших земель. Первый пятилетний план (апрель – май 1929 года) предполагал, что к концу 1933 года нужно объединить в колхозах 18–20 процентов крестьянских хозяйств. Колхозное движение при этом опиралось бы на массовое развитие простейших форм кооперации, колхозы должны были входить в систему, включавшую более простые формы – кредитную кооперацию, сбытовую кооперацию. Эта система уже была достаточно развита, а за пятилетку намечалось кооперировать до 85 процентов крестьянских хозяйств.

Но дальше политика резко изменилась. 1929 был назван «годом великого перелома». В январе 1930 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Зерновые районы должны были завершить коллективизацию «осенью 1931 г. или во всяком случае весной 1932 г.». Людей стали насильно загонять в колхозы.

Последствием насилия при создании колхозов стало массовое недовольство и открытые протесты крестьян, вплоть до антисоветских вооруженных выступлений. С начала января до середины марта 1930 года их было зарегистрировано около 2000. Истребление скота приобрело массовый характер и наблюдалось уже повсеместно.

Люди протестовали, но самое главное – не хотели отдавать в колхозы ни скот, ни инвентарь, ни инструменты. Ломали вещи и резали скотину, считая, что лучше поедят мяса, чем отдадут в колхоз.

В ответ на это начались репрессии. Это называлось «раскулачивание». Было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Оно предлагало провести конфискацию у кулаков средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и семенных запасов.

Раскулачиваемые делились на три категории: к первой относились участвовавшие в антисоветских и антиколхозных выступлениях – «контрреволюционный актив» (они сами подлежали аресту, а их семьи – выселению в отдаленные районы страны); ко второй – «крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации» (их вместе с семьями выселяли в отдаленные районы); к третьей – «остальная» часть кулаков (она подлежала расселению специальными поселками в пределах тех же административных районов).

Количество пострадавших определить трудно:

Точные данные имеются лишь о численности кулацких семей, высланных в отдаленные районы страны: по подсчетам специальных комиссий ЦКК ВКП(б), в 1930 году она составила 115 231, в 1931-м – 265 795. За два года, следовательно, были выселены на Север и Урал, в Сибирь и Казахстан 381 тысяча семей. Известная часть кулацких семей (200–250 тысяч) успела «самораскулачиться», то есть ликвидировать или просто бросить свое имущество и бежать в города, на стройки. Примерно таким же был результат раскулачивания 400–450 тысяч семей третьей категории, поскольку расселить их отдельными поселками в пределах краев и областей прежнего проживания не было никакой возможности. В 1932–1936 годах широкие кампании раскулачивания не проводились. Общее число хозяйств, ликвидированных в качестве кулацких за эти годы, как считается, составило около 100 тысяч. В сумме эти цифры превысят миллион хозяйств (примерно 4–5 процентов).

Кроме собственно репрессированных было еще огромное число людей, которые бросали свой дом и образ жизни, уезжали в города и пытались там как-то устроиться. Это было время перенаселенных коммунальных квартир, где в одной комнате могло жить несколько семей, и время домработниц.

Но, пожалуй, самым страшным эпизодом коллективизации стал так называемый «голодомор». В 1932 – 1933 году уже побеждающая советская власть железной рукой организовала закупки – или, вернее, поставки зерна, – и возник знаменитый голод, который оценивают в 4 – 7 миллионов человек погибших.

Приведу цитату, которая, возможно, в какой-то степени позволяет оценить масштаб этой трагедии. Как пишет в своих мемуарах Уинстон Черчилль, во время войны он спросил Сталина, переживает ли он теперь самый тяжелый период в своей жизни. На что Сталин ответил – нет, во время коллективизации было хуже. То есть, они – большевики, советская власть – воспринимали коллективизацию как исключительно грязное и тяжелое, но неизбежное дело. Были ли они правы, я не знаю. Но факт состоит в том, что институциональная система страны стала другой.

Была создана колхозно-совхозная система. Каждый человек в деревне был или членом колхоза или рабочим совхоза. Теоретически считалось, что колхоз – «коллективное хозяйство» – это кооператив, у которого есть члены. Совхоз – что означает «советское хозяйство» – считался государственным предприятием, на котором люди работают как рабочие. Фактически между колхозами и совхозами была некоторая разница, состоявшая в том, что в совхозах была небольшая, но постоянная зарплата. В колхозах же оплата велась по так называемым *трудодням*, т.е. каждому колхознику

отмечали количество дней, которые он отработал, а потом то, что у колхоза оставалось в конце года после обязательных поставок государству, делили на эти трудодни. Оставалось обычно немного.

Была введена система обязательных поставок сельскохозяйственной продукции колхозами государству, имевших силу и характер налога. Цены по поставкам были, естественно, фиксированные, не имеющие отношения ни к какому рынку, и очень низкие. Параллельно складывалась система директивного планирования колхозного производства.

Еще нужно помнить, что люди, которые жили в деревнях, не имели паспортов, то есть они не могли оттуда уехать:

Введение паспортов для всего населения страны, кроме колхозников, лишило их возможности свободного перемещения – и территориального и социального, связанного со сменой занятий. На деле это означало юридическое прикрепление крестьян к колхозам, придавало их труду принудительный характер.

Это было новое крепостное право. Мальчики могли уходить в армию, и проводы в армию были радостным событием, потому что после армии человек получал паспорт и мог остаться в городе. В принципе можно было получить – выпросить – паспорт и живя в деревне, но это всегда было проблемой.

Очень важно понимать, что у всех в деревне были участки – так называемое «личное подсобное хозяйство», ЛПХ. Размер их составлял примерно соток 20 у каждой семьи (1 сотка = 100 кв. метров = 1/100 гектара), и это был важнейший источник жизнеобеспечения. Кроме работы в колхозе (совхозе) крестьяне получили возможность производить продукты для себя. Работа в колхозе и совхозе таким образом представляла собой барщинную систему. В колхозе работали за трудодни, но в остальное время можно было работать на своем огороде.

Результатом коллективизации был масштабный кризис:

Валовые сборы зерна в 1933 году уменьшились до 684 миллионов, в 1934 году – до 676,5 миллиона центнеров. При возросших государственных заготовках (соответственно до 234 миллионов и 268 миллионов центнеров) это означало сохранение в деревне полуголодного существования. Поголовье скота по СССР превысило уровень 1928 года лишь в 1958 году.

Кризис коснулся не только крестьян. В 1930-е годы люди в городах получали еду по карточкам. Затем постепенно началось восстановление:

Восстановление сельскохозяйственного производства началось в 1935–1937 годах, когда стали подниматься урожаи, в частности выросли валовые

сборы зерна, хотя в целом за вторую пятилетку (1933–1937 годы) они были ниже, чем за первую: 729 миллионов центнеров против 735,6 миллиона центнеров. С этого времени возобновился рост поголовья скота, поднялась оплата труда колхозников. С 1 января 1935 года были отменены карточки на хлеб и другие продукты, введенные в 1929–1930 годах.

В зерновом же хозяйстве произошла настоящая революция. Были созданы МТС – машинно-тракторные станции. Колхозы были поначалу довольно небольшие, и МТС предоставляли услуги по обработке земли нескольким окрестным колхозам и совхозам.

Начали сказываться результаты технического перевооружения сельского хозяйства. В 1937 году система МТС обслуживала 9/10 колхозов.

За исключением производства зерна, колхозно-совхозное сельское хозяйство было не слишком эффективным. Еще раз нужно подчеркнуть, что советская аграрная экономика – и сельская жизнь вообще – была симбиозом, неразрывным единством колхозно-совхозного сектора и ЛПХ, личных подсобных хозяйств. В 1930–1953 годах, в сталинский период, подсобное хозяйство было главным источником существования для колхозников. Речь шла об очень небольших участках:

«Примерный устав сельскохозяйственной артели», принятый в 1935 году на Всесоюзном съезде колхозников-ударников, определял размеры приусадебной земли, находившейся в личном пользовании колхозного двора – от 1/4 до 1/2 га (в некоторых районах до 1 га). Определялось и количество скота, которое можно было содержать в личном хозяйстве колхозника. Для районов I группы Западно-Сибирского края, например, нормы скота были таковы: 1 корова, до 2 голов молодняка, 1 свиноматка, до 10 овец и коз.

По нашим нынешним дачным понятиям это довольно много, наши дачные участки чаще всего имеют размер 6 – 12 «соток», т.е. 0,06 – 0,12 га, но нужно помнить, что тогда речь шла о том, чтобы жить и питаться с этой земли. Несмотря на эти ограничения, сектор ЛПХ производил четверть валовой продукции сельского хозяйства СССР. Его эффективность была гораздо выше, чем у общественного (кроме чисто зернового).

В качестве заключения приведем цитату из книги Евгении Серовой «Аграрная экономика»¹⁰⁴:

В рамках централизованно планируемой экономики Советского Союза было создано явление, дотоле не известное мировой экономической практике, – государственное сельское хозяйство. В тот или иной исторический

¹⁰⁴ Серова Е.В. Аграрная экономика. – М.: ГУ ВШЭ, 1999. – 478 с.

период в той или иной стране мощный государственный сектор мог существовать почти в любой отрасли национальной экономики, но в сельском хозяйстве такое практически не встречалось.

Сталинский СССР

Захватив страну в 1917 году, большевики установили диктатуру. Тем не менее, на протяжении 1920-х годов можно было говорить об объективной реальности, с которой им приходилось считаться и бороться. В первую очередь природной стихией был крестьянский мир. Покорив его, они постарались истребить и другие проявления независимой жизни – в культуре, отчасти – в науке, в самой партии.

Теперь большевики получили возможность переустраивать страну, конструировать ее, создавать новую жизнь. Господствующим стилем стало жесткое управление по конкретным параметрам – это мог быть план по гайкам, создание нового самолета или строительство канала. Инструментом же стало совершенно невиданное ранее манипулирование большими группами людей, более того – создание резко различных режимов жизни и перемещение людей из одного режима в другой, причем не только физически, но и ментально, с переключением их сознания.

Людей переселяли, высылали, арестовывали. Не обязательно из-за вины, а, например, по социальному происхождению, либо из-за их возможного в силу каких-то причин поведения, по национальному происхождению. Но совершенно не это было главным. Это была такая совершенно беспощадная организационная техника, которая рассматривала человека как материал. Например, когда нужно было обеспечить разработку какой-то инженерной проблемы, то человека могли арестовать и отправить в тюремное конструкторское бюро просто потому, что так было удобнее.

Одного из ведущих авиаконструкторов, вызвали к начальству и спросили – какие специалисты из известных конструкторов ему нужны для выполнения некоторой работы? Он написал список, и на следующий день все они были арестованы и отправлены под его начало в виде тюремного конструкторского бюро (это неофициально называлось «шарашка»). Так же некоторое время работал Королев, в такой «шарашке» работал Солженицын.

Но точно так же человека могли и наградить, создать за его заслуги какую-то отдельную фантастическую жизнь. Имеется много примеров, когда вчерашнего заключенного вдруг самолетом доставляли в Москву, и на следующее утро он уже был директором института или генералом. Это была техника управления, в каком-то смысле очень эффективная. Кто-то

написал, что это был одновременно и животный страх, и сверхэнтузиазм. У людей было ощущение, что любые проблемы решаются и перед ними открыты огромные перспективы.

Известный востоковед Г.И. Мирский по случаю годовщины смерти Сталина задал недавно вопрос: «И все же – почему их расстреливали?»¹⁰⁵. Его объяснение следующее:

(Я) вспоминаю разговор с заместителем министра иностранных дел СССР Владимиром Семеновым у него на квартире в знаменитом «доме на набережной» в 70-х годах, когда я удивился, увидев на стене портрет Сталина. «Да, – сказал Семенов, – я и не отрицаю: я птенец гнезда Петрова, я всем обязан Сталину. Я, как и Громыко, и другие, был простым инженером, а когда Сталин почистил кадры Наркоминдела, нас выдвинули на дипломатическую работу, и вот я – замминистра». В этом все дело: в тридцатые годы произошла невиданная по масштабу замена кадров, и ключевые позиции повсюду заняли люди, всем обязанные лично Сталину, и в их преданности можно было не сомневаться. Колоссальные вакансии возникли.

Здравоохранение «по Семашко»

Здесь я хочу рассказать об одном из бесспорных успехов сталинской организации – советской системе здравоохранения. Во всем мире ее называют «здравоохранение по Семашко», хотя у нас так говорить не принято. В определенной степени это условное название, сам Н.А. Семашко был наркомом здравоохранения не тогда, когда советская медицина одержала свои главные победы, а несколько раньше.

Основные принципы советского здравоохранения хорошо всем известны:

- Государственный характер здравоохранения: централизация управления, государственное финансирование и планирование, бесплатная и общедоступная медицинская помощь всему населению страны.
- Очень четко выдержанное профилактическое направление, проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение развития заболеваний.
- Участие населения в здравоохранении, санитарное просвещение и санитарная культура.
- Единство медицинской науки и практики здравоохранения.

Участие населения в здравоохранении было важно особенно поначалу, когда большинство людей были неграмотные, а врачей было мало. То-

¹⁰⁵ Мирский Г.И. Все же – почему их расстреляли? [Электронный ресурс] : Радио эхо Москвы // http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1027608-echo/

гда усиленно привлекали население к различным медицинским мероприятиям. Потом эта деятельность постепенно превратилась в санитарное просвещение и насаждение санитарной культуры.

Мысль о единстве науки и практики для нас тоже очень привычна. В условиях тех лет этот принцип наиболее ярко проявился в борьбе с эпидемиями и массовыми заболеваниями. Рассказывают такой пример: где-то в Средней Азии обитали какие-то черви-паразиты, которые замучили местное население. Приехали ученые, провели исследование и поняли, что этот паразит проходит цикл развития, перемещаясь через цепочку из нескольких «хозяев»: предположим, сначала заражается собака, от собаки личинка переходит к свинье, от свиньи к рыбам, а уже потом заражается человек, который купается в пруду. При этом водоем считался священным, и там полагалось совершать ритуальные купания или омовения. Тем не менее, чтобы разорвать этот круг развития паразита, советская власть поставила солдат вокруг этого водоема, которые туда целый год никого не пускали. После этого данный паразит просто перестал существовать в природе, проблему решили в принципе. Надо сказать, что таких примеров существует довольно много.

Организационно здравоохранение было устроено следующим образом. Во главе стояло министерство. Ему подчинялись:

- Санитарно-эпидемиологическая служба.
- Система медицинского образования.
- Исследовательские институты.
- Система оказания медицинской помощи.

Санитарно-эпидемиологическая служба существовала как отдельная вертикаль, она не подчинялась какому-нибудь местному градоначальнику. Конечно, первому секретарю территориального комитета партии подчинялись все, но по-разному и в разной степени. Санитарно-эпидемиологическая служба была исключительно эффективна и практически полностью контролировалась из Москвы. Например, в Подмосковье для того, чтобы открыть весной пионерский лагерь на 24 километра выше того места по течению Москвы-реки, где на водопроводной станции берут питьевую воду, нужно было ходить «на поклон» к санитарному врачу этой станции и доказывать ему, что лагерь реку не загрязнит. А в окрестностях 2-3 километров около этого водозабора ходили милиционеры и никому не разрешали там даже находиться. Сейчас ничего этого, конечно, нет в помине.

Санитарно-эпидемиологическая служба занималась контролем над инфекционными заболеваниями, она обеспечивала прививки, имела эпидемиологические лаборатории, обеспечивала (как и сейчас) безопасность продуктов питания и проводила инспекции столовых, кафе, ресторанов.

Но никакая медицинская служба не занималась формированием здорового образа жизни в нашем нынешнем понимании. То есть объяснять людям, что нужно не набирать излишний вес, двигаться, следить за артериальным давлением и т.д. – все такие вещи, ориентированные на человека, в этой системе выпадали. Вообще эта система была идеальна для того, чтобы бороться с инфекционными болезнями. Правильнее сказать даже – чтобы бороться с болезнями, а не лечить больных. Между болезнью и больным есть разница, которая особенно хорошо видна, когда речь идет об инфекционных болезнях. Инфекционная болезнь – это, можно сказать, популяция микробов или вирусов – каких-нибудь холерных вибрионов или туберкулезных палочек – и с ними можно бороться, не обращая особенно внимания на больных людей. Хотя и несколько преувеличивая, можно сказать, что целью, тем не менее, является скорее борьба с палочкой, а не здоровье конкретного человека. И вот эту задачу советская система здравоохранения блестяще решала.

Медицинские институты подчинялись двум министерствам – здравоохранения и высшего образования. Кроме нескольких центральных институтов, они чаще всего не имели своих клиник и пользовались не своей клинической базой. Напротив, исследовательские медицинские институты были одновременно и клиниками (как, например, онкологический центр). Были и есть специализированные больницы. Были диспансеры, которые образовывали отдельную вертикаль – так же, как санэпидстанции. Диспансеры были противотуберкулезные, венерологические, психиатрические, наркологические и онкологические; при диспансерах были и есть больницы. Далее, действовали взрослые и детские поликлиники, а в сельской местности районные больницы общего профиля и амбулатории. Собственно говоря, почти все элементы этой системы в наше время сохраняются.

Вот достигнутые результаты¹⁰⁶:

- В чрезвычайно короткий срок в стране были ликвидированы особо опасные инфекции: холера (к 1923 году), оспа и чума (к 1936 году)
- В стране не было массовых эпидемий даже во время Великой Отечественной войны – небывалый факт в истории войн.
- В послевоенный период были ликвидированы тифы (брюшной, сыпной, возвратный), значительно снизилась заболеваемость желудочно-кишечными инфекциями и трахомой; к 1960 году практически была ликвидирована малярия.
- Структура заболеваемости существенно изменилась: инфекционные болезни отступили и на первый план вышли сердечно-сосудистые и злокачественные заболевания.

¹⁰⁶ Сорокина Т.С. История медицины // <http://www.bibliotekar.ru/423/35.htm>

По впечатлениям иностранца, который приехал в 1987 году в Ленинград¹⁰⁷:

Советское здравоохранение несколько отстает от западных стандартов. Современные медицинские технологии, возникшие на Западе в последние десятилетия, не вошли в советскую систему. Конкретнее, блоки интенсивной терапии, мониторинг гемодинамики, техники лечения сердечно-сосудистых заболеваний и микрохирургия, методы компьютерной диагностики – если назвать только некоторые направления – не стали частью повседневной практики советского здравоохранения... Эта ситуация напоминает положение в США после Второй мировой войны.

Советскую медицину следует оценивать, сравнивая с ее прошлым, а не с сегодняшними западными стандартами здравоохранения. С этой точки зрения русские могут гордиться постоянными улучшениями. Основной акцент в Советском Союзе – на предоставление общедоступной бесплатной медицинской помощи, и, во всяком случае, судя по Ленинграду, эта цель достигнута.

Как пример оценки советской системы здравоохранения с точки зрения сегодняшнего дня можно привести анализ, который содержится в докладе, подготовленном в 1999 году в рамках американской помощи Казахстану. Целью доклада, составленного американскими специалистами по организации здравоохранения, была разработка практических рекомендаций по реформе здравоохранения республики. Одно из замечаний этого доклада состоит в том, что имеет место перекос в больничную сторону, и что такая «индустриальная» организация экономически неэффективна. Если же говорить о принципах построения здравоохранения, то интересное другое замечание – о том, что сверхспециализация приводит к тому, что для решения каждой проблемы приходится создавать специальное лечебное учреждение. Как пример, упоминается строительство центров СПИДа отдельно от кожно-венерологического диспансера. По мнению авторов доклада, такая сверхспециализация нежизнеспособна¹⁰⁸. Не будучи специалистом, трудно оценить справедливость этой критики. Тем не менее кажется, что узкая специализация – это свойство системы, нацеленной на лечение болезни, а не на вылечивание больного, поскольку больной может страдать не только от СПИДа, но у него может еще множество других проблем со здоровьем.

¹⁰⁷ Friedenberг, D. S. Soviet health care system. – Western Journal of Medicine, v.147(2); Aug 1987-<http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1025801/?page=1>

¹⁰⁸ Концептуальная основа модели реформы здравоохранения стран Центральной Азии: сборник материалов. – Алматы: ABT ASSOCIATES INC., 1999.

Многоуровневая экономика

Ю.В. Яременко. Структурные изменения в социалистической экономике¹⁰⁹.

Юрий Васильевич Яременко (1935 – 1996) – советский и российский учёный-экономист.

Яременко был не только очень известным человеком, академиком, дослужившимся до высоких советских научных постов, но и одним из очень немногих советских экономистов, предложивших свою совершенно оригинальную картину мира и свое понимание экономики. Это понимание практически не имеет ничего общего с идеями обмена, равновесия и «невидимой руки», без которых, казалось бы, экономическую науку невозможно представить.

К сожалению, ему не дали назвать эту книгу так, как он хотел: «Многоуровневая экономика». Речь в ней идет про экономику, которая нацелена на быструю модернизацию. Это экономика, цель которой – не получение прибыли, не получение эффекта, не удовлетворение спроса. Цель этой экономики – быстрое расширение современного сектора, современного производства.

Основным, исходным понятием выступает у Яременко *качественный уровень ресурсов*. Для простоты он говорил про два уровня, хотя на самом деле их много. Два уровня – это *качественные* и *массовые* ресурсы. Экономика, которая действует в ситуации, когда современных ресурсов – станков, рабочей силы, материалов и т.д. – мало, исходит из того, что их нужно экономить и как можно эффективнее использовать. Экономя качественные ресурсы, на всё остальное можно «махнуть рукой» и тратить их столько, сколько есть. За счет этого нужно обеспечить быстрое расширение этого современного сектора. Понятия «Современный сектор» и «качественные ресурсы» здесь синонимы.

Следующее понятие – *приоритетность*. Если предприятия выпускают качественную продукцию, то они имеют высокий уровень приоритетности, если же они выпускают массовую продукцию – то низкий уровень.

Предприятия не только относятся к разным секторам – современному приоритетному или массовому неприоритетному. Внутри себя они имеют тоже неоднородную структуру: поскольку качественных ресурсов мало, то предприятия устроены как пирамида. На каждом из предприятий

¹⁰⁹ Яременко Ю.В. Структурные изменения в социалистической экономике. – М.: Мысль, 1981. – 300 с.

есть один или два цеха, где работают качественные ресурсы – станки, высококвалифицированная рабочая сила, там хорошая организация, чистота и т.д. Они вырабатывают какую-то современную продукцию. Эти два цеха образуют качественное *ядро предприятия*. Обеспечением ядра занимается *периферия предприятия* – огромное количество людей с тачками, фигурально говоря. Сюда относятся транспортные службы, где – особенно в 1930-е годы – детали могли возить на телегах. Заключенные, которые дровами топили печки, могли бесплатно обеспечивать отопление. Так же было организовано строительство – короче говоря, это могло быть всё, что угодно и в любом количестве, тогда этих ресурсов было не жалко, и никто не считался ни с какими затратами.

За счет излишнего вовлечения массовых ресурсов происходит *компенсация* того, что качественных ресурсов мало – и всё это происходит до тех пор, пока запас массовых ресурсов не исчерпывается. Уголь и руда уже не лежат на поверхности, все ближайшие леса вырублены, избыточного населения уже нет. Тогда начинается, наоборот, *замещение* массовых ресурсов качественными – то, что раньше было иногда просто уголовным преступлением. Теперь же начинают применять качественные ресурсы для того, чтобы высвободить массовые. Исторически это происходит после 1950-х годов – в экономике начинается «кругообразное движение», когда не только массовые ресурсы используют для компенсации отсутствия качественных, но и наоборот.

Для этой экономики характерен особый способ выбора технологий и организационных форм. Предпочтительными являются такие технологии, которые позволяли бы в максимальной степени использовать избыточные ресурсы. Отсюда – широкое использование ручного труда. Также предпочтительным оказывается использование стандартизованных машин и механизмов среднего технического уровня: такие машины можно перебрасывать с места на место. Экономика ориентируется на легко доступные природные ресурсы, их расходуют «без счета» и не задумываясь ни о каких экологических последствиях. Это экономика с высоким удельным весом добывающих отраслей, повышенной потребностью в энергии, повышенной потребностью в капитальных вложениях и с высокой долей транспортных расходов. Никто всего этого не экономил и не считал.

Важную роль играет принцип универсальности. Поскольку предприятие устроено как маленькое ядро, вокруг которого расположены обеспечивающие службы, то эти обеспечивающие службы применяют неспециализированные технологии, основанные на использовании универсальных станков, универсальных транспортных средств и т.п. В стране проще наладить выпуск, скажем, трех типов грузовиков, которые везде можно использовать, а не проектировать их специально под какие-то отдельные потребности. За счет принципа универсальности сужался круг потребителей

дефицитного сложного оборудования, сокращался спрос на квалифицированную рабочую силу, продукция становилась дешевле за счет массового производства. Кроме того, решалась проблема переброски ресурсов, так как они все были универсально применимы.

Интересный специальный момент был связан с тем, что можно было не считаться с транспортными затратами. Каждое предприятие было включено в две системы связей. Первая – система связей по качественному уровню. Связанные между собой предприятия одного уровня могли быть разбросаны по всему Советскому Союзу. Из Донбасса полуфабрикаты могли везти, скажем, в Новосибирск, а потом для следующего этапа обработки продукцию перебрасывали в Крым и т.д. Это была кооперация по качественному слою. В то же время предприятие было включено в систему местных отношений – точнее, в систему местных отношений до некоторой степени была включена *периферия* предприятия. Однако в целом все же имела место относительная хозяйственная обособленность предприятий. На уровне качественного ядра в производственных связях преобладали одноуровневые контакты. На территориальном же уровне предприятие устанавливало связи либо с другими предприятиями того же уровня, либо обеспечивало себя само. Никакого аутсорсинга практически не было, сформировался специфический тип комплексных предприятий, которые имели сложную многоцеховую структуру, включая основные производства плюс заготовительные производства, ремонтно-вспомогательные производства, цехи непрофильной продукции, транспортные и энергетические службы, складское хозяйство и т.д. У предприятий были даже собственные совхозы, где выращивали сельскохозяйственную продукцию. Качественному уровню основной продукции соответствовало только несколько центральных цехов технологического ядра. Следствием являлась диверсификация. Поскольку на каждом крупном предприятии был представлен почти полный набор отраслей, то кроме основной продукции выпускали и какую-нибудь непрофильную.

Понятно, что для такой экономики характерны весьма высокие издержки деспециализации и издержки, связанные с повышенными затратами массовых ресурсов. Кроме того, постоянным явлением был дефицит. Дефицит качественных ресурсов был следствием того, что их было просто физически мало, это был структурный дефицит. Если, предположим, на всю страну был всего один станок, позволяющий делать некоторые детали, то этих деталей было столько, сколько их можно изготовить за 24 часа в сутки. Однако в определенный момент возникал и дефицит массовых ресурсов, связанный с тем, что их использовали без всякой меры.

Когда эти предприятия попали на рынок (а они, в общем, сохраняли такую структуру до 1991 года), то оказалось, что они совершенно не способны существовать без искусственного поддержания связей по качест-

венным уровням. Когда в то же время возникает необходимость соизмерять в деньгах затраты и результаты, то такое «пирамидальное» предприятие, привыкшее всё, не считая, тратить на производство качественной продукции, оказывается нежизнеспособным.

Приведу очень наглядный пример немного из другой области:

После 1992 года зерновое хозяйство в России в целом выжило, а животноводство нет: если ехать по сельской местности, то видно, как везде стоят коровники с провалившимися крышами. В 1989 – 1990 годах я помогал организовывать самые первые частные фермерские хозяйства и консультировал будущих фермеров. В том числе, мы с ними подсчитывали себестоимость молока. Как известно, для производства литра молока нужно определенное количество сена и зерна, денег на зарплату доярки и скотника, на амортизацию коровника и т.д. В частности, сюда входит и кормовая свекла – очень трудоемкий продукт. Во времена Советского Союза ее обрабатывали на субботниках. Всё население района (кроме первого секретаря райкома КПСС, но обязательно включая его жену!) выходило бесплатно на прополку свеклы. После СССР, когда эту неприятную и тяжелую операцию в рыночной экономике понадобилось организовывать на добровольных началах и платить за эту работу, то получалось, что себестоимость литра молока должна вырасти во много раз.

Таким образом, из теории Яременко ясно видно, что при переходе от советской экономики к рыночной происходят такие институциональные изменения, которые вызывают резкое изменение всех сложившихся стоимостных и ценовых пропорций. Мы опять имеем скачок – совершенно аналогично тому, как скачок произошел во время НЭПа при переходе от дореволюционной к послереволюционной экономике. В 1992 году тоже произошел институциональный разрыв, который одновременно является и структурным – на этот раз из-за того, что предприятия стали считать деньги и перестали работать в иерархической плановой системе.

«Социализм с человеческим лицом»

«Социализм с человеческим лицом» – по-чешски *socialismus s lidskou tváří* – слова, сказанные руководителем коммунистической партии Чехословакии Александром Дубчеком в 1968 году. Смягчение режимов сталинского типа, которое произошло в странах Восточной Европы примерно в это время, сопровождалось достаточно драматическими событиями. В СССР этот процесс тоже происходил, но выглядел он как эволюция системы, а не революция. Между тем, в сущности, в 1960-е годы наступи-

ла новая эпоха – впервые в истории большинство населения составляли не крестьяне, а горожане. Политика ускоренной индустриализации привела к исчерпанию «массовых ресурсов» и стал ощущаться дефицит рабочей силы. Принципиально изменились и отношения между властью и населением, возник своего рода общественный договор.

Экономика дефицита

*Янош Корнай. Дефицит*¹¹⁰.

Янош Корнай (род. в 1928 г.) – венгерский экономист.

Эта книга Корнай вышла на венгерском и английском в 1980 году. В нашей стране она стала известна – правда, в довольно узком профессиональном кругу – почти тогда же, хотя по-русски ее издали только через десять лет. Она оказала огромное влияние на мышление экономистов и, косвенно, на реформы 1990-х годов.

Книга Корнай объясняла устройство социалистической экономики, и это само по себе воспринималось как революция в мышлении. Нужно вспомнить, что от советских обществоведов требовался не анализ, а либо апологетика системы, либо предложения по ее «дальнейшему совершенствованию».

Свой анализ Корнай основывает на понятии *дефицита*:

Явление, о котором идет речь, хорошо знакомо читателю. Венграм и советским людям, китайцам и румынам, кубинцам и полякам в равной мере известно, что значит отстоять в очереди за мясом или обувью, а вместо покупки услышать грубость от продавца, им приходится годами ожидать ордера на квартиру, сталкиваться с остановками производства на предприятии из-за отсутствия материалов и комплектующих изделий. Дефицит влечет за собой многочисленные и разнообразные потери... Но, вероятно, самый большой ущерб состоит в том, что продавец получает превосходство над покупателем, ущемленными оказываются независимость и свобода индивида.

Конечно, сегодня нельзя говорить о том, что явление дефицита «хорошо знакомо читателю». Тем не менее, оно присутствует не буквально, а в более общем смысле, поэтому анализ Корнай сохраняет актуальность.

¹¹⁰ Корнай Я. Дефицит. – М.: Наука, 1990.

Его книга содержит несколько выдающихся идей, которые я здесь перечислю:

- Равновесие нехарактерно для экономических систем; имеет место либо преобладание продавца, либо преобладание покупателя (Корнаи пользуется также инженерными терминами *подсос и давление*).
- Экономическая система социализма – это экономика продавца, она неизбежно порождает явление дефицита и соответствующие формы поведения.
- Теоретически возможно представить децентрализованную экономику, в которой не используются деньги и цены.
- Если деньги все же используются в экономике социалистического типа, то для предприятий характерно *мягкое бюджетное ограничение*.
- В своем развитии экономика социалистического типа последовательно проходит различные *степени патернализма*.

1. Как известно, и микроэкономика и другие экономические теории основаны на идее равновесия. Доказывается, что спрос совпадает с предложением, подробно рассматривается, когда и как это получается. Корнаи высказал мысль о том, что *равновесие вообще нехарактерно для экономических систем*. Мысль состоит в том, что всегда имеет место какое-либо неравновесие – на рынке преобладает либо продавец, либо покупатель. Рыночная экономика – это экономика покупателя, покупатель – главный, а продавец старается удовлетворить его желания. В социалистической экономике было наоборот, то есть главным был продавец, а покупатель у него стоял в очереди. Корнаи написал об этом еще в 1950-е годы, и потом развивал эту мысль в нескольких книгах.

Принять как принцип, что равновесия не бывает, а бывает неравновесие либо одного, либо другого вида – это совершенно нетривиальная идея. Расскажу для примера один вывод, который из этого следует. В советское время наказывали за спекуляцию, то есть за то, что ты продаешь что-то дороже, чем по установленной государственной цене. Спрашивается, в рыночной экономике нужно просто отменить эту статью, или же должно быть какое-то юридическое регулирование в области ценообразования? Так вот я думаю, что оно должно существовать – но наказывать нужно за *контроль* за ценами. В этом принцип неравновесия: если кто-то попытается как-то контролировать цену – а именно, занижать – то эта попытка должна пресекаться. Любая система работает, только если она находится в состоянии неравновесия. Если же это и не рынок продавца, и не рынок покупателя, то система становится неспособной.

2. Экономическая система социализма – это экономика продавца, она неизбежно порождает явление дефицита и соответствующие фор-

мы поведения. Корнаи очень подробно и, на мой взгляд, излишне сложно объясняет это утверждение. Мне кажется, обоснование этого тезиса очень простое: если предприятие подчиняется, скажем, министерству, то оно думает о том, как удовлетворить пожелания министерства, а не как удовлетворить желания покупателя. Как только предприятие попадает в зависимость не от покупателя, а от кого бы то ни было еще – например, от банка, от государства или от профсоюза – то у него система интересов и образ поведения меняется. Этот тезис, как мне кажется, довольно очевиден. Тем не менее, Корнаи не просто сказал, что существует дефицит – он сказал, что дефицит будет всегда. Что вы ни делаете, дефицит будет всегда, пока у вас социализм.

3. До Корнаи было известно, что советская экономика – командная. Более того, считали очевидным и обратное – что если экономика не командная, то это рынок. *Корнаи нарисовал картину такой экономики, которая и не командная, и не рыночная.* На основе понятия дефицита он построил модель и показал, как экономика может быть не рыночной и в то же время децентрализованной. Если в рыночной системе предприятия реагируют на цены, то в его модели они реагируют на остроту дефицита и фактически тоже приспосабливаются к потребностям друг друга. В качестве информационного параметра здесь вместо цены действуют оценки дефицитности того или иного продукта. Это тоже исключительно интересно.

Разумеется, здесь тоже возможны различные мнения и критика по техническим вопросам¹¹¹. Мне лично, например, кажется, что модель нерыночной децентрализованной экономики лучше строить с помощью классических средств экономической науки, а именно с помощью кривых спроса и предложения. Мы можем говорить о кривой, описывающей спрос на плановые задания со стороны начальства и кривой, описывающей спрос предприятия на ресурсы в обмен на выполнение плана:

Можно считать поэтому, что ... все горизонтальные взаимодействия заменяются двумя типами взаимодействий между предприятиями и органам управления: (1) арбитр требует обеспечить выпуск определенного количества продукции, (2) предприятие требует предоставить ему ресурсы, обещая достичь соответствующего выпуска¹¹².

¹¹¹ Здесь уместно еще раз вспомнить замечательные слова Давида Гильберта о том, что прогресс в математике можно было бы измерять количеством *плохих* доказательств. Действительно, когда ученый – будь то математик или экономист – совершает прорыв и предлагает какую-то совершенно новую идею, у него, как правило, уже не хватает сил на то, чтобы придать этой идее красивую форму.

¹¹² Шиرونин В.М. Механизмы координации...

Но дело совершенно не в этом. Сам тезис Корнаи о том, что социалистическую экономику нужно рассматривать не как командную – выдающееся достижение.

4. Если все-таки в модели присутствуют деньги – а они, конечно, всегда присутствуют в реальной экономике социалистического типа – то для предприятия характерно *мягкое бюджетное ограничение*. Этот термин Корнаи – *soft budget constraint* – распространился по всему миру. Опять же, выскажу критическое замечание: мне кажется, что это понятие имеет мало смысла, потому что если предприятие кому-то подчиняется, то ясно, что оно может пойти и выпросить деньги, если ему их не хватает на выполнение заданий. Поэтому содержания в этом термине, мне кажется, не так уж много, но он оказался очень удобным.

5. Напротив, тезис о том, что *в своем развитии экономика социалистического типа последовательно проходит различные степени «натурализма»*, мне кажется исключительно глубоким. Речь идет о том, что сущностные свойства экономики и общества советского типа проявляются на поверхности по-разному, причем это изменение имеет определенные закономерности.

Корнаи сравнивает стадии эволюции социалистической экономики с этапами развития ребенка. Новорожденного кормят и одевают. Вторая стадия – его кормят и одевают, но он может попросить, скажем, купить ему мороженое. Дальше он вырастает, он студент, живет отдельно, но родители присылают ему деньги. Потом он женился, зарабатывает сам, но иногда ему не хватает и родители ему помогают. Наконец, он полностью самостоятелен.

Перенесем эту метафору на социалистические предприятия. В командной, сталинской системе ему устанавливают жесткие задания и предоставляют ресурсы в совершенно конкретной натуральной форме. Ему говорят – произведешь 251 гайку, и вот тебе для этого 5 килограммов железа определенного сорта. Не говоря уже о том, что все станки, все вообще оборудование предоставлено централизованно. Это командная система в чистом виде.

Смягченная командная система: планирование и снабжение происходит в натуральной форме, но предприятие имеет право голоса. Об этом говорится в следующем разделе, это экономика согласований, бюрократический рынок.

Реформированная социалистическая экономика – это то, чего в Советском Союзе не было, но было в Восточной Европе. Можно сказать, что именно такая система была в Венгрии, когда была написана книга «Дефицит». Предприятие могло продавать свою продукцию, покупать ресурсы, но решения об инвестициях принимало государство.

Четвертая степень – когда государство выручает предприятие в случае серьезных финансовых трудностей, и пятая – когда предприятие полностью самостоятельно.

В заключение добавлю небольшой комментарий. После конца Советского Союза мы прошли очень интересный путь развития в смысле форм патернализма, причем эти формы отличались от того, что описывал Корнаи в 1980 году. Разумеется, сейчас он написал бы – и пишет – по-другому. В России был период в 1990-е годы, когда государство в значительных масштабах занималось распределением финансовых ресурсов. Сейчас же наступила такая стадия, когда распределяются не деньги и не потоки ресурсов (нефтяные, газовые или аналогичные), а *права*. Это, как представляется, есть еще одна степень патернализма, при которой государство продолжает распределять ресурсы, но делает это на основе юридических отношений. Я даже высказал бы полушутку – полудогадку, что то, что мы сейчас воспринимаем как коррупционность судебной системы, связано именно с тем фактом, что сейчас предметом бюрократических торгов являются права.

Все это заставляет подумать, что, несмотря на все реформы, происходит скорее всё же эволюционное развитие той общественной системы, которая у нас была в СССР. Сейчас существует много предприятий, которые совсем не зависят от власти (они были и в тогдашней Венгрии). Но наши сегодняшние крупные предприятия и подконтрольны, и могут обратиться к государству за помощью (скажем, во время недавнего банковского кризиса власти спасали какие-то банки). Общественная система у нас в России сейчас находится в состоянии где-то между третьей и четвертой стадией патернализма по Корнаи.

Административный рынок

Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма¹¹³.

Виталий Аркадиевич Найшуль (род. в 1949 г.) – российский социальный мыслитель.

Эта работа была написана в 1990 году, то есть спустя много лет после появления книги Корнаи и даже позже других работ – в том числе са-

¹¹³ В кн.: Погружение в трясину. – М., 1991.

мого Найшуля – на данную тему. Но эта небольшая статья очень хорошо и ясно объясняет устройство позднего Советского Союза.

В зрелой социалистической экономике происходит функциональное разделение хозяйственного управления на ряд основных иерархий. Вот как описывал их Найшуль (тогда еще в настоящем времени):

Общесоюзные балансы поддерживают союзные плановые органы через союзные отраслевые иерархии. Региональные балансы поддерживают региональные плановые органы через свои отраслевые иерархии. Кроме того, плановые органы территории поддерживают балансы входящих в нее регионов, а отраслевые плановые органы поддерживают внутренние балансы подчиненных подотраслей.

На всех уровнях территориальных и отраслевых иерархий также действуют специальные органы или подразделения, ответственные за нормативную базу нижестоящих балансов, несущие контрольные функции и задающие рамки хозяйственной деятельности.

Все перечисленные выше иерархии: союзно-отраслевые, регионально-отраслевые, нормативные и контрольные имеют относительно жесткий регламент своей деятельности, который делает их неспособными принимать решение в нестандартных ситуациях, особенно возникающих на пересечении полномочий различных иерархий.

Функцию окончательного согласования на территории деятельности различных иерархических структур между собой и с "потребностями жизни" берет на себя партийный аппарат. Он же является наиболее прямым каналом доведения до конкретных исполнителей решений, принятых вышестоящими партийными органами.

Эта система обладала колоссальной «вязкостью» и инерционностью:

Поскольку система хозяйственного управления должна поддерживать все балансы, то действия представителей иерархий основаны на "согласовании, консенсусе, единогласии". Любое решение должно, вообще говоря, устраивать все "незаинтересованные в нем стороны". Процесс согласования в принципе предоставляет каждому его участнику право, аналогичное *liberum veto* (свободное вето), которым обладали депутаты польского сейма перед разделом страны.

Любая система принятия решений, основанная на принципе *liberum veto*, чрезвычайно консервативна. Она откладывает решение каждого вопроса до тех пор, пока необходимость этого не станет ясна "последнему" участнику процедуры. В нашей стране система согласований породила эпоху застоя, продолжавшуюся в течение всего брежневского периода.

Это и была «административный рынок», «экономика согласований»:

В действительности, однако, участники согласования, как правило, имеют неодинаковую возможность влиять на окончательное решение. Она определяется их "весом": способностью поощрять угодные действия и наказывать неугодные – "если вы так, то я...". В результате каждое хозяйственное решение становится предметом административной бюрократической торговли. Механизм этой торговли оказывается настолько мощным, что при большом неравенстве весов позволяет отвергать институциональное право слабого участника на вето. Например, согласие городского санитарного врача разрешить поставку больных туберкулезных кур в розничную продажу, школы и детские сады может быть получено согласованным давлением местных хозяйственных и партийных органов, заботящихся о выполнении плана.

В брежневской экономике механизм согласования и бюрократической торговли заменил сталинский механизм жесткого военного подчинения. На смену административно-командной системе пришел новый строй – административный бюрократический рынок, определивший на десятилетия экономическое бытие СССР.

Статья Найшуля, написанная в последний год СССР, обсуждала злободневную тогда проблему – о возможности его реформирования. Начинается она с забавного эпиграфа, характеризующего эти попытки реформ:

Все они теперь, собравшись у подножия горы, выли, махали руками, потрясали ружьями и топорами, но не двигались вперед ни на шаг.

Верн Ж., Дети капитана Гранта.

Сталин вовремя умер, говорит Найшуль, потому что время его кончилось:

Сталин, возможно, умер не только от старости, но и от того, что кончилось время «идеи его жизни»: все, что ему было суждено разрушить, было уже уничтожено или искалечено; то, что ему было суждено создать, уже родилось на свет. В период 50-60-х гг., providенциально совпавший с десятилетием после его смерти, сталинская система хозяйствования стала испытывать сильное давление внешних обстоятельств, вынуждающих ее меняться, перестраивать самое себя. Все те факторы, которые раньше работали на консолидацию сталинской хозяйственной машины, стали действовать в ином, иногда прямо противоположном направлении.

Эти обстоятельства можно отнести к разным областям. Во-первых, произошли технологические сдвиги:

В условиях холодной войны новые отрасли уже не могли закупаться на Западе целиком. Они воровались оттуда по кусочкам, что исключало комплексный характер нового индустриального строительства.

Однако главная причина трудностей лежала не в запретах НАТО, а в дисперсном характере новых технологий. Новые отрасли производили огромную и постоянно обновляемую номенклатуру продукции, обычно -- малыми и средними сериями, что резко увеличило объем управленческих задач. Привычное планирование их "сверху" в развернутой номенклатуре оказалось несостоятельным.

Власть и информация трагическим для командной экономики образом разделились. Власть отдавать приказы по-прежнему принадлежала "верху", но он был уже информационно слеп. Потребности были известны "низу", но тот не имел властной силы для их удовлетворения.

В первый раз в СССР проваливалась идея управления страной как одним цехом, и уже не в потребительском секторе, где это в принципе никогда не было возможно, а и в военно-промышленном комплексе.

Второй фактор, который привел к кризису системы, – это дефицит труда. Вспомним книгу Яременко. Сталинская экономика нашла способы обеспечить колоссальный приток рабочей силы в приоритетные производства. Она строилась на перекачке ресурсов из деревни в город, в том числе рабочих рук. 1930-е годы – это был период, когда люди, бежавшие из деревни, готовы были за любые деньги и как угодно работать, где угодно жить, но потом это закончилось. Надо сказать, что история нашей страны делится на два периода – один большой, и один относительно короткий. До 1960-х годов у нас было численное преимущество сельского населения, а теперь – городского. Это водораздел, значение которого недооценивается. Это изменение привело к фантастическим результатам, но мы это не всегда понимаем. Теперь это совершенно другая страна.

Вот как об этом пишет Найшуль:

Сталинская экономика в свое время нашла способы обеспечить колоссальный приток рабочей силы в приоритетные производства. Для этого достаточно было:

- ограничить потребление в деревне до голодного уровня и соответственно снизить сельскохозяйственное производство;
- частично механизировать сельское хозяйство;
- за счет этого высвободить колоссальное количество рабочих рук;
- за счет избытка рабочих рук обеспечивать давление вниз на городскую зарплату и потребление в городе, что позволяет в еще большей степени снизить производство сельхозпродукции.

Кроме того, путем разрушения внутрисемейного трудового уклада и усиления эксплуатации женщин оказалось возможным создать огромное предложение их рабочей силы.

К 50-м годам увеличивающиеся городские производственные фонды создали значительный спрос на рабочую силу, который постепенно стал уничтожать ситуацию ее избыточности. В отдельных массовых квалификационных группах уже возникли ее нехватки. Обостряли напряженность с трудовыми ресурсами и понесенные в войне огромные потери в мужской рабочей силе.

То, что женщины пошли работать, – это еще один полузабытый факт. До 1950-х годов – женщины часто сидели дома и не работали, была категория домашних хозяек. В 1960-е годы стал постепенно нарастать дефицит рабочей силы, особенно неквалифицированной. И возникла парадоксальная ситуация, которую можно проиллюстрировать словами одного моего коллеги, сказанными в конце 1970-х годов: я не хочу зарабатывать, как министр, но я хочу зарабатывать, как продавец в мясном отделе. Продавец в мясном отделе неожиданно стал зарабатывать больше человека с кандидатской степенью, это было новое явление. Но продавцов стало не хватать.

По всем этим причинам командовать уже было невозможно, это не получалось. Для характеристики этой ситуации было придумано несколько терминов – «экономика согласований», «экономика торга»¹¹⁴. Всё это почти синонимы, но название «бюрократический рынок», мне кажется, самое лучшее. Эта система сложилась спонтанно, «явочным порядком»:

Новая экономическая система не вводилась в стране декретами правительства и не являлась результатом «революционного творчества масс». Она формировалась постепенно под действием «потребностей практики» путем обычных административных реорганизаций, отмены или просто неупотребления старых инструкций и принятия взамен них новых. Конечным результатом этого процесса, однако, стала качественно иная система управления экономикой, основанная на согласованиях – административной торговле.

На смену директивному планированию приходит итеративное¹¹⁵:

По мере развития нового хозяйственного уклада уменьшается доля плановых заданий, формируемых в Центре, и увеличивается роль заданий, продуцируемых нижним уровнем иерархии. Чтобы получить властную силу, они поднимаются "вверх", пока не достигают управленческого органа, спо-

¹¹⁴ См. ссылки в разделе «Административный рынок, экономика торга, экономика согласований» главы I.

¹¹⁵ «Свобода принятия управленческих решений может быть иногда только кажущейся, представлять собой форму проявления своего рода «личностного фетишизма», противоположного товарному фетишизму рынка» – Широнин В.М. Механизмы координации...

собного отдать необходимые распоряжения. Затем они спускаются "вниз" по иерархическим цепочкам в качестве производственных заданий.

Полученные задания вызывают встречные требования со стороны предприятий к обеспечению производства необходимыми ресурсами, которые снова поднимаются "вверх" в виде заявок и спускаются "вниз" в виде заданий и т.д. В отличие от сталинской экономики, в которой плановый процесс носил преимущественно директивный характер "сверху вниз", планирование в новой системе осуществляется путем согласующей итеративной процедуры с многократным повторением цикла: "снизу вверх" и "сверху вниз".

Почему работала сталинская система – хотя бы в идеале, в теории? Потому что те, кто отдавал приказы владели этой информацией, знали, что приказать. Но постепенно они потеряли эту возможность знать. Кроме того, они потеряли возможность приказать, потому что возник дефицит рабочей силы.

Дальше Найшуль пишет про планирование в натуральных и синтетических показателях:

В сталинской экономике планирование производства в приоритетных секторах осуществлялось в основном в "натуральных показателях". Рост номенклатуры планируемой продукции и увеличение числа итеративных процедур сделали их употребление чрезвычайно трудоемким. Натуральные показатели все чаще агрегируются (то есть суммируются с некоторыми коэффициентами) в "синтетические". Как правило, заявки в натуральном выражении, поднимаясь "вверх" по иерархическим цепочкам, последовательно сводятся в заявки во все более укрупненных синтетических показателях. Наконец, они достигают хозяйственного органа, способного решить их судьбу, после чего спускаются по иерархическим цепочкам вниз и при этом дезагрегируются.

Во всей экономике возникает свобода формально выполняя все распоряжения и улучшая синтетические производственные показатели, на деле отказываясь от изготовления нужной продукции. Распоряжения, отдаваемые самыми авторитетными органами, выполняясь "в общем", не выполняются по существу.

Если были нужны конкретно какие-то «плашки 6х9», но в плановом задании стояло просто «плашки», то предприятие могло маневрировать. Оно могло выпускать то, что ему удобнее, а не то, что реально нужно. Но в этом случае возникает дефицит того, что нужно и всё рассогласуется. Начинает действовать механизм согласований: кто-то бежит к начальству и говорит – а мне не те плашки поставили. Кто-то на это отвечает – а мне не дали под эти плашки молибдена.

Кроме этой, действовала еще одна очень интересная система, которая тоже описана Найшулем, но не в этой статье. Этот механизм состоял в том, что вопрос, значение которого – экономическое, социальное или военное – было совершенно ничтожным, поднимался на совершенно недостижимые уровни управленческой иерархии. Например, на Политбюро ЦК КПСС рассматривался вопрос о производстве стержней для шариковых ручек или детских кубиков. Не потому, что это была стратегически важная вещь, а потому, что решить этот вопрос на более низких уровнях не удавалось. Этот вопрос, пока он не решался, поднимался по иерархии всё выше, и иногда доходил до удивительно высоких уровней.

Напомню – эта статья называется «Высшая или последняя стадия социализма». Найшуль считал, что попытки реформирования – или, как это называлось, «совершенствования» – этой «брежневской» системы, которые предпринимались в течение всего времени ее существования, никогда не приносили никакой пользы. Они приводили либо к рассогласованиям и не соответствовали внутренней логике бюрократического рынка – и тогда они тонули в этом механизме. Либо они приводили к росту дисбалансов и только ухудшали ситуацию.

Какие были эти попытки? Одни из них стремились все-таки укрепить административный метод, как у нас теперь говорят – вертикаль власти. Это было всегда. Найшуль приводит интересный пример:

Было время, когда Советский Союз не только обеспечивал себя штангами для тяжелоатлетов, но и экспортировал их за границу. И вдруг... стал импортировать штанги из-за рубежа. Как оказалось, мир стал использовать обрезиненные штанги, не ломающие спортивный помост. Чтобы их производить, требовалась координация деятельности двух министерств: делающего металл и выпускающего резину, чего оказалось невозможно достичь.

Система планового управления обладает испытанным способом решения такого рода проблем – путем создания нового органа, новой иерархии, специально ими занимающейся. Понятно, что за счет усиления координации решение этих проблем облегчается. Однако решение остальных проблем замедляется из-за необходимости проведения согласований с новой иерархией. Поэтому "матерые" управленцы крайне осторожно прибегают к использованию такого административного метода. Проблема, ради которой создается новая иерархия, должна быть достаточно значима для страны.

В конце 50-х годов, когда экономика согласований еще только начинала формироваться, было проведено крупнейшее изменение административных иерархий – замена многих отраслевых органов управления территориальными (совнархозы). Эта реформа облегчила хозяйственные взаимодей-

ствия внутри областей и ухудшила все остальные. Она была отменена, поскольку противоречила логике складывающегося тогда в СССР единого народнохозяйственного комплекса.

Второе направление – это попытки внедрять вычислительные системы, автоматизировать планирование:

Органы власти неоднократно делали попытки путем использования вычислительной техники увеличить пропускную способность системы планового управления, рассосать пробку в управлении. Одна из научных идей, получившая широкое признание, предлагала использовать для этого экономико-математические методы, имитирующие рыночную экономику расчетами на ЭВМ. Эта идея оказалось неосуществимой уже по тому, что масштаб задачи намного превосходит возможности всех мыслимых вычислительных машин.

Следующая категория попыток имела название «совершенствование показателей деятельности предприятий»:

Поиск совершенной системы показателей, норм и нормативов был одним из любимых занятий экономистов брежневской эпохи.

Во-первых, изменялась сравнительная выгодность производства различных видов продукции. В результате исчезали из производства многие виды продукции, рвались старые связи между поставщиками и потребителями и приходилось налаживать новые, что в силу ограниченности ресурса управления приводило к усилению разбалансированности и распространению катастроф планирования.

Во-вторых, появлялись новые показатели, которые не с чем было сравнить и непонятно, как использовать, и обрывались временные ряды старых показателей. Поэтому, пользуясь своей административной властью, плановые органы требовали отчетности и по старой, и по новой форме, за что их называли ретроgrадами и противниками прогресса. Чтобы сохранить преемственность планирования, честные плановики мучились и сами пересчитывали новые показатели назад, в прошлые годы.

В-третьих, несравнимость старых и новых показателей приводила к тому, что сильные предприятия и ведомства "под шумок" перестройки формировали себе льготные нормативы. Кроме того, изменяя ассортимент производимой продукции, они наращивали агрегированные показатели, и все это вместе давало прогрессистам возможность говорить о громадном росте производства, производительности труда и т.п.

Далее, было так называемое «внедрение экономических методов управления народным хозяйством» и различные термины, способные сейчас вызвать только улыбку – «первая форма хозрасчета», «вторая форма хозрасчета», «нормативная чистая продукция»:

Если рационализаторские усовершенствования показателей и нормативов в отдельных отраслях приводили, как правило, к сбоям локального значения, то введение так называемых "экономических методов" в практику планирования "наносило эффект" уже сразу по всему народному хозяйству.

В основе экономических методов лежали две идеи: свободы предприятий и западной системы показателей. Органы управления должны были всемерно сокращать планы в номенклатуре и отменять все возможные ограничения хозяйственной деятельности предприятий, требуя отчета только по показателям: "прибыли, рентабельности" и т.п.

На самом деле эти показатели не имеют со своими западными аналогами ничего общего. Можно сказать, что разница между социалистической прибылью и прибылью настоящей такая же, как между милостливым государем и государем.

В результате внедрения экономических методов предприятия действительно получают экономическую свободу, которую они не имеют ни в традиционной брежневской экономике, ни на Западе -- свободу от потребителя. И они ее используют, получая дополнительные деньги за то, что отказываются от невыгодной продукции и вызывают народнохозяйственный хаос. Этого денежного водопада хватает и на то, чтобы расслабиться и производить меньше продукции, и на то, чтобы возросшей зарплатой разваливать потребительский рынок.

Добавлю, что уже с начала 1980-х годов становилось ясно, что никакие системы показателей «не сыграют», пока будет существовать иерархическая система управления. Эта система, как уже говорилось, обеспечивала координацию деятельности предприятий, их взаимодействий, обменов – и она была намного сильнее любых формул расчета премий. Собственно, с этим пониманием пришел в правительство Е.Т. Гайдар в конце 1991 года. Как ни странно, этот подход был для многих не очевиден. Вспомним, что перед ним на этом месте был человек, который предлагал спасать сельское хозяйство посредством всенародной заготовки березовых веников на корм скоту. Это уже была карикатура на советскую систему управления.

Результаты внедрения «экономических методов» в полную силу проявились у нас с 1989 до 1991 г. Потребительский рынок был полностью разрушен, магазины абсолютно пустые. Предприятиям дали возмож-

ность тратить деньги, которые они не зарабатывали. Это была так называемая «перестройка»:

Экономическая перестройка началась с ускорения – безрассудной попытки прищипорить загнанную лошадь брежневской экономики. Последовавшие затем изменения хозяйственного механизма повторили в несравненно больших масштабах все ошибки реформы 1965 г. и добавили новые. В брежневской системе выбор производственной программы предприятий осуществлялся на бюрократическом рынке, и поэтому достаточно сильный спрос на продукцию, как правило, находил предложение. Ослабление контроля за деятельностью предприятий со стороны министерств привело к тому, что механизм координации через вертикальные связи был нарушен. Исходя из собственных удобств, предприятия произвольным образом изменили свои производственные программы, в результате чего были разрушены старые технологические цепочки и расстроено материально-техническое снабжение.

Дополнительный элемент экономической нестабильности внесли кооперативы, оттягивая из ригидной, не умеющей приспосабливаться к изменениям административной экономики материальные и трудовые ресурсы и производя дополнительные наличные деньги.

Наконец, разрушение брежневской машины принятия решений и кризис политической власти дали возможность ученым-экономистам, журналистам, депутатам, представителям регионов и другим политическим силам дергать во все мыслимые стороны управление смертельно больной экономикой, которой противопоказаны вообще любые изменения.

За 5 лет Перестройки удалось дезорганизовать старую систему бюрократического рынка и поддерживаемые ею балансы, не создав никаких новых координирующих народное хозяйство механизмов.

Это, конечно, было политическое и экономическое безумие. В результате Советский Союз развалился.

В итоге Найшуль говорил, что сложившаяся в СССР система бюрократического рынка была очень жесткой и резко разбалансировалась даже от довольно скромных изменений, что модификации в хозяйственном механизме резко создавали огромные трудности для предприятий. Но и сохранение бюрократического рынка тоже было невозможно, потому что он уже тогда коррумпировался изнутри и не функционировал. Поэтому он делал вывод о том, что эта система была неререформируема. Я думаю, что он оказался неправ. Напомню, что его статья писалась в 1990 году. После этого система пережила период очень существенных изменений, но многие свои черты сохранила. Может быть, даже основные.

Гибель империи

Гайдар Е.Т. «Гибель империи». Уроки для современной России¹¹⁶.

Егор Тимурович Гайдар (1956 – 2009) – российский государственный деятель.

Гайдар написал эту книгу в 2006 году. Она анализирует причины и непосредственные факторы, определившие распад СССР. Вот основные тезисы книги:

- В стране имел место системный продовольственный кризис.
- Продовольственная проблема решалась за счет экспорта нефти.
- Война в Афганистане привела к ухудшению отношений СССР с арабскими странами. Поэтому ОПЕК (организация стран-экспортеров нефти) согласилась на резкое снижение нефтяных цен.
- Доходы СССР от экспорта нефти резко упали и он был вынужден прибегать к иностранным займам.
- Поэтому возможность применять насилие к несогласным внутри страны оказались ограничены.
- Это кончилось тем, что СССР распался.

Гайдар начинает анализ с долгосрочных проблем СССР в главе «Дефицит продовольствия – стратегический вызов»:

В 1930-1950-х годах экономический рост в СССР обеспечивался перераспределением ресурсов из сельского хозяйства в промышленность.

В странах, где индустриализация началась на рубеже XVIII–XIX вв., ускорению промышленного роста предшествовал процесс, получивший название «аграрная революция».

За десятилетие, между 1928 и 1938 гг., факторная продуктивность советского сельского хозяйства сократилась по сравнению с инерционным сценарием развития (рост на 1% в год) примерно на четверть. В предшествующей истории современного экономического роста такого не происходило никогда. Урожай зерна достигли уровня 1925–1929 гг. лишь в 1950–1954 гг. Столь длинный период стагнации был также беспрецедентным для стран, вступивших в процесс современного экономического роста.

¹¹⁶ Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 1-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.

Попыткой решить продовольственную проблему были инициативы Н.С. Хрущева начала 1950-х годов, связанные с массовым освоением целинных земель. Они соответствовали традициям экономического развития Советского Союза.

Перераспределение ресурсов из сельского хозяйства в промышленность, о котором мы говорили выше, имело место не только в СССР, это было и в других странах, там этому предшествовали аграрные революции. Как мы помним, трехполье, которое в Европе использовалось тысячу лет назад, у нас сохранялось еще в XX веке. То, что произошло во время коллективизации, привело к тому, что продуктивность сельского хозяйства очень сильно сократилась. Освоение целинных земель в конце 1950-х – начале 1960-х годов в Казахстане и Западной Сибири было попыткой экстенсивного расширения сельского хозяйства, за счет этого увеличили производство зерна, но проблему не решили.

Продовольственная проблема ощущалась и осознавалась:

Все доступные социологические исследования показывают нарастание со второй половины 1960-х годов остроты проблем, связанных с недостатком товаров на потребительском рынке. Переход от привычного дефицита конца 1970 – начала 1980-х годов к настоящему кризису продовольственного снабжения в конце 1980-х, неспособность власти обеспечить выполнение обязательств по выделению ресурсов даже в рамках рационированного распределения, были важнейшей экономической причиной утраты доверия общества к режиму и его краха.

Несмотря на все усилия, государственные запасы зерна в 1953–1960 гг. постоянно сокращаются, используемые ресурсы превышают государственные закупки.

Уже с середины 1960-х годов на большей части территории страны мясо исчезает из свободной продажи. Купить его с этого времени можно лишь в кооперативной торговле или на колхозном рынке по значительно более высокой, чем государственная, цене. Исключение: столица, привилегированные города.

И действительно, даже в Москве и в тогдашнем Ленинграде существовали так называемые «карточки покупателя». Снабжение в Москве было всё же организовано лучше, поэтому эти карточки ввели, чтобы приезжие не могли пользоваться московскими магазинами. Но дело кончилось тем, что в 1990-1991 годах и в московских магазинах просто ничего не было – в самом буквальном смысле. Я хорошо помню, как на Лиговском проспекте в 1989 или 1990 году все витрины магазинов были закрыты фанерой. Даже в ГУМе – главном магазине страны, стоящем на Красной площади –

две трети секций были тоже заколочены. Был реальный кризис, который сейчас трудно представить.

Еще раньше мясо исчезает из продажи по всей нестоличной России. Еще раз в порядке «лирического отступления»: в 1988 году мы с коллегами ездили на конференцию в Новосибирск. Мой коллега Борис Львин с профессиональной гордостью сообщил: он видел там талон на колбасу! В Москве и Ленинграде карточек и талонов в этот момент еще не было. На это я ответил ему, что видел и саму эту колбасу. Потому что впечатление было такое, что она сделана из опилок, и вся состояла из каких-то странных хлопьев или волокон. И такая колбаса продавалась не свободно, а по талонам — ее можно было купить, наверно, полкилограмма в месяц.

Гайдар обсуждает дальше, была ли у правительства возможность сбалансировать рынок за счет повышения цен:

Повышение розничных цен нарушало бы фундаментальный контракт между обществом и властью, сформировавшийся в конце 1950 — начале 1960-х годов, значимость которого была подтверждена трагедией в Новочеркасске в 1962 г.

Однако вводить карточную систему снабжения населения по всей стране, включая привилегированные города, на 60-м году Советской власти было политически сложно.

Вопрос об объемах капитальных вложений в регионе или отрасли, о том, какие стройки должны быть начаты, с конца 1920-х годов — важнейший в хозяйственно-политической жизни СССР. Сказать первым секретарям обкомов, министрам, что капитальные вложения в их регионы и отрасли будут сокращены, что технологическое оборудование, которое они предполагали импортировать, не будет закуплено, — прямое нарушение принятых правил игры.

Сложившаяся ситуация — выбор между повышением розничных цен или сокращением капиталовложений и военных расходов — ставила советское руководство перед непростой дилеммой — решаться на конфликт с населением или с партийно-хозяйственной элитой.

Демонстрация, которая была расстреляна в Новочеркасске в 1962 году, произошла из-за очень незначительного повышения цен — сейчас это тоже трудно себе представить. Еще в 1988 году расчеты показывали, что достаточно было увеличить цены в среднем на 25%, чтобы сбалансировать рынок. Но тогда такое повышение цен воспринималось как совершенно невозможная вещь. Некоторые цены были стабильны с 1920-х годов, скажем, квартплата не повышалась, кажется, с 1926 года, т.е. больше

50 лет. Предложения о повышении цен воспринимались, как совершенно нереальные. Власти боялись вести об этом речь, боялись и вводить настоящую карточную систему, это было психологически неприемлемо.

И в то же время власть не могла экономить на капиталовложениях. М.С. Горбачев пытался на партийных совещаниях поднять этот вопрос о том, чтобы сократить капиталовложения и как-то сбалансировать бюджет. Его «не поняли», и никто не стал этот вопрос обсуждать даже. После чего было принято решение о том, что первые секретари обкомов – областных партийных комитетов – должны одновременно быть председателями областных советов, и как председатели советов проходить через выборы. Почти всех их народ забаллотировал и в стране началась политическая борьба, которая стала одним из факторов развала СССР. Обратим внимание, что мы имеем здесь один из примеров использования высшим руководством страны демократических механизмов как инструмента для борьбы со средним слоем бюрократии.

Оказавшись перед непростой дилеммой – ссориться с населением или с партийно-хозяйственной элитой, советские власти стали закупать продовольствие за границей. То, что Россия закупает зерно, выглядело дико. Собственно, Н.С. Хрущев в основном за это поплатился своим местом. Известна шутка Черчилля, который сказал, что умрет не от старости, а от смеха по этому поводу. Тем не менее, зерно все равно продолжали закупать, деваться было некуда. Но зато у страны появился экспортный ресурс – нефть:

Месторождения нефти Западной Сибири, открытые в 1960-х годах, и возможность финансирования за счет экспорта нефти в развитые капиталистические страны масштабного импорта сельскохозяйственной продукции, казалось, позволили решить продовольственную проблему.

Поток валютных ресурсов от продажи нефти позволил остановить нарастание кризиса продовольственного снабжения городов, увеличить закупки оборудования, потребительских товаров, обеспечил финансовую базу наращивания гонки вооружений, достижения ядерного паритета с США и позволил начать осуществление таких внешнеполитических авантур, как война в Афганистане.

При этом, пишет Гайдар, в 1981–1985 гг. под влиянием растущих трудностей доля машин и оборудования в импорте из капиталистических стран сокращается, а доля продовольствия, промышленных товаров народного потребления растет:

В 1981–1985 гг. под влиянием растущих трудностей в снабжении населения продовольствием доля машин и оборудования в импорте СССР из ка-

питалистических стран сокращается с 26% до 20%, доля продовольствия, промышленных товаров народного потребления возрастает до 44%.

В распоряжении правительства СССР имеется в это время единственный инструмент управления нарастающими трудностями во внешней торговле – это увеличение поставок нефти. Страна попала в зависимость от доходов от экспорта, причем это происходило в условиях противостояния с США.

Как пишет Гайдар:

В ноябре 1982 г. президент Р. Рейган подписал директиву о национальной безопасности (NSDT-66), в которой была поставлена задача нанести ущерб советской экономике. Ставилась задача ослабить СССР в экономико-политическом отношении.

При этом в США не думали, что сумеют развалить Советский Союз:

В 1982 г... суммируя результаты отчетов ЦРУ о состоянии советской экономики, сенатор У. Проксмайр говорит: «Можно выделить три ключевых вывода этих исследований: во-первых, советский экономический рост постепенно замедляется, тем не менее, в обозримом будущем рост экономики продолжится; во-вторых, экономические результаты неудовлетворительны и эффективность экономики невысока, но это не значит, что советская экономика утрачивает жизнеспособность и динамизм; в-третьих, хотя существует разрыв между результатами развития советской экономики и планами, даже в качестве отдаленной возможности крах советской экономики не рассматривается».

Однако дальше случилась война в Афганистане, туда вошли советские войска. Причины войны в Афганистане довольно понятны – советское руководство боялось, что начавшиеся там проблемы проникнут и на территорию СССР (как, собственно, и случилось). Это тогда попытались остановить, но в результате испортили отношения с арабскими странами, которые в значительной степени контролировали рынок нефти:

Вторжение СССР в Афганистан, воспринятое государствами Персидского залива и, в первую очередь, Саудовской Аравией, как потенциальная угроза, стало одним из факторов радикального изменения их отношения к США.

Гайдар пишет дальше о том, как устроен мировой рынок нефти и цены на нефть. Этот рынок никогда не был свободным, а всегда был полусвободным и отчасти регулируемым. На рынке было несколько игроков, в том числе ОПЕК (Организация стран – экспортеров нефти), США и некоторые другие страны. Советский Союз был не членом ОПЕК, а только на-

блюдателем, однако в определенной степени тоже мог оказывать влияние. Арабские страны поначалу дистанцировались от Соединенных Штатов и совершенно не поддерживали в их стремлении нанести урон Советскому Союзу, в частности потому, что Соединенные Штаты стояли на стороне Израиля. Но когда Советский Союз стал воевать в Афганистане, говорит Гайдар, то арабы испугались и решили договориться с США. После этого они совместными усилиями сбросили цену на нефть до 10 долларов за баррель. Для Советского Союза это было равносильно катастрофе. Плана действий на этот случай у СССР не было.

К этому времени Советский Союз уже фактически попал во внешнюю зависимость:

То, на что большинство наблюдателей не обращало внимания – произошедшее в 1960–1970 гг. радикальное изменение отношений между СССР и миром. В это время экономика Советского Союза, формально остающаяся закрытой, на деле оказалась глубоко интегрированной в систему международной торговли, стала зависеть от конъюнктуры мировых рынков. Это, как правило, отмечали лишь исследователи, занимавшиеся рынками зерна и нефти. Большинству аналитиков, изучавших социалистическую систему, ее фундамент представлялся прочным.

К моменту, когда Советский Союз столкнулся с внешнеэкономическим шоком середины 1980-х годов, он был тесно интегрирован в мировой рынок, был не только экспортером топливных ресурсов, но и крупнейшим в мире импортером зерна и одним из крупных импортеров продовольственных товаров.

Как мы уже говорили, параллельно внутри страны происходило размывание командной системы и либерализация, прежней жесткости и репрессий не было:

Командная система, в том виде, в котором она была сформирована в 1930-1950-х годах, действенна до тех пор, пока опирается на массовый страх, угрозу жестких санкций, распространяющихся на все общество. После 1953 г., когда пронизывающий общество ужас перед репрессиями отступает, действенность традиционных социалистических методов управления снижается. На этом фоне падает трудовая дисциплина. Н.С. Хрущев, посетивший Донбасс, на заседании Президиума ЦК КПСС 24 августа 1956 г., описывая сложившуюся ситуацию, исчерпывающе заметил: «Всё растаскивают».

Но какое-либо ужесточение внутренней политики было невозможно:

Западные партнеры по переговорам хорошо понимали положение, в котором оказался Советский Союз, то, в какой степени он тогда зависел от по-

литически мотивированных займов. Отсюда новый тон диалога. Пока главной проблемой было регулирование гонки вооружений, а стороны обладали военно-политическим паритетом, они были готовы вести длинные, мучительные переговоры, но это были переговоры равных. Теперь, когда столкнувшееся с валютно-финансовым кризисом, не способное само с ним справиться, советское руководство просит экономической поддержки, от равенства не остается и следа.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 25 сентября 1986 г. Председатель КГБ В. Чебриков ставит вопрос о целесообразности освобождения сначала одной трети, а затем и половины политических заключенных

Между тем «империя» включала многие национальные окраины, где возникли сепаратистские движения:

Сохранить империю, не используя силу, – невозможно; удержаться у власти, не сохранив ее, – тоже. В случае применения массовых репрессий, получить крупные долгосрочные, политически мотивированные кредиты, дающие надежду хотя бы отсрочить приближающееся государственное банкротство со всеми его последствиями, нереально. Экономическая катастрофа, которая последует, когда выяснится, что путь к западным деньгам закрыт, влечет за собой гарантированную утрату власти, причем не только лидером, а всей коммунистической верхушкой. В этом сочетании обстоятельств объективная основа, на первый взгляд, странного поведения советских властей в 1989–1991 гг.

5.3. Современная Россия

Был ли распад СССР в 1991 году революцией? И да, и нет – существует множество аргументов за и против. Несмотря на явный кризис, практически никто не ожидал, что это может произойти. Когда же это случилось, то оказалось – по историческим меркам – очень безболезненным.

Мне кажется, что это было событие фантастического масштаба – но не в смысле одномоментных перемен «здесь и сейчас», а как точка начала новой жизни.

Эволюция советских институтов

В начале 1990-х, глядя на бывший советский ландшафт, географ Владимир Каганский увидел «что-то вроде суверенизации частей тела поды-

хающего дракона»¹¹⁷. В эти же времена, размышляя о новых малых предприятиях, я подумал, что они растут, как грибы на поваленном дереве.

Здесь я перескажу впечатления социолога полевого социолога Ольги Фадеевой о том, как трансформировались институты колхозной деревни, и размышления Симона Кордонского о социальной структуре сегодняшней России.

Деревня сегодня

Фадеева О.П. Особенности формирования многоукладной экономики в сельской России¹¹⁸.

Ольга Петровна Фадеева – социолог, представитель новосибирской школы экономической социологии.

Очень известная новосибирская школа экономической социологии развивалась и сегодня развивается в новосибирском Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП). Лидерами ее были Татьяна Ивановна Заславская и Розалина Владимировна Рывкина. Эта школа сильна своим эмпирическим, индуктивным подходом. Исследование строится не на обсуждении и даже не на эмпирической проверке теоретических моделей, а на обобщении того, что исследователи видят «в поле», во время интервью и экспедиций.

Вот что сейчас можно увидеть в деревне:

- Коллективные советские формы хозяйствования все еще сохранились, хотя медленно разрушаются.
- Возник новый симбиоз коллективных и семейных хозяйств, благодаря которому семейные хозяйства стали лидировать по производству ряда продуктов.
- Параллельно с этим происходит развитие сельского предпринимательства.
- Во многих селах колхозный строй был заменен настоящими капиталистическими хозяйствами.
- В сельское хозяйство устремился крупный капитал.
- Финансирование сельской инфраструктуры происходит на основе неформальных отношений сельской администрации и бизнеса.

¹¹⁷ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 574 с.

¹¹⁸ Фадеева О.П. Особенности формирования многоукладной экономики в сельской России // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2011. – № 5. – С. 37-46.

Итак, возник новый симбиоз коллективных и семейных хозяйств. Как мы говорили, в СССР люди работали в колхозе или совхозе, но основной доход – или, во всяком случае, очень существенную часть дохода давали их личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Эти хозяйства и превратились в семейные хозяйства, которые живут в странном симбиозе с коллективными. Параллельно происходит развитие сельского предпринимательства, кое-где из этих колхозов-совхозов и их обломков предприимчивые люди уже создали фирмы. В нулевые годы в сельское хозяйство пошел крупный капитал. При том уровне обменного курса, который установился после дефолта 1998 года, Россия стала конкурентоспособной по сельскому хозяйству. К этому надо добавить, что сельская инфраструктура – дороги, детские сады, школы и т.п. – после 1992 года «повисли на балансе» и на заботах местной власти, у которой на это нет денег. Заметим, что эта последняя картина похожа на то, что происходит и не на селе.

Вот как стоятся отношения между колхозами и семейным сектором:

Коллективные предприятия стали выполнять функцию источника бесплатных ресурсов для ведения семейных хозяйств, превратившихся для многих селян в основные источники доходов (корма, молодняк, ветеринарные и транспортные услуги и т.п.).

Местные власти не были заинтересованы в банкротстве крупных сельхозпредприятий, в связи с этим осуществлялись разнообразные программы товарного кредитования хозяйств.

Появление «виртуальной» долевой земельной собственности, отсутствие механизмов «физического» выделения земельных участков и юридического закрепления прав собственности позволили практически бесплатно пользоваться землей тем, кто не владел ею юридически – бывшим колхозам и совхозам.

У коллективных предприятий воруют, там практически бесплатно покупают, туда «вешают» долги, оттуда косвенно перекачивают дотации, которые идут от государства для поддержания колхозов. У колхозов нет денег на зарплату, фактически имеет место безработица, но из-за социального давления власти как-то субсидируют эти коллективные хозяйства, и местные жители этим пользуются.

К этому надо добавить, что в формально-юридически произошла приватизация земли. Члены колхоза или работники совхоза имеют право на долю земли. Но это – виртуальная доля, она не определена на местности. То есть в принципе человек может «затеять историю», чтобы ему выделили его участок «в натуре», но это очень хлопотно и большинство этого не делает. Поэтому получается, что у коллективных хо-

зяйств нет формальных прав на землю, но фактически пользоваться ей они могут.

Какое на селе предпринимательство? Во-первых, возник торговый, посреднический сектор. Во-вторых, какие-то ресурсы выделили из колхозов и совхозов и передали фермерам, вокруг этого появился бизнес. Но, в общем, движение продуктов из деревни в город происходит через монополистов, которые очень сильно влияют на цены. То есть на самом деле происходит эксплуатация, и это – большой барьер.

Кое-где произошло полное изменение хозяйственной жизни. Вот пример, который я сам видел еще 8 лет назад: районная власть каким-то образом объединила всё – производство, хранение, переработку, торговлю, получила какие-то кредиты и создала агрофирму. Это пример предприятия, возникшего снизу. Иногда же приходят большие фирмы «со стороны», иногда иностранные, которые инвестируют и создают уже даже не сельскохозяйственные, а агропромышленные предприятия. Эти предприятия нередко очень высоко технологичные, там работают совсем другие люди, не из местных жителей. Таково, например, современное мясное производство, это очень высокотехнологичная отрасль.

Социологи также наблюдают, что местная власть получила контроль за инфраструктурой – дороги, освещение, ЖКХ и т.д. – но денег у нее нет. Поэтому она, если назвать вещи своими именами, шантажирует бизнес. Сложился еще один симбиоз – между властью и бизнесом. Власти вымогают квазианалоги и получают какие-то средства, которые частью используются для того, чтобы содержать инфраструктуру и поддерживать местных бедных, а частью для личной наживы представителей власти. Местная «политическая экономия» – это совершенно «серая», теневая жизнь.

«Сословная федерация»

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России¹¹⁹.

Симон Гдадьевич Кордонский (род. в 1944 г.) – зоолог по образованию, специалист по методологии науки, социолог, советник В.В. Путина в течение его первого президентского срока, сейчас профессор Высшей школы экономики.

В данном случае я буду цитировать Кордонского как социолога. Что он имеет в виду?

¹¹⁹ Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.

Сословная структура общества предполагает неравенство граждан перед законом, традиционное или введенное внешним образом. Неравенство в первую очередь заключается в том, что сословия имеют различающиеся права и обязанности перед государством и несут разные государственные повинности.

Разумеется, здесь не говорится, что мы юридически не равны перед законом, но он имеет в виду, что *фактически мы перед законом не равны*. Кого-то сажают в тюрьму, а других не наказывают даже за гораздо более тяжкие преступления.

В его понимании, сословия – это социальные группы, которые занимают совершенно определенное положение в иерархической структуре общества. Утверждается, что для России на всех этапах ее истории, включая нынешний, характерна сословная социальная структура.

Кордонский различает *титульные* и *нетитульные* сословия. Думаю, эти термины можно понимать как официально и неофициально существующие сословия. Также он говорит, что и права, и привилегии могут быть как официальными, так и неофициальными. Это довольно очевидно, об этом много говорилось, но стоит еще раз подчеркнуть следующее отличие сословного общества от несословного. В несословном обществе, где все равны, заработок человека принадлежит ему, и никто не сомневается, что это справедливо. В сословном же обществе имеется установка, что жить надо «по рангу», в соответствии с общественным положением. Как мы это видели, во времена Московского княжества или царства воевода мог красть, но он мог это делать в пределах того, что считалось нормальным. Он мог творить произвол, притеснять людей и т.п. – но тоже в определенных (хотя и точно никогда не установленных) пределах, однако если нарушались какие-то неявные границы, то он мог за это поплатиться. С другой стороны, если бы столько же украл человек, который не имел надлежащего статуса, то этот человек считался бы жуликом.

Далее Кордонский объясняет, что означают в российском контексте некоторые понятия.

«Общественная жизнь». Нужно сказать, что он вообще очень скептически относится к заимствованным словам – «общественная жизнь», «гражданское общество» и т.п. Он говорит поэтому, что общественная жизнь у нас представляет собой, по сути, борьбу и торги по поводу сословных привилегий и обязанностей, то есть по поводу того, кому что можно и кому чего нельзя. Именно это является для «общества» предметом выяснения.

«Справедливость». Добросовестное служение вознаграждается, а размер жалованья должен быть пропорционален общепринятой в данном обществе значимости человека. Если ты занимаешь какое-то место и слу-

жишь так, как от тебя ожидают, то ты можешь получать соответствующие официальные или неофициальные права и привилегии, которые обществом считаются справедливыми. Соответственно, в сословном обществе не может быть богатых и бедных в «современном» смысле этих понятий – потому что если человек, имеющий высокий статус, живет соответственно этому статусу, то он не рассматривается как богатый, это считается нормальным. Ненормальным же считается, пишет Кордонский, стремление к богатству, к наживе, или демонстрация благосостояния, которое не соответствует сословному статусу. Это считается аморальным и вызывает негативные санкции. Понятие работы ради заработка чуждо сословному устройству.

«Неформальные привилегии». Кроме жалования, «служивому» человеку полагается дополнительное довольствие. Но более значимым источником является сословная рента, которая означает, что люди, относящиеся к высоким сословиям, могут безнаказанно отнимать ресурсы у людей, относящихся к более низким (обычно применительно к этой теме упоминается ГИБДД. При этом, пишет Кордонский, представители титульных сословий облагаются ГИБДДшной рентой в меньшей степени, чем представители нетитульных).

В рамках этой модели – свое понятие коррупции. Кордонский говорит, что никакой коррупции в западном смысле у нас нет, а есть *мздоимство*, которое означает просто, что у людей имеются не только формальные, но и неформальные права по перераспределению ресурсов.

В СССР, если объем ресурсов, которыми распоряжались граждане с низким статусом, превышал некоторый «нормальный» уровень, то они объявлялись нетрудовыми доходами. Опять же, логика тут в том, что существует некий норматив (формальный или неформальный) относительно того, что может потреблять человек, имеющий определенный статус, и проблемы начинаются тогда, когда человек отклоняется от этого норматива, когда он «крадет не по рангу» или даже просто потребляет не по рангу.

Такая система, говорит Кордонский, все время вынуждена перераспределять ресурсы, поскольку власть должна давать их тем, кто ей служит. Для того же, чтобы перераспределять ресурсы, власть должна кого-то объявлять врагами. Этот процесс, по его мнению, непрерывный.

Вспомним книгу Миронова и его определение, что такое сословия. Признаки сословия на Западе – это законодательное закрепление статуса, наследственные права, самоуправление сословий, сословный суд, сословное самосознание и внешние признаки сословной принадлежности. «Сословия» Кордонского, отчасти похожи на это определение, хотя он делает гораздо больший акцент в неформальную сторону, поскольку у нас закон не играет такой роли, как на Западе, и надо больше говорить про традиции и неписанные нормы. Получается, что наша оценка разницы между западными сосло-

виями и «сословиями» Кордонского в точности равна тому, насколько мы хотим понимать принципиальное значение права в западной жизни.

«Гениальная власть»

Павловский Г.О. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля¹²⁰.

Глеб Олегович Павловский (род. в 1951 г.) – российский политолог, один из создателей нынешней российской власти.

Павловский определяет жанр своей книги так:

Это эссе инсайдера о том, каким видится мир из Кремля. Нам все заведомо по плечу. Мы уверены, что любая цель достижима силами старой команды, все той же с 2000 года. Из года в год за нее голосует большинство. Вслед губительной катастрофе всегда подспевает спасительная. Крах 1991 года породил немыслимую Россию, бум мировых «пузырей» питает ее магическую экономику. Даже цунами на нашей стороне. Гениальность власти – самооценка, которую некому поколебать в ее замкнутом мире. Микшируя собственность, страх и свободу Кремль применяет скрэтч – палец диджея всегда на пластинке. Династийная передача должности из рук в руки обещает, что гениальная власть вечно пребудет с нами. Созаем ли мы, что рискуем? Системы власти держатся на ошибке.

И дальше:

В чем великолепие российской власти? Ей все заведомо по плечу. Мы уверены, что всякая цель достижима силами данной команды, стареющей и давно всеми нелюбимой, но все той же с 2000 года. Считая себя ультракомпетентной, власть пренебрегает простой управленческой компетентностью. Нас попрекают тем, что мы не умеем ничего толком организовать... Наша некомпетентная сверхкомпетентность – командное свойство. Команда власти всегда готова проявить компетентность в вещах, о существовании которых еще вчера не знала. Отсюда ее кадровый застой: импровизатора заменить некому, его опыт уникален.

Итак: команда импровизаторов, которая действительно может решить любую задачу, это небольшая команда людей, которые действительно

¹²⁰ Павловский Г.О. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. – М.: Европа, 2012. – 120 с.

но сильно отличаются по своим возможностям, способностям, ресурсам. Они нашли такой секрет общественного устройства, когда они могут управлять этим процессом.

При этом каждый проект, который они делают, они делают неудачно или недостаточно эффективно, но при этом оказывается, что из любой ситуации они могут вылезти и любой проект они могут осуществить. Эта «некомпетентная сверхкомпетентность» – командное свойство. Заменить людей, способных импровизировать, некому. Опыт их уникален.

Книга структурирована по алфавиту как словарь. Вот некоторые из этих слов:

«Бесповоротность»:

В кремлевской политике стерлось понимание бесповоротности выбора важной стратегии... Путин хочет сохранять отменяемость выбора после того, как выбор сделан – так мыслят все, кто лишен понятия риска.

«Большинство»:

Лозунг демократии не породил нас с Европой, а лозунг суверенитета ее насторожил. Обычная европейская ошибка – упрощать стратегию Кремля, сводя к попыткам спасти монополию. Но система ищет защиты и от (памятных ей) безумств большинства, и от аппаратного идиотизма власти. Недоверие команды Кремля к собственному аппарату – важный мотив интереса к демократическим практикам. Демократию здесь ценят как партизанскую тактику, используемую властью для просачивания в собственный аппарат. Но теперь демократия превратилась в новую трудность для власти – зависимость от провластного большинства.

Вспомним 1990-е годы – время, когда были выборы и политическая борьба, было ощущение неуправляемости или недостаточной управляемости страной. С другой стороны, Павловский говорит про недоверие Кремля к собственному аппарату. Кремль – это маленькая команда, и она хочет защититься.

«Вертикаль власти»:

Под именем вертикали действует оригинальная и надежная система скупки-кредитования управляющих групп для работы по федеральным заданиям.

Наша команда с 2000 года овладевала страной с легкостью, не меняя прежнего менеджмента. Суверенитет восстанавливали, отказываясь управлять. Вербовка регионалов федеральным центром шла на четких условиях: играете по своим правилам, но в московский футбол. Повестка устанавливается центром, но тот не вмешивается в местные технологии власти. Дирек-

тивы сверху – «этого не избирать, а того избрать», «такой-то процент для такой-то партии» – проводите средствами, какие есть на местах. Работая по заданиям центра и выполняя поставленные задачи, регионалы подтверждают компетентность, сохраняют должности, которые занимают, и с ними – право обогащаться (право строго привязано к месту власти).

Павловский повторяет эту мысль во всех своих выступлениях, хотя она не очень понятна: никакой вертикали власти нет, а есть покупка послушания – даже покупка видимости послушания – за деньги.

Проиллюстрирую эту мысль на другом примере. В свое время я много общался с социологическими организациями и немного представляю организацию их работы. Предположим, в Москве есть некая организация, имеющая региональные отделения в областных центрах. Оказывается, что эти региональные отделения в основном заняты не тем, что выполняют задания своей головной московской организации, а тем, за что им платят деньги – кто угодно. Им платит либо сама головная организация, либо они могут наняться к какой-то другой московской организации, даже конкурирующей. У этой системы есть еще «третий и четвертый этаж» – инструкторы в райцентрах, которые вербуют интервьюеров. И те, и другие, предположим, числятся за региональными отделениями нашей организации, но на самом деле они тоже работают на того, кто их наймет. Павловский говорит, что точно так же устроена и вся власть – верх покупает следующий нижний уровень – за деньги или что-то другое – для того, чтобы они делали проекты, которые нужны, в данном случае, Кремлю.

«Государственность»:

После ряда попыток и поисков... возникла экономически респектабельная власть – суверенитет-монополист, кредитоспособный агент глобального рынка. Внутри страны гражданин России не является носителем государства, зато власть выступает им вовне. Наш суверенитет гарантирует любому из лояльных определенную долю. А некоторым дает и полную гарантию их собственности. Но только с согласия государства, и власть может согласие отозвать.

Следующая мысль перекликается со всеми нашими обсуждениями русской государственности: государство как отдельная корпорация гарантирует лояльным людям или лояльным институтам определенную долю или собственность. Это поместная система, которую он описывает в сегодняшней конкретике.

Российские институты власти – не правовые и не противоправные, они *внеправовые*. Они обуславливают защиту собственности включением собственника в некие договоренности.

Титул суверенитета позволяет нам оформлять, переоформлять и отнимать любые права. Никакая «приватизация», формально присваивая статус частной собственности некому имуществу в РФ, не может изменить ситуацию. Эти раздачи остаются простым «землеотводом» единого собственника национальной территории. Зато найдено главное, что искали под именем свободы, собственности и порядка, – защита! Гражданин получил блага, предоставляемые правом и капиталом, – без права и без капитала, а по договоренности о пропорции благ, причитающихся из бюджета.

Вот что Павловский говорит про демократию:

Я рассматриваю демократический опыт России как эксперимент. Я редко встречал в Кремле людей с явно антидемократическими взглядами. Демократия в России – консенсус, которого придерживались все ее президенты. Мы рассматриваем свою команду как неповторимую власть, жертвующую мелочами демократии ради поэтапного внедрения ее институтов.

Они не уверены, что в России это получится, у них осторожно-скептическое, пессимистическое отношение: давайте попробуем, и может быть придется какими-то демократическими мелочами пожертвовать ради того, чтобы реальные, существенные признаки демократии постепенно можно было внедрить.

«Кавказ». В другом месте, не в этой книге Павловский говорит, что Россия состоит из нескольких частей, очень разнородных и не подчиняющихся единому центру или друг другу. Это Кавказ, а также Роснефть как огромная международная корпорация и Кремль, покупающий лояльность территорий.

Кавказ – провал модели, которая доказала успешность построения вертикали власти всюду, от Москвы до Тувы...

Местные субъекты власти оказались многочисленны. Центров господства было неучтенное множество и у каждого есть возможность безнаказанно плодить конфликты под псевдонимом «терактов» (ссылаясь на «подполье»). Все требовали финансовых преференций, а при неудовлетворенности кого-то убивали или взрывали. Использование террористов кавказскими «президентами» перешло в их коммерческое партнерство, и кавказские бюджеты стали экспоненциально расти. Возник большой мировой бизнес под названием «бюджет российского Кавказа».

«Конфликты»:

Одна из вещей, не дающихся ни Медведеву, ни Путину, ни России, – честная организация поля конфликтов. Конфликты мы гасим или забалты-

ваем, а силу власти бросаем против самого конфликта, а не в защиту его сторон. Власть ... ищет виновника, а не решение. Формируется спрос на «виновника», и у одного из участников появляется соблазн использовать государство против другого. Едва только один из них первым натянет маску государственности, конфликт коррумпируется, и симметрично ответить нельзя. Конфликт превращается в борьбу «государства» с мнимой «антигосударственной» стороной, что сверхприбыльно для тех, кто удачно замаскировался под «государство». Власть провоцируют, чтобы та не уклонялась от обслуживания сложившихся частных преимуществ. Разумеется, власть-охранитель коррумпируется, и монополия на насилие от нее ускользает.

Российская власть перегружена неуправляемыми конфликтами, как советская экономика – плановыми расчетами.

Безусловно, это интересная мысль. Это рассуждение очень похоже на ту модель административного рынка, о которой была речь выше. В Советском Союзе власть распределяла ресурсы, и это тоже были конфликты – по поводу плановых заданий и поставок ресурсов. Конечно, они были в основном экономические, а не политические.

«Нефтяная зависимость»?

Почему ошибочно называть Россию нефтяным государством? По определению нефтяное государство – то, чья государственная система архаична и для сохранения которой правительство тратит доходы с продаж нефти и газа.

Принципиальное отличие России от нефтегосударств там же, где и формальное сходство, – в слабости государственных институтов: институты России действительно слабы, слабее некуда.

Можно ли назвать авторитарным политический строй, где центральная власть не производит авторитаризма, а является его потребителем? Наш авторитаризм симулируется местными бюрократиями. Они изображают покорность, и возникает чувство, будто власть чрезвычайно сильна.

«Общественный договор»:

С арестом Ходорковского общественный договор 2003 года стал договором о распределении страха в умеренной дозировке. ... Но что прячет наш страх? Страх перед теми, кто практикует назначение норм и дозирует их интерпретацию.

Всякая договоренность или реформа превращается у нас в ресурс власти. Власть не отдает места арбитра между бюджетозависимыми социальными

ми группами («путинским большинством») и людьми, производящими добавленную стоимость (бизнес, рабочие, инженеры). Она сохранит центральное положение и останется «круглым столом» всякого внутреннего договора.

И никому еще не удавалось рассортировать реальность угроз, от которых защищает гениальная власть. Иные угрозы производны от нее же самой. Но риски накапливаются... их прячут, а они растут. Эта система не продаст себя, пока не спрячет риски в позитивный формат. В чреве матрешки «стабильности» – мир нелокальных рисков. Это непрозрачный пакет ценных бумаг разной надежности.

«Путинское большинство»:

Победное большинство 2000 года строилось нами как реванш проигравших – бюджетников, пенсионеров, рабочих, дружно прокливаемой бюрократии и презираемых силовых структур. И главное, забытых демократами женщин – важнейшей, может быть, наиболее верной силы коалиции Путина.

Проигравшие 1990-х годов да станут победителями нулевых, социально ничтожные да вознесутся в столпы государственности! Так в путинском большинстве слились группы, еще вчера отверженные и травмированные. Память о ничтожестве заставила их зубами вцепиться в новое status quo. Сцепка получила имя стабильности.

За счет наведения казначейского порядка, сбора налогов и обуздания директората пенсионерам выплатили пенсии, рабочим – зарплаты. Это происходило на фоне восстановления экономики после дефолта.

Заметим, что все это имеет непосредственную связь с судьбой Ходорковского. После его ареста и осуждения собираемость налогов возросла очень существенно.

«Резервы»: Павловский говорит здесь про особую роль А.Л. Кудрина, создавшего резервы. Павловский называет его «человеком, превратившим нашу паранойю в стратегию наших побед».

«Страх»:

Человек в России погружен в среду рассеянного, якобы частного, насилия, где все ждут атаки. Власть дружески намекает ему: я-то тебя защищаю, но погляди – вокруг одни отморозки! Кто знает... Что в этом важно? Что неопознанность страхов превратила насилие из эксцесса в ландшафт. Власть скрытно сожительствоует с частным насилием – оно ценно тем, что мультиплицирует страхи. Выгодно продавать страх. Но не тем, у кого есть деньги

купить защиту, а миллионам, которые не могут ее купить. В едином пакете со страхом продается Государственность, которую иначе не купили бы из-за бесполезности ее услуг.

Это ровно то же, что говорят социологи про местные власти и местную инфраструктуру в деревне. Кремль шантажирует бизнес тем, что у него могут быть какие-то неприятности либо с населением, либо с самой властью. И заставляет элиты удовлетворять массовые запросы.

И вот что говорит Павловский «вместо заключения»:

Российское «ручное управление» управляет не процессами, а людьми, получая выгоду от того, что неуправляемый хаос их ослабляет. Власть рулит заслонками допуска в VIP-зоны порядка, обостряя страх их потерять.

Власть – единственный российский субъект, который отлично капитализированным выходит на мировой рынок. Но операции с его выручкой нелегальны. Они скрыты от налогоплательщика внутри межбюджетных (и воровских) процедур. Зато мы раскидываем рубли социальной помощи в триллионных объемах из бюджетных мешков.

Россия – это страна, где некоторые потребляют много, оставляя миллионам потреблять мало, зато равномерно и гарантированно. Российская система социальной поддержки состоит в прямом расходовании средств бюджета. Это не капитал и не эндаумент – это бюджетный грант. Такое социальное государство стоит еще дороже, чем сверхдорогая элита.

Добавим несколько комментариев – как выглядит российская институциональная специфика в книге Павловского.

- Власть – всё так же, как описал ее Пайпс, – находится «сбоку» от общества, она вотчинная, она занята международной коммерцией. Откровенно говоря, просто удивительно, насколько это похоже на изображение варяжского использования русских ресурсов. Картина, которую рисует Павловский, и рассказ про варягов удивительно похожи.
- Власть выстраивает людей по отношению к себе и создает различные режимы – так же, как при Сталине. Можно видеть, как отдельный режим Кавказ, а можно так видеть ГИБДД, называть это условиями или как-то иначе, но это тоже продолжение того, что уже было.
- Права собственности – условные.
- Власть выступает как посредник. Это еще одна стадия бюрократического рынка.

Средний класс и его будущее

Сергей Белановский, Михаил Дмитриев, Светлана Мисихина, Татьяна Омельчук.

Движущие силы и перспективы политической трансформации России¹²¹.

Это доклад не первый, а, кажется, третий в серии Белановского и Дмитриева. Весной 2010 года они предсказали народные возмущения по поводу выборов – чуть ли не за год до того, как случились «Болотные площади». Рассматриваемый доклад выпущен в ноябре 2012 года.

Мы рассмотрим здесь только один раздел доклада – «Социальная поляризация и ее долгосрочные последствия». Это прогноз, т.е. речь пойдет о будущем.

Авторы строят свой прогноз в терминах «путинского большинства» и «среднего класса»:

В настоящее время российский средний класс является не доминирующей, но значимой и наиболее быстро растущей массовой общественной силой, предъявляющей спрос на политические изменения.

Однако специфика современного развития России состоит в том, что влияние малообеспеченного населения, зависимого от государства и формирующего патерналистский социальный запрос, остается еще очень велико.

Это создает предпосылки для перехода к *биполярной структуре* общества с трудно совместимыми социальными ожиданиями и системами ценностей, установление баланса между которыми является непростой задачей для любой политической власти.

Еще раз о «путинском большинстве»:

К 2000 году в России сложилась почти однополярная политическая структура, в которой единственной по-настоящему массовой и электорально значимой группой был сравнительно однородный слой традиционалистов с достаточно однородной системой ценностей и поведенческих стереотипов, представленный в основном малообеспеченным населением.

¹²¹ Движущие силы и перспективы политической трансформации России / [Белановский С. И др.]. – М., 2012. – Сведения доступны также по Интернету: www.csr.ru/docs/category/8-?download=201%3A

Все партии попадали в зависимость от левопопулистского электората, что приводило к их конвергенции на левом фланге и вело к формированию популистских парламентов 1990-х гг. Дефолт 1998 г. подвел своеобразную черту под эволюцией этой системы, продемонстрировав экономические риски, связанные с ее политической несбалансированностью.

Однополярная структура российского общества облегчила начавшийся после 1999 г. процесс ограничения партийной конкуренции. Она позволяла обращаться к подавляющей части населения с однородным политическим контентом и на этой основе формировать широкую политическую базу партии власти.

В момент прихода В.В. Путина к власти нужно было понять, что эту однополярную структуру можно использовать и как это сделать. В результате проблема превратилась в опору. Суть в том, что «авторитарный» путинский режим, который сложился в 2000-е годы, был основан на однополярной структуре российского общества.

Вот как авторы доклада видят ценности «традиционалистов»:

- Ориентация на уравнильность доходов.
- Предпочтение стабильности риску.
- Приоритет коллективных интересов над личными.
- Незаинтересованность в личных достижениях.
- Низкое доверие к бизнесу.
- Незначительный спрос на правовое государство.
- Запрос на активную государственную перераспределительную политику.
- Зависимость от социальных трансфертов.

В отличие от этого, ценности среднего класса – это:

- Доминирование достижительных мотиваций.
- Ориентация на европейские ценности.
- Его представители в гораздо большей степени полагаются на собственные силы, ориентированы на творческие виды деятельности, хотят быть яркими индивидуальностями.
- В экономическом плане большинство из них категорически не заинтересовано в переделе собственности, отрицают идеи уравнильности доходов и отстаивают принцип равенства возможностей.

По всем этим характеристикам средний класс резко контрастирует с людьми, к нему не относящимся.

По разным причинам – демографическим, и в связи с ростом уровня жизни – авторы доклада считают, что средний класс будет численно расти. С учетом межпоколенческих сдвигов и даже на основе консервативно-

го сценария роста ВВП и доходов получается, что средний класс возрастет к концу десятилетия до трети, а во взрослом населении – и до 45%, причем в крупных городах это будет большинство. А это значит, что «к 2020 году абсолютное большинство взрослого населения страны будет принадлежать к среднему классу или его ближайшей периферии».

Отсюда политический прогноз доклада:

Под влиянием долгосрочных демографических сдвигов, связанных с экономическим ростом и с переходом двух поколений бэби-бумеров в новые возрастные группы, социальная структура российского общества к концу следующего десятилетия перейдет в принципиально новое качество.

Социальная поляризация, сложившаяся к концу предыдущего десятилетия, сохранится и даже, возможно, усилится в возрастном и пространственном разрезе. Но впервые в истории страны средний класс и примыкающие к нему социальные группы составят абсолютное большинство электората. В крупных городах доля среднего класса составит свыше 60% взрослого населения.

В результате этих изменений партии, ориентированные на электорат среднего класса, смогут получать большинство голосов на федеральных парламентских выборах. Левые партии, напротив, смогут добиваться большинства только в случае привлечения на свою сторону части представителей среднего класса и его ближайшей периферии. Это будет усиливать процесс межпартийной конвергенции на программной основе, обращенной к представителям среднего класса.

Позволю себе коротко прокомментировать эту работу. Во-первых, мне кажется, что, строя достаточно долгосрочный прогноз будущего спроса со стороны среднего класса на услуги государства – в том числе, на политическую систему – стоило бы попробовать спрогнозировать будущие образы жизни и поведения людей. Отсюда можно видеть те жизненные проблемы, решение которых нынешнее государство не способно обеспечить. Сегодня более или менее налажена инфраструктура для жизни примерно по советскому образцу (квартира в многоэтажном доме, работа по найму и т.д.). Также люди могут решать свои проблемы, если они достаточно богаты. Те же, кто попадает между этими двумя слоями, испытывают большие трудности. Вопрос заключается в том, какова будет в перспективе доля таких людей?

Второй комментарий будет несколько пессимистическим. История России показывает нам, что институциональные факторы могут оказаться более сильными, чем структурные и экономические. Мы видели примеры, когда уровень жизни подстраивался под институты, а не наоборот.

Часть III. «ЗАПАД» И «РОССИЯ»: МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Как написал Борис Гройс¹²², проблема «Россия и Запад» является центральной для русской философской традиции, однако термины «Россия» и «Запад» не имеют у нас какого-то географического, политического или социологического значения:

Скорее они являются шифрами для обозначения фундаментального философского вопроса об универсальности мышления и культуры. Термин «Запад» обозначает здесь установку на универсальную, общеобязательную, рациональную истину по ту сторону любых различий в жизненной и культурной практике. Термин «Россия» указывает на невозможность такой истины и на необходимость поэтому искать решения не на уровне мышления, а на уровне самой жизни.

Мягко говоря, Гройс дает этим поискам довольно невысокую оценку:

(П)о меньшей мере, начиная с Чаадаева, русская мысль, поставленная перед вопросом о своей национальной идентичности, самостоятельности и оригинальности, и в то же время не будучи в состоянии предъявить ничего действительно экзотичного и гетерогенного по сравнению с западной культурой, постоянно отвечала на этот вопрос тем, что интерпретировала Россию как место реализации, или материализации, западных дискурсов об Ином. При этом исторически сложившиеся формы русской жизни обычно подвергались критике, а подлинная Россия помещалась либо в предысторическое прошлое, либо в утопическую перспективу, которые моделировались по образцу соответствующих западных теорий Иного. При этом эти теории трансформировались таким образом, чтобы лишить их негативного, чисто критического характера и таким образом теологизировать Иное, или, по меньшей мере, придать Иному позитивную, аффирмативную окраску. В то же время речь здесь идет лишь о довольно раннем варианте стратегии, которую в течение XIX—XX веков использовали многие исторически неуспешные национальные культуры или социальные субкультуры с тем, чтобы с помощью апроприации различных дискурсов об Ином смоделировать собственную культурную оригинальность и идентичность.

С этим трудно не согласиться. Многочисленные попытки — начиная от славянофилов — «выдать нужду за добродетель» не могут не разочаровывать. Тем не менее, вопросы остаются. Почему собственно, из-за какой специфики мы не можем «предъявить ничего действительно экзотичного

¹²² Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. — 1992. — № 9. — С. 52-60.

и гетерогенного»? Или, наоборот, в тех случаях, когда это все же получалось, то в силу каких обстоятельств? Почему за русской культурой числится всем известная неспособность создавать формы? Неспособность к рефлексии, доходящая до афазии?¹²³

Но начнем мы с вопроса, как мы понимаем устройство «Запада». Потому что мне кажется, что реальный европейский Запад есть результат того, что можно назвать *институциональным изобретением*. Мне кажется, там к какому-то моменту возникла специфическая техника общественной организации и организации когнитивных сред, которая и стала основой его успехов.

¹²³ Oushakine, Serguei. In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia – Europe-Asia Studies, Vol. 52, No. 6, 2000, 991–1016

Глава 6. Либеральный общественный порядок

Моделируя «Запад», в качестве исходного пункта рассмотрим «теоретический мир» Хайека – нарисованную им картину «либерального общественного порядка»¹²⁴ – и дополним ее теми аспектами, которые сам Хайек не считал необходимым подчеркивать, либо которые не были еще актуальными в его время.

Для простоты мы в дальнейшем снимем кавычки со слова «Запад». Несмотря на это, следует постоянно помнить, что речь будет идти о модели, об «идеальном типе». Прежде всего, в географическом смысле не очень понятно, к чему эта модель относится. Во-вторых, эта модель описывает только «половину» тех отношений, которые можно наблюдать в реальных обществах «западного» типа. Более того, модель по-видимому была построена Хайеком специально с полемической целью противопоставить комплекс отношений «либерального» типа, основанных на идее свободы, другому, «демократическому» комплексу отношений – основанных на идее равенства¹²⁵. Наконец заметим, что, говоря о «либеральном общественном порядке», Хайек называет его спонтанным. Между тем ключевой вопрос состоит в том, достаточно ли придерживаться принципа *laissez-faire* для того, чтобы такой порядок возник сам? Или же «либеральный общественный порядок» (*rule of law*, «система модерна» и т.п. близкие понятия) представляет собой такое же великое изобретение человечества, как, скажем, колесо. Как известно, высокие цивилизации Америки обходились без колеса. Можно предположить, что и либеральный порядок «не вырастает сам по себе», а должен быть предметом трансплантации.

Либеральный порядок как рефлексивная знаковая система

Основное свойство либерального порядка – то, что в его основе лежит знаковая система, которая позволяет далее создавать совершенно новые знаковые системы. По выражению Поппера, это «открытое общество». Впрочем, создаваемые новые системы не могут быть абсолютно произвольными, они сохраняют свои генетические грамматические черты.

¹²⁴ Friedrich A. Hayek. *The Principles of a Liberal Social Order*. – in *The Essence of Hayek*, Stanford, CA: Hoover Institution, 1984.

¹²⁵ Актуальность и значимость этого противопоставления показывает и его «переоткрытие»: Закария Ф. Будущее свободы. Нелиберальная демократия дома и за границей. – М.: Ладомир, 2004. С другой стороны, высказывается также мнение о том, что либерализм и демократия являются взаимно дополняющими принципами: Vanberg, Viktor J. *On the complementarity of liberalism and democracy – a reading of Hayek F.A., and Buchanan, J.M.* – *Journal of institutional economics* (2008), 4: 2, 139–161

Индивиды и их «территории»

«Теоретический мир» Хайека населен *индивидами*, которые порождают инновации, идеи. Затем эти идеи (идеальные объекты) отделяются от производящих их индивидов и превращаются в «объективно существующие вещи». Как заметили еще классики, в системе «либерального порядка» («при капитализме») социальные связи «отчуждены» от индивидов и опосредованы вещами.

Индивиды действуют абсолютно *свободно*, однако не во всех случаях, а только в пределах своей *территории*; по собственной терминологии Хайека – внутри своего *private domain*. Тут могут быть разные синонимы: эту территорию можно называть сферой *компетенции* индивида, совокупностью его *прав*. В любом случае рамки компетенции формулируются в негативных терминах наподобие негативных прав и означают запрет на какое-либо вмешательство в дела другого индивида, отнесенные к его «территории».

Вот как трактует этот вопрос англоязычная Википедия¹²⁶:

Философы и специалисты политической науки проводят различие между негативными и позитивными правами (это не следует смешивать с различием между негативными и позитивными свободами). В соответствии с этими взглядами, позитивные права позволяют или предписывают действие, в то время как негативные права позволяют или предписывают бездействие, воздержание от действия. Такого рода позволения или предписания могут иметь как правовой, так и моральный характер».

Таким образом, «реальность» поделена на «территории», которые очерчивает, выделяет совокупность прав каждого данного индивида. Эта совокупность прав представляет собой элемент знаковой системы.

Грамматические «правила справедливого поведения»

Итак, взаимодействия индивидов в системе либерального порядка возможны только на основе добровольности. Поскольку, таким образом, существует запрет на вмешательство одного индивида в дела другого, то набор прав, которыми обладает тот или иной индивид в каждый данный момент, складывается исключительно в результате *добровольного обмена* с другими индивидами (либо путем односторонних сделок, как дарение или завещание).

¹²⁶ Negative right // http://en.wikipedia.org/wiki/Negative_right. Весьма показательно – хотя и вполне ожидаемо, – что в русской Википедии статья о позитивных и негативных правах отсутствует.

Общие рамки для таких добровольных обменов задаются *законами*, имеющими исключительно *безадресный* характер, то есть одинаково относящимися к любому индивиду. Хайек называет их «правилами справедливого поведения», имея в виду, что эти законы сформулированы в терминах негативных прав индивидов, запрещающих вмешательство на чужой «территории».

Эти правила представляют собой грамматику системы, они позволяют из элементарных единиц (прав) строить единицы следующих уровней – договоры, юридические лица и т.д.

Роль права

Право – это основа либерального порядка как знаковой системы. Оно обеспечивает надежность и постоянство связей между знаками и реальностью.

Как иллюстрацию приведем слова Гарольда Бермана, объяснявшего функции права студентам – гуманитариям:

... место права в нашем обществе – то есть в западной традиции мысли и действия – уникально. Запад вознес право до положения фундаментальной основы общества. Вера в существование «фундаментального закона», которого должны придерживаться правительства, чтобы избежать риска быть свергнутыми как деспотии, была характеристикой Европы по крайней мере начиная с 11 века. Эта вера находит выражение в английской концепции Rule of Law так же, как и в немецкой идее Rechtsstaat, не говоря уже об американских конституционных требованиях должной правовой процедуры. Это вера, которой в наше время резко бросали вызов тоталитарные системы, но также и некоторые течения в демократической юриспруденции.

Роль «профессий»

Механизм поддержания и развития знаковой системы, с помощью которой индивиды взаимодействуют, совершая сделки (обмениваясь правами или их делегируя), отделен от них и выделен в отдельную подсистему (или *метасистему*). Эта система «ортогональна» рынку: индивиды не имеют возможности (локально, в момент сделки) влиять на язык и правила, обеспечивающие и ограничивающие их действия.

Именно система права вырабатывает понятийный аппарат. Тот факт, что индивид (неважно, принадлежащий данному профессиональному сообществу или нет) в каком-то случае оставался в пределах своих прав

(своей компетенции), или же выходил за их пределы и совершал нарушение, устанавливается также представителями данного профессионального сообщества и по правилам, принятым данным профессиональным сообществом (судит – судья¹²⁷).

Но право – это не просто сообщество юристов. Это целостная когнитивная система, организм, который живет своей особой жизнью. В модели «либерального общественного порядка» законы не «принимаются», а «открываются», как некоторые объективно существующие закономерности, которые просто до поры – до времени были неизвестны. Это делают в первую очередь судьи и юристы, а не законодатели.

В связи с этим нужно сказать, что право – это основная, но не единственная знаковая система Запада, и ее главные черты повторяются в науке, медицине, и других областях, исторически же они возникли в Средние века в Католической церкви. Основной организационный принцип состоит в том, что соответствующая знаковая система вырабатывается внутри особого *профессионального сообщества*¹²⁸ (юристов, ученых, врачей) и по правилам, принятым в этом сообществе, путем открытого, понятного и воспроизводимого обсуждения. Это обсуждение не может быть обращено к «непосвященным» (не членам сообщества).

Сравнивая профессии с рынком и бюрократиями, говорят об их отличии и от того, и от другого, о *третьем механизме*. Судья, врач, университетский профессор не встроены в систему бюрократического подчинения. С другой стороны, отношения врача с пациентом или студента с профессором не являются рыночными вследствие того, что ни пациент, ни студент не могут квалифицированно судить о качестве услуги, предоставляемой врачом или профессором. Качество в этом случае обеспечивается механизмами социализации и контроля *внутри* профессии, которая по отношению к обществу в целом выступает как единое целое. Точно так же, обсуждение научных теорий – это задача ученых, а апелляция к властям или «публике» справедливо осуждается как «лысенковщина».

Процедуры индивидуального принятия решений

Задумаемся теперь о взаимодействии индивида и его «территории», т.е. закрепленного за ним куска «реальности». Негативные права гарантируют, что никакие другие индивиды не могут вмешаться в то, как данный индивид распорядится подвластными ему ресурсами. Но хватит ли у него

¹²⁷ Хотя в ходе этой процедуры может запрашиваться мнение «непосвященных» присяжных.

¹²⁸ Freidson, op.cit.

сил, чтобы самостоятельно преодолеть сопротивление самих этих ресурсов, сопротивление объективных законов природы?

Из такого рода вопросов возникает тема, которая красной нитью проходит через всё время возникновения и развития «знаковой» системы общественной организации в Западной Европе. Это тема власти человека над природой. Слова Френсиса Бэкона «знание – сила» имеют к данной теме самое непосредственное отношение, в Новое время были созданы техники предсказания и управления природой, техники индивидуальной реализации идей: логический вывод, эмпирическая проверка, эксперимент. С помощью этих техник человек может принимать решения и воплощать свои идеи, не спрашивает мнения других, а «консультируясь» с объективной реальностью.

Принцип разделения компетенций

Итак, права индивида сформулированы в негативных терминах и запрещают всем другим ступить на его «территорию». Но что делать, если это все же произошло? Следует ли из либерального порядка право застрелить мальчишку, залезшего в чужой сад за яблоками? Или право продать должника в рабство? Иногда это буквально так и понимают, однако чаще всё же бывает, что правоприменение, насилие выделяется в отдельную функцию. Но тогда между правом и правоприменением возникает разрыв¹²⁹. Принцип разделения компетенций призван минимизировать этот разрыв.

Современный программируемый компьютер состоит из «железа», и «софта», причем «железо» делает то, что ему велит «софт». В политике это соответствует принципу разделения властей или, шире, разделения компетенций. Подчеркнем – речь здесь идет не о демократии и не о справедливости, а о том, как работает «машина». Разделение компетенций – это совершенно функциональное свойство, призванное обеспечить единообразное соответствие правового знака его значению.

Единство контекста: прозрачность vs. коррупция

Либеральный порядок имеет важнейшую особенность: предполагается, что понятия имеют смысл независимо от ситуации. Соответственно, законы и этические нормы едины для всех, факты могут быть в принципе всегда проверены, договоренности должны безусловно выполняться и т.д. Общим понятием, по сути дела выражающим весь этот комплекс подходов, на современном языке является *прозрачность* (*transparency*).

¹²⁹ В российском контексте противопоставление права и правоприменения (в отсутствие первого) представляется недоразумением.

Для иллюстрации приведем здесь цитату из известной книги Майкла Крайтона «Восходящее солнце»¹³⁰:

«Сукин сын», сказал я. ... «Этот прыщ смотрит нам прямо в глаза и лжет». – «Да, это досаждает», отозвался Коннор. «Но, понимаешь, у Ишигуро другой взгляд на подобные вещи. Теперь, когда он рядом с мэром, он видит себя в другом контексте с другим набором обязательств и требований к собственному поведению. Так как он чувствителен к контексту, он способен действовать по-другому, безотносительно к своему прежнему поведению. Для нас он кажется другим человеком. Но сам Ишигуро чувствует, что он просто ведет себя соответственно... На самом деле мы все так делаем. Просто американцы верят, что существует некое ядро индивидуальности, которое не меняется от одного момента к другому. А японцы верят, что контекст управляет всем».

Очень интересно, что точно ту же самую мысль мы находим у Бахтина в книге о творчестве Достоевского¹³¹. Принципиальное отличие метода писателя состоит в том, что его персонажи не являются носителями некоторых объективно существующих свойств или идей; они – полноценные личности, которые соучаствуют в творении жизни и проявляют себя во взаимодействии с другими людьми и с миром в целом. Такой подход Бахтин называет «диалогическим», противопоставляя его «монологическому» миру единых контекстов и «объективно существующих» идей:

Монологический художественный мир не знает чужой мысли, чужой идеи как предмета изображения. Все идеологическое распадается в таком мире на две категории. Одни мысли – верные, значащие мысли – довлеют авторскому сознанию, стремятся сложиться в чисто смысловое единство мировоззрения; такие мысли не изображаются, они утверждаются; эта утвержденность их находит свое объективное выражение в особой акцентуации их, в особом положении их в целом произведения, в самой словесно-стилистической форме их высказывания и в целом ряде других разнообразнейших способов выдвинуть мысль, как значащую, утвержденную мысль. Мы ее всегда услышим в контексте произведения, утвержденная мысль звучит всегда по-иному, чем мысль не утвержденная. Другие мысли и идеи – неверные или безразличные с точки зрения автора, неукладывающиеся в его мировоззрение – не утверждаются, а – или полемически отрицаются, или утрачивают свою прямую значимость и становятся простыми элементами характеристики, умственными жестами героя или более постоянными умственными качествами его.

¹³⁰ Крайтон М. Восходящее солнце (1992) // <http://lib.ru/DETEKTIWY/KRAJTON/sun.txt>

¹³¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-1970 гг. – М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002. – 800 с.

В монологическом мире – *tertium non datur*: мысль либо утверждается, либо отрицается, либо просто перестает быть однозначной мыслью. ...

Эти же основные принципы выходят далеко за пределы одного художественного творчества; они являются принципами всей идеологической культуры нового времени. Что же это за принципы?

Наиболее яркое и теоретически отчетливое выражение принципы идеологического монологизма получили в идеалистической философии. Монистический принцип, т.е. утверждение единства бытия в идеализме превращается в принцип единства сознания.

Должно отметить, что из самого понятия единой истины вовсе еще не вытекает необходимости одного и единого сознания. ... Монологическая форма восприятия познания и истины – лишь одна из возможных форм. Эта форма возникает лишь там, где сознание ставится над бытием и единство бытия превращается в единство сознания.

На почве философского монологизма невозможно существенное взаимодействие сознаний, а поэтому невозможен существенный диалог. В сущности идеализм знает лишь один вид познавательного взаимодействия между сознаниями: научение знающим и обладающим истиной не знающего и ошибающегося, т.е. взаимоотношение учителя и ученика и, следовательно, только педагогический диалог.

Монологическое восприятие сознания господствует и в других сферах идеологического творчества. Повсюду все значимое и ценное сосредоточивается вокруг одного центра – носителя. Всякое идеологическое творчество мыслится и воспринимается как возможное выражение одного сознания, одного духа. Даже там, где дело идет о коллективе, о многообразии творящих сил, единство все же иллюстрируется образом одного сознания: духа нации, духа народа, духа истории и т.п. Все значимое можно собрать в одном сознании и подчинить единому акценту; то же, что не поддается такому сведению, – случайно и несущественно. Весь европейский утопизм также зиждется на этом монологическом принципе. Таков утопический социализм с его верой во всемогущие убеждения. Репрезентантом всякого смыслового единства повсюду становится одно сознание и одна точка зрения.

Эта вера в самодостаточность одного сознания во всех сферах идеологической жизни не есть теория, созданная тем или другим мыслителем, нет, – это глубокая структурная особенность идеологического творчества нового времени, определяющая все его внешние и внутренние формы.

В этом смысле либеральный порядок – это монологический мир. Коррупция же разрушает единый контекст, она нарушает связь между

знаком и значением. Примером этого может быть случай, когда строитель выходит за пределы своей компетенции и не придерживается проекта, созданного архитектором, а «вкладывает в него душу» и – возможно, из лучших побуждений – искажает проект. Речь здесь идет о совершении действий, на которые данный человек не имеет права.

Коррупцией обычно называют несколько иное поведение, а именно использование своих прав в ненадлежащих целях, чаще всего ради личной выгоды. Строго говоря, коррупция – это частный случай нарушения принципа разделения компетенций.

Стоит заметить, что для обществ, основанных на знаковом принципе организации, характерна гораздо более болезненная и резкая реакция на факты коррупции, чем в «сетевых» обществах. Это неудивительно, поскольку возникающие сбои имеют здесь серьезные общесистемные последствия.

Вещи как идеи, идеи как вещи

Вспомним приведенное выше рассуждение Мартенса об основных способах коммуникации. Их три: (1) подражание, (2) передача информации с помощью языка и других символических средств и (3) обмен овеществленной информацией. Последний, третий способ обладает множеством преимуществ, поскольку позволяет сжимать, «архивировать» нужную информацию, и поэтому он очень эффективен с точки зрения наилучшего использования ограниченной способности людей перерабатывать информацию.

При этом понятно, что овеществление идей и обмен овеществленными идеями сами по себе столь же стары, как и само человечество. Современный рынок отличается от первобытного своим институциональным «сопровождением», задача которого состоит в том, чтобы минимизировать риски, которые неизбежно порождает механизм обмена овеществленной информацией.

Либеральный порядок представляет собой как раз один из вариантов такого институционального «сопровождения», институциональной инфраструктуры рынка. Но, может быть, самое важное свойство либерального порядка – как раз противоположное. Он создает когнитивную среду, в которой с идеями можно обращаться как с вещами.

Подчеркну: *основная особенность «западного» общественного порядка состоит в том, что идеи (идеальные объекты) там превращаются как бы в объективно существующие вещи. Я думаю, что по своим цивилизационным последствиям это то же самое, как изобретение письменности, позволяющее речь превращать в письмо.*

В каком же смысле идеальные объекты превращаются в вещи? Это значит, что они сохраняют свои функциональные свойства, они отделены от их производителя. Записывая свои слова, люди превращают факт речи в объективно существующую вещь, которая может храниться, с которой можно работать – редактировать, передавать, перекодировать, ввести в память компьютера и т.д. Эта ситуация, конечно, для нас привычна и совершенно понятна. Однако всё намного сложнее, если, например, мы записываем договор. Договор как идеальный объект должен сохранить не только слова, но и смысл, он должен интерпретироваться всегда одинаково. Для этого требуется сложная инфраструктура – суд, профессиональные юристы, корпус документов и т.д. Эта инфраструктура и позволяет такому идеальному объекту, каким является контракт, превратиться в вещь, сохраняющую свои функциональные свойства. То же самое можно сказать про право собственности, которое отделимо, отчуждаемо, продаваемо, модифицируемо. Для того, чтобы оно обладало этим свойством, оно должно находиться в определенной институциональной среде, в определенном контексте.

Программируемость

Превращение идей (идеальных объектов) в «вещи» делает «западную» систему *программируемой*. То есть она обладает инструментами для реализации идей.

Если вы приглашаете мастера забить гвоздь и повесить картину, то в нашем российском общественном порядке мастер «вкладывает в это душу». Он будет вам советовать, куда лучше забить этот гвоздь. То есть этот человек поведет себя не как «программируемый», напротив – он часть ваших отношений с окружающим миром. В либеральном общественном порядке имеет место программируемость. На русского человека, впервые с этим сталкивающегося, это производит очень большое впечатление: людям, которые не умеют думать или что-то делать, это делать не позволено.

Посмотрим на эту проблему с помощью следующей кибернетической метафоры. Вспомним аналоговые компьютеры, широко использовавшиеся двадцать лет назад. В отличие от современных (которые тогда назывались программируемыми), аналоговые устройства представляли собой электрические машины, построенные для того, чтобы решать одну определенную задачу. Для того, чтобы вычислить 2×2 , необходимо было превратить эти исходные данные в электрические токи, после чего аппарат выдавал результирующий ток, соответствующий решению $= 4$. В определенных пределах было возможно перепрограммировать аналоговый компьютер (чтобы вычислять, скажем, $2+2$ вместо 2×2), но для этого бы-

ло нужно физически перестроить электрическую схему, а не вставить дискету с программой, как сейчас

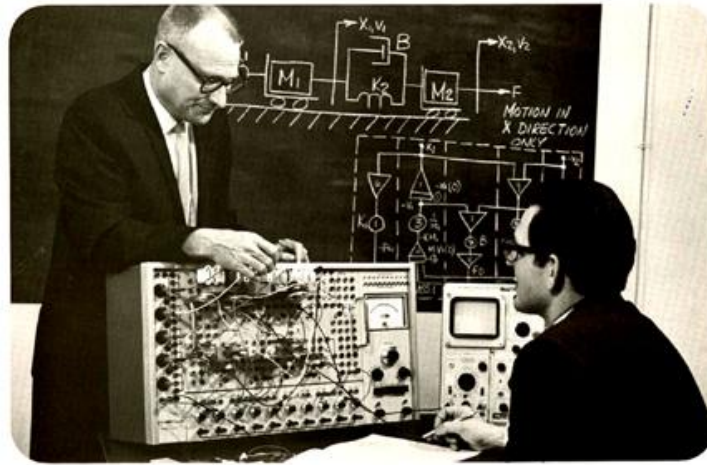

Рис. 14. Аналоговый компьютер¹³²

Как уже говорилось, основной принцип современного программируемого компьютера состоит в отделении программного обеспечения от аппаратного. В институционально строительстве и политике это соответствует идее разделения и независимости властей – законодательной, судебной и исполнительной. Именно это делает судебное «железо», призванное обеспечивать выполнение законов и решений, нейтральным к их содержанию. И именно это свойство нейтральности и позволяет развиваться правовым отношениям между гражданами, а в политике дает возможность использовать законотворчество как инструмент политики.

Используя эту метафору, можно сказать, что нынешняя российская институциональная и политическая система представляет собой скорее аналоговый, а не программируемый компьютер. В ней нет «дисководов», в который можно было бы вставить «дискету» с политическими рекомендациями. Эта система нуждается в управлении посредством переключения административных «проводов».

Далекий порядок

Эти свойства также создают *далекий порядок*, т.е. делают возможным установление отношений между людьми, которые не являются близкими знакомыми. «Далекий порядок» – это термин Хайека, но на самом деле ис-

¹³² Фотография любезно предоставлена Дагом Ковардом (Doug Coward) и его Музеем аналоговых компьютеров (Analog Computer Museum <http://dcoward.best.vwh.net/analog/index.html>).

тория этого размышления идет и гораздо дальше. Если правила поведения – это идеальный объект, который сохраняет свои свойства, то с ними можно ознакомиться, и не будучи включенным в «близкий» круг общения.

Материальный прогресс

Предметом, мягко говоря, беспокойства наших соотечественников всегда было отставание в области «экономического прогресса» (в сочетании с неодобрительным отношением к «материализму западной цивилизации»). Взглянув на эту проблему с позиций когнитивной науки, мы приходим к выводу, что дело здесь не в отставании нашей культуры (и страны). Скорее стоит говорить о том, что «западная цивилизация» обладает уникальным свойством – способностью и «склонностью» «отчуждать» идеи и превращать их в «реальность».

Товары и услуги, конечно, удовлетворяют наши потребности. Однако в первую очередь это воплощение идей и форма существования идеальных объектов. С этой точки зрения проблема материального прогресса, в сущности, теряет смысл. Экономический мир представляет собой «память» большой человеческой информационной системы и наполнен артефактами, представляющими собой «реализованные» идеи.

Либеральный порядок и сети

Если говорить об институциональном устройстве Запада, то очевидно, что кроме знаковых систем там очень важную роль играют и сетевые. Скорее можно даже предположить, что общественный порядок представляет собой некоторый знаково-сетевой симбиоз наподобие описанного в разделе 6. Это интересный вопрос, и он заслуживает дальнейшего изучения. Здесь же мы сделаем только два замечания.

Во-первых, нужно упомянуть, что эта проблематика частично совпадает с вопросом о соотношении «рынков и иерархий». Как известно, эта тема – центральная в новой институциональной экономке, созданной Рональдом Коузом. Он показал, что сравнительную эффективность рыночных и иерархических механизмов можно сравнивать, используя достаточно простой набор характеристик – транзакционные издержки. Еще раз хочется отметить интеллектуальное изящество и аналитическую силу этой теории. При этом нужно не забывать, что она ограничена определенной рамкой, а именно: предполагается, что рассматриваемые иерархии (организации, предприятия, бюрократии) находятся внутри правового пространства. Такое же замечание можно сделать и относительно теорий общественного выбора (public choice).

Второе замечание состоит в том, что *логика функционирования сетей и логика либерального порядка* противоречат друг другу, они *подрывают друг друга*. Сигнал, проходящий по сети от одного элемента (индивида) к другому, наталкивается на «забор», окружающий «территорию» этого индивида, и не может транслироваться дальше. Отсюда происходит стремление сетей разрушить эти «заборы» (например, посредством коррупции).

С очевидностью имеет место и обратная тенденция. Возводя «заборы», изолируя «территории» и тем самым устанавливая дистанцию между индивидами, либеральный порядок действует разрушительно на каналы сетевых связей и препятствует прохождению сигналов. Сеть может оказывать сопротивление, разрушая знаковые системы. Об этом подробнее – в следующем разделе.

Глава 7. Российский общественный порядок

Как писал Бахтин¹³³,

Вполне можно допустить и помыслить, что единая истина требует множественности сознаний, что она принципиально неместима в пределы одного сознания, что она, так сказать, по природе социальна и событийна и рождается в точке соприкосновения разных сознаний.

Таков российский общественный порядок. Наша когнитивная среда в своей основе – не знаковая, это сетевая система с распределенной переработкой информации, голографическая система. Особо подчеркнем здесь слово «событийна»: в этой системе информация не овеществлена, она не фиксируется и не сохраняется – будь то в виде библиотек, юридических договоров или материальных предметов. Как мы уже говорили выше, люди – элементы этой сети – передают друг другу векторы сигналов, вызывающие в ответ также сложную реакцию принимающего элемента. Знание в такой сети будет накапливаться в виде голографических «картинок», характеризующих взаимодействия отдельных людей, их понимание друг друга. Эти частные голограммы затем сливаются в единую общую картину, также не «плоскую», а «объемную».

Российское общество по-своему очень динамично. Каждый день происходит что-то новое. Мой университетский товарищ Алексей Михеев занимается составлением «Словаря XXI века», он собирает вновь возникающие слова¹³⁴. Оказывается, что практически каждый день появляется новое понятие, а иногда и не одно. Однако наша когнитивная среда не слишком эффективно сохраняет и накапливает эту новую информацию. Как в школьной задаче, поток информации все время вытекает из «бассейна». Среда постоянно трансформируется голографически, но не создает специальных информационных «библиотек».

Человек

Синергия

Для православного богословия мир творят две силы – Бог и человек. Это называется *синергия* – совместное действие:

(В)ечная жизнь наследуется по благодати, но также и по всей справедливости, поскольку продвижение вперед достигается не только лишь божест-

¹³³ Проблемы поэтики Достоевского...

¹³⁴ Словари XXI века // <http://slovari21.ru>

венной благодатью и властью, но и человеческим сотрудничеством (синергией) и усилием; равным образом совершенное исполнение Божией воли и полная мера всей свободы и чистоты будут достигнуты не только человеческой властью, усилием и крепостью, но и сотрудничеством и помощью Духа Святого¹³⁵.

И это совсем не только богословский тезис, это исключительно фундаментальная установка, каждый день определяющая наши поступки. Ее смысл в том, что человек сопричастен всему, что происходит вокруг. Он не является ни инструментом, ни логически мыслящим механизмом, принимающим рациональные решения. Человек, можно сказать, состоит в «онлайновой» связи с миром, его ум, тело и душа непрерывно получают и передают вовне разнообразные сигналы. Он считывает всю информацию, не только локализованную во времени, пространстве или в логике, но и голографическим образом распределенную вокруг него.

Мой любимый пример на эту тему: если вы приглашаете мастера забить гвоздь и повесить картину, то он «вкладывает в это дело душу». Он будет вам советовать, в какой комнате, на какой стене и как именно лучше забить этот гвоздь. То есть этот человек поведет себя не как «программируемый» инструмент, а как творец.

Нельзя не согласиться, что по большому счету мы утверждаем в мире свои представления о «правильном». Как у Тимура Шаова:

«Не влезай, убьет, чудило!»
 Ну конечно! Влез. Убило.
 Следом лезет обормот
 С криком – всех не перебьет!
 Что бы там ни говорили –
 Несгибаемый народ!

А отношение человека к окружающему миру – заинтересованное, свободное и азартное. Из последних впечатлений: реакция людей на взрыв метеорита над Челябинском ровно такая же. Неожиданно происходит взрыв мощностью в несколько Хиросим. В первый момент никто не понимает, что произошло. Но на всех более или менее случайно снятых видео после взрыва люди смеются и восхищенно матерятся.

Утверждение в мире «правильного» вполне может относиться к личному преуспеванию, зарабатыванию денег или карьере. А может и не от-

¹³⁵ Мейендорф И.Ф. Введение в святоотеческое богословие. – 1-е изд. – Нью-Йорк, 1985.

носиться. Вот знаменитый сюжет из книги Ксении Касьяновой (это псевдоним В.Ф. Чесноковой)¹³⁶:

Сотрудник Иванов поругался с очень высоким Начальством, и Начальство решило его уволить. Однако это нельзя сделать без причины или предлога, поэтому Начальство предложило уволить двух человек в порядке сокращения штатов. Фамилия Иванова не упоминается, но все понимают, о ком идет речь. Коллектив считает это решение несправедливым и сопротивляется. При этом отдельные люди совершают действия, не очень выгодные или удобные лично им, но, как говорит автор, соответствующие «диффузным» ценностным представлениям. Сотрудник Петров предлагает уволить не Иванова, а его самого, поскольку всё равно собирался через некоторое время уходить. Таким образом, формальное требование сократить двух человек выполнено.

Далее автор анализирует этот пример:

Отметим здесь сразу же, что повторного требования о сокращении группы не последовало. Сотрудник Иванов работал там, сколько ему было нужно, и уволился, когда пожелал уволиться. Таким образом, сотрудник Петров своим ценностно-рациональным действием спас его от крупных и длительных неприятностей. Рассчитывал ли он на это? По-видимому, нет. В то время все были уверены, что Иванова *все равно* уволят. Тогда чего же добивался сотрудник Петров? Он не добивался ничего конкретного, он просто противодействовал несправедливости. ...

Можно, конечно, сделать предположение, что все дело не в каком-то абстрактном целом, а в самом сотруднике Иванове: уж очень он сам по себе хороший человек и большой друг сотрудника Петрова. Но в данном случае (а случай, как читатель был предупрежден в самом начале, происходил в действительности) это предположение – неверное: сотрудник Иванов был Петрову именно сотрудником, никаким не другом. Честно говоря, Иванова в группе не очень любили.

Поступок Петрова был не целе-, а ценностно-рациональным, он доставил ему удовольствие сам по себе. Но дело не только в непосредственном удовольствии от этического поступка. Оказывается, что в конечном итоге система устроена вполне функционально. В социуме, основанном на «диффузных» принципах, такие бескорыстные поступки, в сущности, вознаграждаются. «Хорошему человеку» Петрову – между прочим, ничего ему не говоря об этом – коллеги помогли устроиться на новую работу.

¹³⁶ Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 267 с.

В заключение Ксения Касьянова говорит о коллективе:

Продолжая описывать это таинственное целое в терминах человеческого поведения, можно добавить, что оно, как правило, «слушается» сотрудника Смирнова (морального лидера группы – В.Ш.) и очень любит Леночку (которая помогла Петрову найти работу – В.Ш.). Но почему-то к неприятностям, случающимся время от времени с сотрудником Сидоровым, оно относится с необъяснимым равнодушием. Может быть, оно просто платит взаимностью сотруднику Сидорову, который не только не интересуется его делами и его устройством, но иногда просто даже не верит в его существование. Он, сотрудник Сидоров, если уж говорить правду, «немножко слишком» увлечен устройством своих собственных дел. Он никогда не совершает ценностно-рациональных действий по внутреннему импульсу, хотя может совершать их по подсказке других, и может иногда реализовать модель поведения, *похожую* на ценностно-рациональную (он может, например, поругаться с очень высоким Начальством, рассчитывая этим чего-то достигнуть, или защищать сотрудника Иванова, потому что он его близкий друг). Для него как бы нет такой вещи, как абстрактно понимаемая справедливость. И не потому что он эгоист или убежденный карьерист, или циник. Он просто *некультурный*. Он, по существу, не знает и не ощущает культуры, в которой живет.

Для него весь социальный мир – это пустота, и в ней по разным направлениям, которые заранее невозможно предугадать (в соответствии со своими целями и потребностями) летят разрозненные атомы, стохастически сталкиваясь друг с другом. Где в таком представлении может быть размещена абстрактно понимаемая справедливость? Напротив, для человека культурного абстрактная справедливость – это большая и сложно дифференцированная модель, намечающая в общих чертах наши траектории так, чтобы мы по возможности не сталкивались друг с другом, или, по крайней мере, могли такие столкновения предугадывать.

Здесь я позволю себе не согласиться: сотрудник Сидоров живет в «Ньютоновом пространстве вежливости», о котором говорил С.С. Аверинцев¹³⁷, противопоставляя «западную» и «восточно-православную» картины мира. Это либеральный порядок, устроенный по «территориальному» принципу. Он не только вполне допускает абстрактную справедливость, но она является его фундаментом. *Однако правила справедливого поведения там сформулированы по-другому, а именно в терминах индивидуальных свобод и запретов на вмешательство в чужие дела.* Кроме того, при всей важности этики, основной инструмент их соблюдения там – это суд. Решение о справедливости или несправедливости там выносят члены особо-

¹³⁷ Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. – 1988. – № 7, 9.

го профессионального сообщества с соблюдением специальной процедуры. Русская же модель общественной организации отторгает как проявления «корпускулярного» индивидуализма, так и случаи, когда социальные нормы трактуются в духе негативного универсализма. И установлением справедливости занимаются все, а не только специалисты.

Формы

Другой самой общей чертой нашего устройства можно считать сочетание неспособности создавать общественные и мыслительные формы с очень хорошим умением их «обживать» и развивать. Такая неспособность происходит, в конце концов, от нашего нежелания принимать роль пассивного орудия. Но если правила игры уже заданы, тогда форма становится не фактором насилия, а просто инструментом, как топор или лопата. И тут творческое начало может развернуться.

Подробнее об этом мы будем говорить ниже.

Среды

Люди в России живут в «средах», и, возможно, именно поэтому многим из нас и не хочется жить в другом месте. Здесь человек в своем ближайшем круге может быть самым собой. Вот как об этом говорит Дмитрий Быков¹³⁸:

Россия очень неприятная страна. Вот с утра встанешь, в окно посмотришь – а еще идти на лекцию куда-то, а еще и на работу, а если еще к станку! А вечером вернешься, включишь телевизор – вообще жить не хочется! А выпьешь – совсем жить не хочется! А с утра – просто невозможно! Ну очень много трудностей! Не говоря уже о том, что она некомфортная, она то, что называется *badly done* – плохо сделанная. Приборы все как-то между собой разлажены, общество некомфортное, неуютное. Трудно жить. Но при всем при этом масса скрытых, глубоко сидящих преимуществ. Вот есть такой плод дуриан, у которого кожа отвратительно пахнет. С ним запрещено ехать в транспорте, вы знаете. А внутренность его – ванильный крем, абсолютно. Вот это Россия. Потому что, безусловно – лучшая культура. Глубочайшая, умнейшая. И музыкальная, и кинематографическая, и какая угодно. Не смотрите на нынешний уровень – сейчас просто деньги не у тех людей. Лучшая литература, безусловно. Лучшие женщины – тут, я думаю, вам мужья Натальи Водяновой расскажут лучше, чем кто бы то ни было. Все-таки не будем забывать, что она нижегородская торговка фруктами. Безусловно – лучшие элементы социальной взаимопомощи, горизонталь-

¹³⁸ Дмитрий Быков в МГИМО // <http://www.youtube.com/watch?v=eXyfdD7W1-Q>

ные конструкции, все эти Одноклассники.ру, замечательно простроенные, социальные сети превосходные. Никогда не дадут пропасть, соседи вытащат откуда угодно. Дадут денег, соли, звездуля, всё. Прекрасно организованная горизонтальная страна. Презрение к власти. Паркуйся, где хочешь. Ни один закон не соблюдается никем, от премьера до дворника. То есть свобода удивительная! Атмосфера тухлая – в тухлой атмосфере вырастают всегда самые здоровые, полнокровные, противостоящие ей, чистые... Посмотрите, как страшна атмосфера николаевской России – и Лермонтов вам пожалуйста, Одоевский Саша, декабристы – все как на подбор, чудесная страна. Мне для жизни гораздо удобнее она. Я очень люблю Америку, я очень люблю там гостить, мне ужасно нравится там работать – может быть, даже лучшие книжки я там придумал – но больше месяца я там бы не прожил никогда. Просто потому, что если там ты в неположенном месте переходишь улицу, тебя немедленно остановит полиция и, может быть, заберет. Я к этому не привык. Не надо отсюда уезжать. Лучше нам нигде не будет. Особенно если вам 25 лет. Зато весь мир смотрит и уписывается.

Добавлю, что российские «среды» не сводятся, как это имеет место в более традиционных культурах, к семейным, родственным или племенным отношениям. Они гораздо более гибкие, хотя, вероятно, и не столь надежны.

Патрисия Дауден заметила, что в России должность, заработок и работа существуют по отдельности. Что и неудивительно: в нашем обществе человек соотносится с властью, со своими жизненными потребностями и потребностями других людей, и с Богом. Для тех, кто, как автор этой книги, к идее Бога относится осторожно, можно сказать иначе: в русской культуре ценностью является понимание того, что дело, которое ты делаешь, правильное. Это дает ощущение реальности твоего существования. Судьей, в конечном итоге, являешься ты сам.

Власть

Российское общество не смогло бы выжить в современном мире, если бы оно не создало механизм «далекого порядка», а ограничилось бы теми «средами», о которых говорит Быков, т.е. идиосинкразическими личными отношениями. Таким механизмом является *власть*, часто называемая также *государством*. Это тоже одна из форм, которые ощущаются как чуждые и навязанные, но без которых трудно обойтись. Симбиоз власти и человека в России противоречив: власть использует человека (и это все отлично знают), но и человек использует власть. И то, и другое проис-

ходит не гарантированно, а «в среднем», поэтому всегда можно привести многочисленные примеры и эгоизма власти, и беспомощности людей. Но и без власти существовать невозможно. Достаточно сказать, что в диаспоре при отсутствии собственной власти, русские общины быстро растворяются.

Крепость и воля

В России никогда толком не было права собственности и почти всегда, так или иначе, была *крепостная зависимость* – не только крестьян, но и всех остальных. И также почти всегда была *воля* – возможность уйти, уехать, спрятаться от насилия. Воля – это не то же, что свобода, она не ограничена территорией, где человек сам себе хозяин. Воля – это обратная сторона зависимости, это возможность одновременно вмешиваться в чужие дела и не позволять другим вмешиваться в свои.

Власть как отдельная корпорация

Власть – это отдельная корпорация, организм, живущий своей жизнью, которая не сводится к жизни составляющих его людей. Вот как пишет о российском государстве Ричард Пайпс. Он считает, что такое свойство государства дает ключ к пониманию всей политической истории России:

Государство не выросло из общества, не было оно ему и навязано сверху. Оно скорее росло рядом с обществом и заглатывало его по кусочку. Первоначально средоточием власти было личное поместье князя или царя, его *oikos*, или двор. В пределах этого поместья князь был абсолютным повелителем, отправляя власть в двух ипостасях – суверена и собственника. Здесь он распоряжался всем и вся, будучи эквивалентом греческого *despotes'a* и римского *dominus'a*, русским государем, то есть господином, хозяином, полным собственником всех людей и вещей. Поначалу население княжеского поместья состояло из рабов и прочих лиц, так или иначе попавших в кабалу к его владельцу. За пределами своих владений, там, где жило вольное и весьма подвижное население, русский правитель пользовался поначалу совсем незначительной властью, сводившейся в основном к сбору дани. Двоевластие такого рода установилось в лесной зоне в XII- XIII вв., в то же самое время, как в Англии, Франции и Испании начало складываться современное западное государство как нечто, отделенное от правителя. Отталкиваясь от крепкой базы своих частных владений, русские князья (не сразу, и лишь поборов сильное сопротивление) распространили свою личную власть и на вольное население за пределами этих владений. Ставшая во главе страны Московско-

Владимирская княжеская династия перенесла учреждения и порядки, первоначально выработанные ею в замкнутом мире своего *oikos*'а, на все государство в целом, превратив Россию (по крайней мере, в теории) в гигантское княжеское поместье. Однако даже заявивши права на Россию и провозгласивши ее своим частным владением, или вотчиной (XVI-XVII вв.), русское правительство не имело средств, чтобы поставить на своем. У него, таким образом, не было иного выхода, кроме как смириться с продолжением старого двоевластия и отдать большую часть страны на откуп помещикам, духовенству и чиновникам в обмен на определенную сумму налога или службу. Однако принцип, что Россия является собственностью своего суверена, своего *dominus*'а, установился вполне твердо. Чтобы провести его в жизнь, недоставало лишь денежных и технических средств, но в свое время появятся и они.

В разные периоды задачи и интересы власти претерпевали изменения, она бывала озабочена выживанием, обогащением, экспансией, модернизацией. Тем не менее, сохранялся ее «корпоративный» характер, также как и ее претензия на владение страной.

Состояния

Человек не только использует различные формы, но и сам помещен в социальные формы. В первую очередь это формы, порожденные властью. В Российской империи это называлось *состояния*, *сословия*. Независимо от названия, само явление сохранялось: на протяжении почти всей истории для России характерно сосуществование различных режимов общественного устройства и различных когнитивных сред. Упомянем общеизвестные примеры:

- Пересечение славянского, норманнского, византийского, западноевропейского и татарского влияния – о чем говорит Померанц.
- Сосуществование различных частей Московского царства, инкорпорирование сначала Казанского и Астраханского ханств, Сибири, Дальнего Востока, Прибалтики и Польши.
- Начиная с Петра, автономное существование и взаимодействие европеизированного дворянства и крестьянства, а также горожан и духовенства.

В сталинские времена создание кардинально различных режимов человеческого существования стало основным инструментом управления. Колхозные крестьяне не имели ни пенсий, ни даже паспортов, необходимых, чтобы уехать из деревни. Но попав в армию, крестьянский юноша мог стать рабочим или служащим и пользоваться в городе всеми благами социальной инфраструктуры. Мог он попасть и в тюрьму и лагерь, и часто не из-за какой-то вины, а потому, что власти требовались рабочие руки,

которые бы можно было использовать в режиме несвободного труда. Это относилось отнюдь не только к физическому труду – строительству каналов или вырубке леса. Известно много примеров, когда людей арестовывали просто потому, что нужно решить какую-то техническую проблему и для этого укомплектовать конструкторское бюро, которое почему-то считали целесообразным организовать в режиме несвободного труда. Иногда люди переживали стрессы, способные вызвать «кессонную болезнь»: заключенного, рубившего лес в лагере, внезапно возвращали к прежней жизни и через неделю он оказывался директором конструкторского бюро, генералом или даже министром.

В наше время контрасты между различными режимами жизни отчасти смягчились, тем не менее, этот механизм сохраняется. Например, С.Г. Кордонский говорит о «сословиях» в современной России, а Г.О. Павловский – о том, что страна состоит из нескольких очень разнородных подсистем, одной из которых является Кавказ.

Самое интересное тут еще и то, что различные режимы часто «физически» не разграничены. Один и тот же человек почти всегда живет одновременно в нескольких режимах. Вот как А.А. Зиновьев сатирически описал это в «Зияющих высотах»:

В мероприятии участвовали две группы: испытываемая и испытывающая. Эти группы состояли из одних и тех же лиц. Испытаемые знали, что за ними ведется наблюдение. Испытающие знали о том, что испытываемым это известно. Испытаемые знали о том, что испытывающие знали о том, что это им известно. И так до конца. При этом испытывающая и испытываемая группы были автономны и не оказывали друг на друга влияния. Между ними не было никаких информационных контактов, благодаря чему было достигнуто полное взаимопонимание.

Для советской жизни было характерно наложение контекстов. С одной стороны, каждый человек, который занимал какое-то локальное место в сети или иерархии, имел свое локальное пространство смыслов, локальный контекст. В тоже время все были погружены и в общее «официальное» смысловое пространство. Существовала соответствующая «техника» для переключения этих смысловых полей, маневрирования, иногда – манипулирования ими. Можно было сказать «я тебе это официально говорю, и учти – если что, пойдем разбираться в партком». Но потом произносились известные непечатные слова, и этим обозначалось, что теперь разговор идет на локальном уровне, в неофициальном пространстве значений. Когнитивное пространство было организовано как бы слоями.

Итак, для российского общественного порядка характерно сосуществование и наложение резко различных режимов человеческой жизни, которые одновременно являются когнитивными режимами. В этом случае

трудно говорить о возможности создания *единого* контекста – такой знаковой системы, которая создала бы возможности для всеобщего взаимопонимания. Связи и взаимодействия между режимами в этой системе обеспечивают разного рода социальные *сети*, имеющие иерархическую или горизонтальную архитектуру.

Такое устройство иногда создает у человека ощущение очень большой свободы и независимости. Человек – если повезет – может жить в той среде, где ему комфортно, и смотреть на мир так, как он привык. Взаимодействие с обитателями «других миров» происходит на уровне личных отношений или при посредстве власти, т.е. на некотором «общечеловеческом» языке, не требующем выработки когнитивных компромиссов.

Кормление и подсобное хозяйство

В нашей общественной системе человек не только служит власти и получает от нее вознаграждение. В дополнение к этому ему еще выделяют какой-то ресурс для «кормления». Кормление – это вечный российский институт, принимающий разные формы. Вот как это выглядело, например, тысячу лет назад:

Доходная собственность (князя – В.Ш.) носила название «путь», а надзиравший за нею управитель звался «путным боярином», или «путником». Путному боярину выделялись деревни и промыслы, на счет доходов с которых он кормился со своим штатом.

А вот что Википедия говорит о так называемом ЛПХ:

Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) – непредпринимательская деятельность гражданина и членов его семьи по производству и переработке сельскохозяйственной продукции на предоставленном (приобретенном) участке земли, как правило в сельской местности, для удовлетворения собственных нужд в продуктах питания. «Примерный устав сельскохозяйственной артели», принятый в 1935 году на Всесоюзном съезде колхозников-ударников, определял размеры приусадебной земли, находившейся в личном пользовании колхозного двора – от 1/4 до 1/2 га (в некоторых районах до 1 га). Определялось и количество скота, которое можно было содержать в личном хозяйстве колхозника. Для районов I группы Западно-Сибирского края, например, нормы скота были таковы: 1 корова, до 2 голов молодняка, 1 свиноматка, до 10 овец и коз. В 1930—1953 годах ЛПХ были главным источником средств к существованию для колхозников, ибо выплаты и выдачи натурой по трудодням часто были мизерны¹³⁹.

¹³⁹ Личное подсобное хозяйство // <http://ru.wikipedia.org/wiki/ЛПХ>

Согласования

Одна из главных функций власти – это «рассуживание», улаживание споров и конфликтов между «подданными». Это также и ее опора, поэтому власть заинтересована в том, чтобы такие конфликты не исчезали.

В 1980-е годы возникло понимание того, что и в нашей стране фактически имеет место значительная децентрализация в принятии экономических решений, а органы управления выступают в значительной степени как простые трансляторы информации о потребностях предприятий. Поэтому традиционные представления о «командном» характере и управляемости советской экономики были на самом деле проявлениями «планового» или «личностного фетишизма», совершенно аналогичного Марксову товарному фетишизму рынка. Таким образом, в середине 1980-х годов был сформулирован тезис о том, что тогдашняя советская экономическая система представляла собой не командную экономику, а «экономику согласований», «экономику торго» или «административный рынок»¹⁴⁰.

Иными словами, теория «административного рынка», в сущности, посмотрела на управленческие иерархии не как на целостные субъекты принятия осознанных решений, а как на разновидность институциональной инфраструктуры. Сейчас мы скажем, что согласовательная система – это когнитивная среда, функционирующая по сетевому принципу.

Судьба знаковых систем в России

Еще раз о формах и парадигмах: «русский – единственный общеевропейец»

Квинтэссенция нашего образа жизни – это рассказ Лескова о Левше:

Англичане подарили Царю механическую блоху. Царю становится обидно, что английский мастера могут в чем-то превзойти его собственных, русских. «У нас в Туле есть мастера и не хуже!» – говорит Царю атаман Платов. Тульские мастера во главе с Левшой садятся за работу, и вот блоха усовершенствована. Правда, невооруженным глазом это не заметно, зато заметно, что она перестала прыгать. Атаман Платов таскает Левшу за волосы, но тот говорит – взгляните в микроскоп. Оказывается, к ногам блохи прибиты подковы, а на гвоздиках даже выгравирована надпись. И сделано это безо всякого микроскопа.

Царь радуется и посылает Левшу в Англию. По дороге тот спивается, простужается и умирает в одиночестве – к этому времени о нем в России ни-

¹⁴⁰ См. ссылки в разделе «Административный рынок, экономика торго, экономика согласований» главы I.

кто уже не помнит. Не обращают внимание и на то, что перед смертью он пытается передать Царю важный военный совет. В результате во время Крымской войны русские ружья стреляют хуже английских.

Каждое слово этого гениального сюжета наполнено смыслом. И для Царя, и для Левши мотив поступков лежит в сфере простых человеческих отношений: а можем ли мы им утереть нос (в данном случае англичанам)? Для атамана Платова важнее еще и другое – выслужиться перед Царем. Интересно также, каким образом «нос утирается». Это делается не посредством изобретения новой игрушки – или вообще другого нового изделия, новой технологии, в конце концов – новой организации. Все сюжетные «колесики» крутятся в рамках заданной англичанами парадигмы. Личный подвиг совершается в тех обстоятельствах, которые «сложились».

Говоря об этой скованности, заданной формой, можно приводить множество доказательств. Я использую здесь длинную цитату из Г.С. Померанца¹⁴¹, который, в свою очередь, цитирует Достоевского и Синявского:

Россия – страна, развивавшаяся на перекрестке субглобальных цивилизаций и испытывавшая глубокое влияние, по крайней мере, трех, а отчасти даже четырех. Одно влияние ломало другое, но не могло его совсем сломить, и возник своего рода слоеный пирог из разных сортов теста. Что это дало психологии русского человека? Что это дало историкам? Я приведу три отрывка из сочинений писателей, обладавших исторической интуицией. Первые два отрывка из «Игрока» и «Подростка» Достоевского, а третий – цитата из размышлений Синявского в лагере, взятая из его «Голоса из хора».

Вот отрывок из «Игрока». «Я, пожалуй, достойный человек, – говорит Алексей Иванович, – а поставить себя с достоинством не умею. Вы понимаете, что так может быть? Да все русские таковы, и знаете почему: потому что русские слишком богато и многосторонне одарены, чтоб скоро приискать себе приличную форму. Тут дело в форме. Большею частью мы, русские, так богато одарены, что для приличной формы нам нужна гениальность. Ну, а гениальности-то всего чаще и не бывает, потому что она и вообще редко бывает. Это только у французов и, пожалуй, у некоторых других европейцев так хорошо определилась форма, что можно глядеть с чрезвычайным достоинством и быть самым недостойным человеком. Оттого так много форма у них и значит»...

Слово “форма” повторяется в нескольких строчках шесть (!) раз. Одна из причин несобранности русского ума – сплетение нескольких культур, участвовавших в формировании России. Это противоречивое богатство трудно

¹⁴¹ Померанц Г.С. История России в свете теории цивилизаций: Публичная лекция // <http://www.polit.ru/article/2005/11/14/pomerants/>

уложить в прочно сбитую форму. В Европе или в офранцузенном высшем свете герой Достоевского чувствует себя не таким, как надо, не только как разночинец, но как человеческий тип, слишком много впустивший, слишком открытый другому. Граф Толстой тоже чувствовал себя *comme il ne faut pas*, я это уловил еще студентом, потому что сам был близок к переживанию этого *comme il ne faut pas*, т.е. не такой, как надо, в советском обществе.

... И Версилов, попав в Европу, чувствует себя единственным общеевропейцем, подлинным европейцем, превосходящим французов, немцев и других носителей частностей Европы, осколков Европы, которую он воспринимает как своего рода единую духовную империю.

Я сейчас процитирую обрывки, разбросанные по трем страницам. «У нас создан веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире. Нас может быть всего тысяча человек, может, более, может, менее, но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу. Один лишь русский даже в наше время, т.е. гораздо раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил способность становиться русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец. Это и есть самое существенное национальное различие наше от всех. И у нас на этот счет как нигде. Я во Франции – француз, с немцем – немец». Об этой одинокой русскости Достоевский писал и от собственного лица в своем дневнике, говоря о всемирной отзывчивости. Но он думал не о Китае, не об Индии, не об исламе, он думал о Европе. Всемирный Достоевский – это всеевропеец. Действительно, творчество Достоевского нельзя себе представить без огромной вчитанности в европейскую культуру.

Синявский подхватывает и сплетает оба мотива, чувство неловкости человека, перегруженного информацией, принятой в душу, и чувство гения, взлетающего над ограниченностью штатного европейца: француза, немца, англичанина. Русскую широту Синявский выводит из Святого Духа, который веет, где хочет, но особенно свободно в России именно потому, что она так и не сложилась в устойчивую замкнутую форму, потому что в ней много метафизических щелей. Картины, которые он рисует, выводят нас из области индивидуальной психологии и дают целостный образ народа, создают нечто вроде идеального типа русской истории, как сказал бы Макс Вебер. Макс Вебер создавал идеальные типы, такие картины цивилизации: идеальный тип Индии, идеальный тип Японии и т.д.

Так вот Синявский набросал такой идеальный тип России. В нескольких строках. «Религия Святого Духа как-то отвечает нашим национальным физиономическим чертам – природной бесформенности (которую со стороны ошибочно принимают за дикость или за молодость нации), текучести, аморфности, готовности войти в любую форму... нашим порокам или талантам мыслить и жить артистически при неумении налаживать повседневную жизнь как что-то вполне серьезное... В этом смысле Россия – самая благо-

приятная почва для опыта и фантазий художника, хотя его жизненная судьба бывает подчас ужасна». Это, кстати, из письма, написанного из Мордовских лагерей. «От духа – мы чутки ко всяким идейным веяниям, настолько, что в какой-то момент теряем язык и лицо и становимся немцами, французами, евреями и, опомнившись, из духовного плена бросаемся в противоположную крайность, закостеневаем в подозрительности и низколобой вражде ко всему иноземному... Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Слово для нас настолько весомо, что заключает материальную силу, требуя охрану, цензуру. Мы – консерваторы, оттого что мы – нигилисты, и одно оборачивается другим и замещает другое в истории. Но все это оттого, что Дух веет, где хочет, и, чтобы нас не сдуло, мы, едва отлетит он, застываем коростой обряда, льдом формализма, буквой указа, стандарта. Мы держимся за форму, потому что нам не хватает формы, пожалуй, это единственное, чего нам не хватает». Таким образом, в конце Синявский смыкается с Достоевским, который акцентирует неумение самостоятельно создавать формы.

Эта характеристика может быть обоснована без упоминания все имени Царя небесного, утешителя, духа истины. Восточно-славянские племена обладали повышенной гибкостью и восприимчивостью. Благодаря этому они освоили территорию от Белого до Черного моря, тогда как финны жили в лесах, а скифы в степях. Но подобное достоинство можно признать и у племен банту. Подгоняемые высыханием Сахары, они прошли сквозь влажные леса до степей Южной Африки. Великую культуру банту при этом не создали. Не создали бы древляне и вятичи, если бы к славянскому дичку не были привиты чужие ветви. Византийская ветвь дала Андрея Рублева. Западная ветвь дала Достоевского и Толстого. Форма романа, которую они развили и использовали для полемики с Западом, сложилась под пером Сервантеса и укоренилась во Франции, в Англии прежде, чем попала в Россию. Так же, как образ Троицы, усовершенствованный Рублевым, имел долгую историю до возникновения России.

Это свойство – неспособность создавать форму и способность ее творчески использовать – можно считать фактом. Скорее всего, приведенное историческое обоснование этого факта справедливо. Однако остается вопрос об обосновании системном. Почему, в силу каких структурных факторов это свойство сохраняется? Возможно, наш когнитивный подход будет здесь полезен.

Мне кажется, здесь действуют два фактора. О первом мы уже говорили, хотя и несколько вскользь: человек русской – пожалуй, даже вообще человек православной культуры не хочет играть роль орудия. Второе обстоятельство состоит в следующем: для того, чтобы создавать новые формы, человек должен «переформатировать» реальность (что бы ни означало это слово). По сути дела, новая форма – это новый взгляд на мир, и как следствие – новые отношения в социуме. Однако в нашем общественном порядке человек вступает в отношения с реальностью не непосредственно,

а через систему социальных связей, как член некоторого сообщества. Поэтому создать новую «форму» он может не иначе, как внедряя ее в сознание своего коллектива – а это очень сложно.

Полет мысли

Как уже говорилось, принципиально новые парадигмы в России создаются редко. Но развивать и обогащать доставшиеся нам заимствованные формы мы умеем, причем иногда масштаб этого обогащения просто колоссальный. Да, конечно, Менделеев не придумал науку химию, а Толстой и Достоевский – жанр романа. Тем не менее, их достижения в своем роде первостепенны. Симон Кордонский как-то сказал, что Россия – родина обобщающих теоретических систем и концепций. Кроме Менделеева здесь можно вспомнить, скажем, Вернадского или русских лингвистов. Почему и как это происходит?

Дело, мне кажется, в том, что мышление российского интеллигента может быть гораздо свободнее, чем у западного специалиста. Он не связан системой разделения интеллектуального труда и социальными отношениями в профессиональном сообществе. Он не обязан пользоваться понятийным аппаратом, разработанным его коллегами, и может «изобретать велосипед». У него гораздо меньше условий для занятий куновской *нормальной наукой*, но тем больше причин создавать «большие» мировоззренческие системы.

Виталий Найшуль со слов своего отца, создателя советских баллистических ракет, рассказывает следующую историю. Я не знаю, насколько она исторична в деталях, и приведу ее как притчу:

В конце войны наша армия захватила немецкие ракеты V-2. Советским инженерам было приказано разобрать ракету на части и сделать совершенно такую же. Не разрешалось менять ни одного параметра, запретили даже дюймовую резьбу заменить на метрическую. Копию сделали, и производство ракет с дальностью полета в несколько десятков километров было освоено. Но дальше конструкторам *стало скучно*, и они придумали новую ракету. Без какого бы то ни было промежуточного экспериментирования они сделали межконтинентальную ракету, способную облетать вокруг Земли, с помощью которой стали запускать спутники.

Как идеи переносятся в практику? По сравнению с либеральной, в нашей системе идеи гораздо меньше технологизируются, они не разбиваются на цепочку переходов от чистой теории к прикладной и дальше к практике. Специализация и разделение интеллектуального труда происходит менее глубоко. Специалист вынужден и склонен мыслить концептуально, он осваивает свой предмет целиком и способен подходить к кон-

кретным задачам творчески. Он может быть в курсе нескольких различных теоретических систем, прочел соответствующие монографии и статьи, и способен предложить нестандартное решение. Это сильная сторона дела; если же специалист неквалифицированный или недобросовестный, гарантии качества его работы нет.

Интеллигенция

Институт интеллигенции так или иначе постоянно присутствует и играет важную роль в нашем общественном порядке. Я думаю, что об интеллигенции имеет смысл говорить как раз в тех терминах, которые разрабатываются в этой книге. А именно, интеллигенция – это слой людей, поведение которых определяется некоторой знаковой системой, и которые не включены в «реальные» сетевые взаимодействия (особенно властные). Как правило, эти знаковые системы – заимствованные, «вычитанные из книг». Отсюда общеизвестная интеллигентская «утопичность» и «непрактичность».

Интеллигент, по нашему определению, – это человек идеи. Вот что говорил об этом Б.М. Энгельгардт (в пересказе М.М. Бахтина)¹⁴²:

Такой человек вступает в особые отношения к идее: он беззащитен перед ее властью, ибо не укоренен в бытии и лишен культурной традиции. Он становится «человеком идеи», одержимым от идеи. Идея же становится в нем идеей-силой, всевластно определяющей и уродующей его сознание и его жизнь.

Поступив на службу или занявшись бизнесом, человек интеллигентом быть перестает. Поэтому разрыв и напряжение между интеллигенцией и властью, интеллигенцией и народом существует всегда. Тем более, что свои представления интеллигенция черпает – в меру своего понимания – из зарубежных источников.

В свою очередь, реакция власти – да и народа – на действия интеллигенции тоже неадекватна и часто бессмысленно жесткая. Что порождает бескомпромиссность со стороны интеллигенции. И так далее вдоль порочного круга. Пожалуй, это взаимное непонимание и неприятие тоже можно считать российской институциональной константой.

What is lacking in Russia?

Российский общественный порядок достаточно далек от либеральной модели. Это очень важно иметь в виду, когда элементы либерального порядка – с той или иной степенью их понимания и искажения – переса-

¹⁴² Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского (1929).

живаются на нашу почву. Тем не менее, сравнение свойств нашей системы с либеральным порядком очень интересно.

Попробуем воспроизвести стандартные реакции иностранцев в России.

«Вы только говорите и ничего не делаете»

Мы не просто разговариваем, мы пытаемся организовать коллективное действие.

Последовательность действий *идея – ее реализация – ее общественное одобрение (социализация)* у нас другая. Человек, выступающий с некоторым предложением (идеей), сначала должен убедить в ее целесообразности коллег или вышестоящее начальство. После этого все данное сообщество дружно принимается за реализацию идеи. Недостаточно успешные результаты при этом воспринимаются как проявление *дефицита*.

«Никогда не поймешь, где факты, а где фантазии... Все врут»

Понятие факта имеет смысл только в знаковой системе, а у нас все модальности смешиваются. Люди искренне не видят четкой границы между тем, что было, что должно было быть, и что бы они хотели, чтобы было.

«Законы не действуют, а договоры не выполняются»

Конечно! Основа русского общественного порядка – это не правовая система, а социальные сети. Как и в нейронных сетях, информация существует здесь в виде связей между элементами, а не в виде стабильных идеальных объектов, «как бы вещей», которые сохраняют свой смысл и действие во времени.

«Кругом коррупция»

Отделение договорных отношений от властных – это специфическая черта, присущая только либеральному общественному порядку. У нас этого нет.

«Русские не любят друг друга»

Часто приходится слышать, что русские настороженно относятся друг к другу и не способны сотрудничать. Особенно это относится к не очень знакомым между собой людям. В чем причина и как это исправить?

Думается, причин две. Во-первых, наш способ организовывать взаимодействие между людьми предполагает участие власти. Если Иванову

что-то нужно от Петрова, он привык обращаться к их общему начальнику Сидорову, который может Петрова заставить. Отношения Иванова и Петрова им обоим кажутся конкурентными и даже враждебными.

Вторая причина в том, что Иванова интересует не только – или даже не столько та вещь, которую он хочет получить от Петрова, сколько его представления о мире в целом и, в частности, о том, как Петров должен себя повести. У Петрова, ясное дело, тоже есть свои представления, не такие, как у Иванова.

«Россия должна...»

Мы говорили, что либеральный порядок обладает свойством программируемости. Наша система этим свойством не обладает. Непрограммируемость системы другими словами означает отсутствие в ней рефлексии. Это создает трудности не только для действия, но даже и для понимания людьми своего собственного положения. Картина мира может быть (как в СССР) навязана посредством идеологической пропаганды, если же этого не происходит, возникает то, что Сергей Ушакин назвал «постсоветской афазией»¹⁴³ – неспособности сегодняшних россиян описать свою собственную жизненную ситуацию.

Поэтому возникает естественное желание «сделать, как у нормальных людей». Обычное рассуждение при этом начинается с вопроса: «При каких условиях Россию можно сделать нормальной страной?», «Чего для этого не хватает?», «What is lacking?» Но зададимся вопросом: чего стоят рекомендации, начинающиеся со слов «Россия должна...»?

Следует заметить, что такого рода рассуждения «от противного» содержат логическую ошибку. Со структуралистских позиций, общественное устройство любой страны, в том числе и России, представляет собой логически связанное целое, в котором каждое явление можно считать как причиной, так и следствием почти любого другого. Любое свойство системы можно с одинаковым основанием назвать первопричиной всех наших бед или достижений, «основным звеном», за которое можно «вытянуть всю цепь»¹⁴⁴.

¹⁴³ Oushakine, Serguei. In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia – Europe-Asia Studies, Vol. 52, No. 6, 2000, 991–1016

¹⁴⁴ Сказанное не есть демонстрация пессимизма автора. С практической точки зрения, это скорее рассуждение о возможных инструментах политики. Изменения в общественных структурах происходят так же, как, скажем, в фонетике, где изменение в произношении какого-то одного звука приводит к компенсаторному сдвигу во всей системе звуков, направленной на то, чтобы сохранить их смысловоразделительную функцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как говорилось в самом начале, эта книга возникла из попыток понять общественное развитие в нашей стране с помощью сочетания когнитивного и институционального анализа.

С методологической точки зрения следует отметить два момента. Первое и самое общее – это то, что мы рассматривали знание как единую большую систему, складывающуюся не только из специфических знаний и навыков отдельных людей. Кроме этого *распределенного* знания существует также целостное *внеличностное* знание, которое не менее значимо (в первую очередь сюда относится язык). Мы выразили эту позицию *методологического холизма* с помощью понятия когнитивной среды.

Второй исследовательский прием состоял в том, чтобы посмотреть на общество с позиций когнитивной науки, т.е. как на информационный процессор. Это дает возможность перенести все накопленное знание о мозге, мышлении и искусственных информационных системах на системы социальные и тем самым открывает большие возможности для обогащения как обществоведения, так и когнитивной науки.

Идея такого рода исследовательской программы обсуждается уже довольно давно, хотя все еще воспринимается как новшество (Дуглас Норт говорил об этом еще в 1993 году в своей нобелевской речи). В книге эта идея реализована, результаты разных наук о знании, от лингвистики до богословия, использованы как единый набор исследовательских инструментов. Переход к новой парадигме позволяет видеть привычные явления в новом свете. В частности, мы можем распознать в общественных системах два известных способа переработки информации – «классический» и «коннекционистский». Первый из них основан на использовании символических систем, подобных языкам. Второй связан с понятием информационных сетей, первоначально построенных как модель, аналогичная нейронной структуре мозга. Использование такого рода метафор позволяет также по-новому взглянуть на экономику и в феномене товарного производства увидеть аналог взаимодействия компьютера с внешней памятью. Мы можем также различить в социальных системах два способа представления информации – «фотографический» и голографический.

Исходный вопрос о российском институциональном устройстве таким образом превращается в обсуждение особенностей нашей когнитивной среды. В первом приближении можно сказать, что в своей основе эта среда устроена как информационная сеть, и поэтому доминирующий в ней способ обращения с информацией – голографический. Образно говоря, знание накапливается у нас везде и обо всем, мы не склонны специализироваться и четко разделять сферы компетенции и уподоблять знание ве-

щи. Это отличает нашу когнитивную среду от того, что можно назвать Западом; там когнитивную инфраструктуру образуют знаковые системы, подобные языкам и оперирующие локализованной корпускулярной информацией.

Говоря об институциональном развитии, мы прежде всего видим, что информация, как электромагнитное поле, легко проникает повсюду и не знает границ. В то же время люди способны понимать только то, что говорится на их языке – в прямом и переносном смысле. Россия – это открытая система, постоянно взаимодействующая с внешними потоками информации, но при этом делающая это своим специфическим образом. Здесь стоит еще раз применить мысль Бахтина о том, что характер – в данном случае характер страны и ее культуры – объемно виден только в свете ее взаимодействия с другими странами и культурами.

В этом смысле можно сказать, что эта книга посвящена одному частному случаю – некоторым сторонам взаимодействия России и Западной Европы. Мы можем отметить четыре главные точки развития западноевропейских институтов. Каждому из этих этапов соответствовала реакция России и способ ее участия в изменяющейся мировой системе.

Первый важнейший момент связан с принятием христианства и отличиями западнохристианского от русско-православного взгляда на мир. Давно замечено, что католицизму свойствен механический и юридический подход. Первое означает, что состояние человека оценивается в терминах наличия у него некоторой субстанции – греховности, которую может компенсировать благодать. Второе – что суждение о греховности выносит церковь, которая и является хранительницей благодати. В отличие от этого, для русской, православной по происхождению культуры характерно ощущение человеком себя как внутренне полностью свободного и состоящего «в онлайн-связи» с Богом. Уже из этого различия проистекают многие поведенческие моменты, в частности трудности с переносом в Россию западных институтов.

Второй этап был связан с изобретением примерно в XII веке в Европе нового способа организации социальных общностей в виде знаковых систем. В результате не только католическая церковь стала самостоятельной корпорацией, управляемой посредством права, но возникли также другие правовые системы, общественные структуры и мировоззренческие парадигмы. Можно сказать, что Россия пропустила этот момент – как из-за монгольского нашествия, так и в силу идеологических разногласий с Западом, однако затем ей пришлось иметь дело с техническими и военными последствиями европейской институциональной революции.

Третий этап в европейской истории был продолжением того, что произошло на втором. Новая форма общественной организации стала бурно развиваться и распространяться. Возникла современная наука. Ро-

дился протестантизм как отрицание роли церкви и, взамен этого, подчинение человека безличной религиозной парадигме. Сложился капитализм. Появилась новая военная система, связанная с использованием масс единообразно обученных солдат. Военная революция привела к появлению абсолютистских монархий и военной промышленности.

У нас никогда не принимали – да, в сущности, и не понимали первопричины европейского прогресса. Тем не менее, наша страна смогла довольно успешно конкурировать во многих этих областях, используя свои имевшиеся социальные формы и институты – в первую очередь, культурный потенциал христианства, но также и архаические технологии власти – прикрепление людей к самой власти и другим общественным структурам, разделение людей на «состояния». В то же время многие европейские институты (или лучше сказать, организационные формы) были импортированы, причем (особенно поначалу) – на более или менее внешнем уровне.

Последним из рассматриваемых ключевых моментов развития Запада было появление к XIX веку массового общества – формирование наций, введение всеобщего призыва в армию, создание систем образования и т.д., в результате чего возникли единые информационные контексты, обеспечившие единообразное понимание тех элементов, из которых сложена жизнь. Эти изменения были так глубоки и так широко распространены, что проникновение в XIX веке в Россию новых образцов поведения – в виде технологий, знаний и идеологий – нельзя было остановить. С одной стороны, это привело к появлению интеллигенции и включению русского общества в мировой интеллектуальный процесс – что дало блестящие результаты. С другой – вызвало в России медленную деградацию старых институциональных механизмов. При этом опять оказалось, что из всех чужих изобретений именно институциональные инновации заимствуются русской культурой и обществом хуже всего. Когда в результате Первой мировой войны и вызванного ей кризиса прежняя система рухнула, на смену ей смогла придти только более жесткая и последовательная институциональная структура того же старого типа – партия большевиков.

Огромная проблема несбалансированности, которая имела одновременно структурно-экономические и институциональные причины, вышла на поверхность в 1917 году. Коммунистическая партия и Сталин разрешили эти противоречия, открыв широкую дорогу для модернизации, и в то же время подорвав равновесие в обществе на долгие годы. Методом управления опять стало насилие, сводившее людей до положения ресурса. Когда этот ресурс стал исчерпываться и между обществом и властью возник своего рода общественный договор, создать новые адекватные институциональные формы опять не удалось. Решение было найдено вовне, путем включения страны в мировое экономическое сообщество. Однако способ этого включения также содержал внутреннее противоречие мировоз-

зренческого и институционального характера, в конечном итоге приведшее к распаду страны.

Заметим, что определяющие факторы институционального развития России сильно отличаются от того, что имеет место на Западе. Одной из главных движущих сил там является прогресс, который связан с индивидуальными инновациями, основанными на свободе людей предлагать новые решения, как технические, так и институциональные – создавать фирмы, некоммерческие или общественные организации. Второй важнейший фактор – это политическая борьба групп и классов за свои интересы. В России общественное развитие было всегда связано в первую очередь с огромными напряжениями, возникающими между разными структурными подсистемами общества – между крестьянами и дворянами, между интеллигенцией и властью, между старой и новой армией, между национальными интересами, наконец, между страной в целом и внешним миром. Имперская структура власти и организации общества в России всегда давала возможность *не выравнивать* условия жизни и правила игры в разных частях системы, сохраняя их самобытность. Это давало нашему обществу энергию развития. С другой стороны, это часто приводило к таким диспропорциям и в правилах игры и в образах жизни, которые ломали саму систему.

Будет ли это механизм сохраняться? Возможно, сейчас наступил момент, когда заканчивается более чем 500-летний период истории страны, связанный с приоритетом военных задач, и на первый план выходят совсем другие вопросы. Или же в который раз наша мировоззренческая и институциональная инерция окажется сильнее, и мы скроим себе «национальную идею» по размеру старых общественных форм? В любом случае, нам желательно знать самих себя, научиться обсуждать наши особенности в явном виде и понять, где может быть наше место в очень изменившемся мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авен П.О., Широинин В.М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований // Известия СО АН СССР. Сер. экономика и прикладная социология. – 1987. – Вып. 3.
2. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. – 1988. – №7, 9.
3. Ауэрбах Э. Мимесис. – М.: Прогресс, 1976. – 556 с.
4. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-1970 гг. – М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002. – 800 с.
6. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
7. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 805 с.
8. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909 (первое издание).
9. Выготский Л.С. Мышление и речь. – 1-е изд. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. – 323 с.
10. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 1-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
11. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991.
12. Голограмма // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Голограмма>
13. Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. – 1992. – № 9. – С. 52-60.
14. Дальноедействие // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дальноедействие>
15. Данилов В.П. Коллективизация // www.rus-lib.ru/book/35/16/355-400.html
16. Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922. – М., 1994.

17. Данилов В.П. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Т. 1–5. – М., 1999–2006.
18. Движущие силы и перспективы политической трансформации России / [Белановский С. И др.]. – М., 2012. – Сведения доступны также по Интернету: www.csr.ru/docs/category/8-?download=201%3A
19. Дмитрий Быков в МГИМО // <http://www.youtube.com/watch?v=eXyfdD7W1-Q>
20. Закария Ф. Будущее свободы. Нелиберальная демократия дома и за границей. – М: Ладомир, 2004.
21. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. – Lausanne, L'age d'Homme, 1976 (первое издание).
22. Знак // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Знак>
23. Искусственная нейронная сеть // http://ru.wikipedia.org/wiki/Искусственная_нейронная_сеть
24. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 574 с.
25. Кардинал // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кардинал>
26. Касьянова К. (Чеснокова В.Ф.) О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 267 с.
27. Константинов В.М., Найшуль В.А. Технология планового управления: препринт. – М.: ЦЭМИ АН СССР, 1986.
28. Концептуальная основа модели реформы здравоохранения стран Центральной Азии: сборник материалов. – Алматы: ABT ASSOCIATES INC., 1999.
29. Кордонский С.Г. Некоторые социологические аспекты хозяйственных отношений // Теоретические проблемы совершенствования хозяйственного механизма: Сб. трудов. / Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований. – М., 1986. – Вып. 6.
30. Кордонский С.Г. Циклы деятельности и идеальные объекты. – М.: ПАНТОРИ, 2001.
31. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.

32. Корнаи Я. Дефицит. – М.: Наука, 1990.
33. Корпорация // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Корпорация>
34. Крайтон М. Восходящее солнце (1992) // <http://lib.ru/DETEKTIWY/KRAJTON/sun.txt>
35. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2009.
36. Курс общей лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
37. Личное подсобное хозяйство // <http://ru.wikipedia.org/wiki/ЛПХ>
38. Лосский В.Н. Догматическое богословие // Богословские труды. – 1972. – №8. – С. 131-183.
39. Машина Тьюринга // http://ru.wikipedia.org/wiki/Машина_Тьюринга
40. Мейендорф И.Ф. Введение в святоотеческое богословие. – 1-е изд. – Нью-Йорк, 1985.
41. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры (в 3 частях).- СПб.: Издание журнала «Мир Божий», 1896—1903.
42. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). – СПб.: Дм. Буланин, 1999 (первое издание).
43. Мирский Г.И. Все же – почему их расстреляли? [Электронный ресурс] : Радио эхо Москвы // http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1027608-echo/
44. Найшуль В.А. Другая жизнь. – М.: Самиздат, 1985.
45. Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма. – В кн.: Погружение в трясину. – М., 1991.
46. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: ГУ ВШЭ, 2010.
47. Ослон А.А. Мир теорий в эпоху «охвата» // Социальная реальность. – 2006. – №1.
48. Островский Н.А. Как закалялась сталь (1932).
49. Павловский Г.О. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. – М.: Европа, 2012. – 120 с.

50. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – 1-е изд. – М.: Захаров, 2004.
51. Померанц Г.С. История России в свете теории цивилизаций: Публичная лекция // <http://www.polit.ru/article/2005/11/14/pomerants/>
52. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. – М: ЭКСМО, 2010. – 448 с.
53. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983.
54. Серова Е.В. Аграрная экономика. – М.: ГУ ВШЭ, 1999. – 478 с.
55. Символ // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Символ>
56. Словари XXI века // <http://slovari21.ru>
57. Сорокина Т.С. История медицины // <http://www.bibliotekar.ru/423/35.htm>
58. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
59. Соссюр Фердинанд де // http://ru.wikipedia.org/wiki/Соссюр,_Фердинанд_де
60. Такман Б. Августовские пушки. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 494 с.
61. Таксиль Лео. Священный вертеп (1882).
62. Фадеева О.П. Особенности формирования многоукладной экономики в сельской России // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2011. – № 5. – С. 37-46.
63. Фалькнер С. А. Бумажные деньги Французском революции. – М., 1919.
64. Фуко М. Слова и вещи. – СПб., 1994.
65. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. – СПб.: Университетская книга, 1997.
66. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. т.3. – Киев: Дух и Литера, 1998.
67. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.
68. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999.

69. Хайкин С. Нейронные сети. Полный курс. – Второе издание. – М.-СПб.-Киев: Изд. Дом «Вильямс», 2006. – 1104 с.
70. Широнин В.М. Механизмы координации производственной деятельности // Сравнительный анализ хозяйственных механизмов социалистических стран: Сб. трудов / Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований. Вып. 15. – М., 1984.
71. Широнин В.М. Институты и инновации: взгляд когнитивной науки // Вопросы экономики. – 2010. – №5.
72. Шмеман А.Д. Исторический путь православия. – 1-е изд. – Нью-Йорк, 1954.
73. Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924-1928. – М.: Дело, 2010.
74. Яременко Ю.В. Структурные изменения в социалистической экономике. – М.: Мысль, 1981. – 300 с.
75. Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966. (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: "Медиум", 1995.).
76. Berman, Harold J. The Nature and Functions of Law (1954), 6th ed. – NY: Foundation Press, 2004. – 877 p.
77. Berman, Harold J. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition. – Harvard University Press, 1983.
78. Clark, Andy, and Karmiloff-Smith, Annette. The Cognizer's Innards: A Psychological and Philosophical Perspective on the Development of Thought. – Mind & Language, Vol. 8, No. 4, Winter 1993.
79. Clark, Andy, and Chalmers David J. (1998). The extended mind. Analysis 58: 7-19.
80. Commons, John. Institutional Economics. – American Economic Review, vol. 21 (1931), pp. 648-657.
81. Dawson, Michael R.W. Understanding Cognitive Science. – Blackwell Publishers, 1998.
82. Episteme // http://en.wikipedia.org/wiki/Episteme#The_concept_of_episteme_in_Michel_Foucault

83. Hayek, Friedrich A. The Use of Knowledge in Society. – The American Economic Review, Vol. 35, No. 4. (Sep., 1945), pp. 519-530.
84. Hayek, Friedrich A. The Principles of a Liberal Social Order. – In: The Essence of Hayek, Stanford, CA: Hoover Institution, 1984.
85. Intelligentsia // <http://en.wikipedia.org/wiki/Intelligentsia>
86. File:ChristianityBranches-strip.svg // <http://en.wikipedia.org/wiki/File:ChristianityBranches-strip.svg>
87. Freidson, Eliot. Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. – Chicago: University of Chicago Press, 1970.
88. Friedenber, D. S. Soviet health care system. – Western Journal of Medicine, v.147(2); Aug 1987.
89. Hofstadter, Douglas R. (1999) [1979], Gödel, Escher, Bach: An Eternal Golden Braid, Basic Books, ISBN 0-465-02656-7.
90. Kornai J. Economics of Shortage. – Amsterdam etc.: 1980.
91. Learning then talking // <http://www.nytimes.com/1988/08/16/science/learning-then-talking.html>
92. McClelland, James L., Rumelhart David E. and the PDP Research Group. Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition – Volume 1 (foundations) and Volume 2 (Psychological and Biological Models). – Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
93. Martens, Bertin. The Cognitive Mechanics of Economic Development and Institutional Change. London and New York, Routledge, 2004 (221 p.).
94. Negative right // http://en.wikipedia.org/wiki/Negative_right
95. Neurons // <http://britishsciencefestival.files.wordpress.com/2012/08/neurons.jpg>
96. One and Three Chairs // http://en.wikipedia.org/wiki/One_and_Three_Chairs
97. Oushakine, Serguei. In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia – Europe-Asia Studies, Vol. 52, No. 6, 2000, 991–1016.
98. Parker, Geoffrey. The “Military Revolution”, 1560 -1660 – a Myth? – The Journal of Modern History, Vol. 48, Issue 2 (Jun., 1976), 195 – 214.

99. Roberts, Michael. Military Revolution, 1560 -1660. – Reprinted with amendments in *Essays in Swedish History* (London, 1967), pp. 195-225.
100. Rosenberg, Nathan, Birdzell, L.E. Jr. How The West Grew Rich: The Economic Transformation Of The Industrial World. – Basic Books, 1986. – 353 p.
101. Rubin vase // http://en.wikipedia.org/wiki/Rubin_vase
102. Scholasticism // <http://en.wikipedia.org/wiki/Scholasticism>
103. Sejnowski, Terrence J., Rosenberg, Charles R. Parallel Networks that Learn to Pronounce English Text. – *Complex Systems* 1 (1987), 145 -168.
104. Structuralizm // <http://en.wikipedia.org/wiki/Structuralism>
105. The Turing Machine and Non-Computability // http://ipod.org.uk/reality/reality_universe_computer.asp
106. Vanberg, Viktor J. On the complementarity of liberalism and democracy – a reading of F.A. Hayek and J.M. Buchanan – *Journal of institutional economics* (2008), 4: 2, 139–161.
107. Foto // <http://www.jedynysklep.pl>

Учебное издание

Широнин Вячеслав Михайлович

КОГНИТИВНАЯ СРЕДА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Редактор В.М. Макосий

Подписано в печать 17.06.13. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 16,5. Тираж 210 экз. Заказ 259. РТП изд-ва СПбГЭУ.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21.

